

**Божественная любовь
по учению Библии и Православной Церкви
епископ Вениамин (Милов)**

ВСТУПЛЕНИЕ

Взаимоотношения умозрительной и нравственной сторон православно-христианской догматики. – Содержание двух частей настоящего труда. – Логическое мышление и благодатная жизнь любви. – Порядок уяснения нравственного смысла догматов веры в нашей работе. – Источники и пособия. – Переход к учению о человеке и его естественной способности к любви.

В преддверии исследования вопроса о Божественной любви скажем несколько слов: 1) о единстве умозрительной и нравственной сторон христианской догматики, 2) об избранном нами методе разработки нравственного значения догматов и 3) о материалах, привлекаемых к делу.

Глава 1

С нравственной точки зрения догматы веры определяют законы развития христианской самоотверженно-любвеобильной жизни. Осветить нравственную сторону православной догматики – то же, что показать в догматах первоосновы любви и проследить отражение их в христианском благодатно-деятельном настроении.

Самая суть "закона" (Мф.22:40) христианской жизненной веры кратко выражается тезисом «Жизнь любовью и для любви». По мосту любви «голая вера переходит в жизнь».

Указанием связи с любовью каждой вероучительной истины в целом ясно отмечаются как действия в мире невидимого Божества, так и законные формы их восприятия христианской личностью. Таким путем в конце концов выводится целостная норма нравственной жизни в Церкви. Эти нормы, опираясь на догматы, всегда могут быть для православных христиан защитой от увлечения внецерковными ложными теориями нравственности и руководством к пребыванию в силе Божией любви, что есть предвкушение вечной жизни еще на земле. Так практически постигается «сила благочестия» (2Тим.3:5), или благодать Божия, укрепляющая человеческую природную способность любить.

Глава 2

В своем труде мы пытаемся прежде всего, согласно догматам, изобразить движение от Божия Существа к человеку благодатной силы любви, отвечающей на устремление к Богу человеческой свободы. Это составляет первую часть исследования. Во второй его части, по определению содержания основных нравственных понятий при свете догматов, делается опыт теоретического построения любвеобильной деятельности христианской жизни на догматических устоях.

Нравственная сторона догматического богословия понимается в своей беспредельной глубине, широте и высоте лишь по мере жизни в любви и при единении с Православной Церковью, но по сверхъестественности переживаний благодатно любящих она исчерпывающе невыразима человеческим красноречием.

Порядок обозрения догматов удобнее всего заимствовать из православного Символа веры, части, или члены, которого внутренне объединены друг с другом, а также из курсов догматического богословия.

Обозначение предмета нашей работы словами «Божественная любовь» заимствовано из Библии, где читаем: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1Ин.4:16).

Истинная любовь в разумно-свободных тварях всегда Божественна, потому что образующим началом ее бывает светоносная сила Троидного Божества. Соответственно безраздельности природной любви человека к Богу идет человеческое воспламенение небесным огнем любви в ряде бесконечно возвышающихся усовершенствий.

Глава 3

При написании настоящего труда источниками служили:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами. 2-е изд. СПб.: Синод, тип., 1892.

2. Полный круг православных церковно-богослужебных книг: Октоих, сиречь Осмогласник: В 2 кн. М.: Синод, тип., 1898.

Триодъ Постная. М.: Синод, тип., 1780.

Триодъ Цветная. М.: Синод, тип., 1886.

Минея [месячная]: [В 12 т.]. М.: Синод, тип.:

Ианнуарий. М., 1747; Февруарий. М., 1690; Март. М., 1747; Априллий. М., 1691; Майй. М., 1691; Иуний. М., 1747; Иулий. М., 1747; Август. М., 1691; Септемврий. М., 1689; Октоврий. М., 1747; Ноемврий. М., 1747; Декемврий. М., 1747.

Минея праздничная. М.: Синод, тип., 1914.

Минея общая. М.: Синод, тип., б. г.

Часослов учебный. М.: Синод, тип., 1914.

Канонник. СПб.: Синод, тип., 1914.

Служебник. СПб.: Синод, тип., 1867.

Требник. Молитвослов для совершения священнодействий Православной Церкви на русском языке *Пер. на рус. яз. [свящ.] В. Адаменко. Н. Новгород, 1927.*

Порядок всенощного богослужения *Пер. на рус. яз. [свящ.] В. Адаменко. Н. Новгород, 1925.*

3. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) *Сост. свящ. Г. Дьяченко. М., 1900. (Около 30 000 слов).*

4. Творения святых отцов (в русском переводе): святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Афанасия и Кирилла Александрийских, Кирилла Иерусалимского, Григория Неокесарийского, Григория Двоеслова, Киприана Карфагенского; блаженного Феофилакта Болгарского, блаженного Симеона Солунского, блаженного Николая Кавасилы, архиепископа Солунского, блаженного Августина, святителя Тихона Задонского.

5. Аскетические творения преподобных отцов: Ефрема Сирина, Нила Синайского, Петра Дамаскина, Варсануфия [Великого] и Иоанна [Пророка], Симеона Нового Богослова, Иоанна Лествичника, Макария Египетского и иных, упоминаемых в Добротолубии.

6. Русские аскетические писания: архимандрита Паисия (Величковского), епископа Феофана Затворника, епископа Игнатия (Брянчанинова).

7. Духовные письма: епископа [Саратовского и] Пензенского Иннокентия (Смирнова), митрополита Московского Филарета (Дроздова), митрополита Московского Макария (Невского), Георгия (Машурина), Затворника Задонского, протоиерея Авраамия Некрасова, Оптинских старцев: Макария, Амвросия, Анатолия (Зерцалова), Оптинского игумена Антония (Путилова).

8. Наставления русских подвижников благочестия XVIII и XIX веков.

9. Полные собрания проповедей: митрополита Московского Филарета [Дроздова], митрополитов Санкт-Петербургских Никанора (Клементьевского) и Антония (Вадковского), архиепископов Херсонских Иннокентия (Борисова) и Димитрия (Муретова), архиепископов: Симбирского – Иринарха [Попова], Харьковского – Амвросия [Ключарева], Черниговского – Филарета [Гумилевского], епископа Имеретинского Гавриила [Кикодзе], митрополита Киевского Арсения [Москвина] и других.

10. Полные собрания сочинений: митрополита Московского Платона (Левшина), протоиереев И. И. Сергиева (Кронштадтского) и Родиона Путятина.

11. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святителя Димитрия Ростовского: [В 12 кн.]. М.: Синод, тип., 1903–1916.

12. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: [В 12 кн.]. М., 1906–1912.

Годы издания указанных выше книг отмечены нами в тексте работы.

Вслед за данными Библии на первом месте вместе с творениями святых отцов мы ставим свидетельства церковнобогослужебных книг, истолковывающие

вероучительные истины христианства авторитетно, просто и благодатно. Более подробно освещаются в богослужебных книгах догматы о Троице, Боге, грехе и искуплении, о Церкви, благодати Таинств и вечной жизни и менее обстоятельно – нравственные выводы из догматов.

Кратко и существенно схватывая нравственную сторону православной догматики, церковно-богослужебные молитвы и песнопения позволяют своим содержанием многие места Библии уяснить почти исчерпывающим образом. Лишь в немногих отрывках церковно-богослужебная мысль, из-за густоты образов и возвышенности речи, мало понятна и требует пояснения святоотеческими и пастырско-учительными изречениями.

Многочисленные пособия, использованные нами в качестве материала к пониманию смысла термина «Божественная любовь», поименовываются в контексте речи [работы]. Как любовь к Богу и людям осуществляется человеческой природой – это объясняет учение о психике человека в связи ее с телом, раскрываемое нами ниже.

ЧЕЛОВЕК

Дыхание «жизней» в природе человека. – Три течения духовно-жизненной силы его. – Ум, сердце и воля человека в их нормальных и зараженных грехом отправлениях, – Сердце и воля с точки зрения их сравнительной важности в душе. – Жизнь Троиственного Бога как ключ к пониманию начальности и глубинности воли в богообразном человеческом существе – Взаимоотношения воли с умом и сердцем – Библейские и церковно-богослужебные изречения о значении воли в икономии душевной жизни, – Принадлежность настроения любви ко всем трем душевным силам, но с укоренением ее в воле, – Мысли Священного Писания и святых отцов по поводу значения воли для любви. – Воля и благодать Божия. – Переход к учению о единстве Божия Существа.

Христианство ставит своею целью уврачевать и облаженствовать падшего человека, уклонившегося от самоотверженной любви к Богу и ближним вследствие погружения в страсти самолюбия. Для ясного понимания образа воссоздания человеческой природы, поврежденной грехом, следует предварительно рассмотреть ее устройство.

При создании первого человека Творец вдохнул в его тело «дыхание жизни» (Быт.2:7)¹, то есть душу с тремя течениями ее жизненной силы – телесным, душевным и духовным.

Наличие в нашем телесном организме жизненного действия души видно из того, что самосознание ее остается неизменным, несмотря на развитие в разных возрастах. Оживотворяя нашу телесность, жизненная сила души представляет собою бессмертное семя телесности, по слову Писания: «Бог дает тело, как восхощет, и каждому семени свое тело» (ср. 1Кор.15:38). После же своего разлучения с тленным телом в час смерти человека это семя как бы разоблачается и уготовляется для произращения нового, бессмертного тела в день всеобщего воскресения мертвых².

Пока на земле душа не разлучилась еще с телом, ее деятельностью и силой в теле непрерывно поддерживается

кровообращение. И по словам Священного Писания, "душа всякой плоти в крови" (ср. Лев.17:11). Оттого возмущение души волнует в нас кровь, воспламенение воспаляет и разгорячает, душевное исступление почти останавливает кровообращение. Равным образом нервная система нашего тела обязана своей чувствительностью и управлением именно нашей душе. Тело – одежда души и вещественность, нужная для ее связи с чувственным миром и для действия в нем.

Собственно «душевное» течение силы нашего духовного начала направлено ко всей житейской среде и земному обиходу. Его действием душа творит науки, искусства, ремесла и создает свой практический быт, обнаруживая здесь три свои главные способности: ум, чувство и волю.

Высшая сторона душевной силы, которою люди соединяются с Богом, есть дух (πνεῦμα). О духе Священное Писание упоминает, например, в словах: «ваш дух, душа и тело во всей целостности да сохранится без порока» (ср. 1Сол.5:23). И еще: «слово... проходит до разделения души и духа» (ср. Евр.4:12). В духе лежат идеи, понятия бесконечного и нравственного, предчувствия духовных вещей и закон самоотверженно-любвеобильного действования. Человеческий дух способен непосредственно от Бога принимать напечатления и веяния Божественной силы, слышать Божии слова, созерцать тайны горнего мира, провидеть будущее. В то время как тело и душа человека являют в себе наиболее свойства растительной и животной жизни, его дух есть высший орган, воспринимающий благодать Святого Духа и служащий храмом Святого Духа (Рим.8:9; 1Кор.2:12, 3:16, 6:19; 2Кор.6:16). Ему свойственно воспарять к высшему ведению и уразумению Божественной истины.

При несвязанности страстями души и тела дух человека необыкновенно облагораживает и приспособляет к единству любвеобильного настроения все деятельные обнаружения ума, чувства и воли. Он все время противостоит разложению и распаду, открывающемуся пред ним в бытии, и от ощущения – первичного явления познания, перерабатываемого в представления, понятия и умозаключения, – поднимается к

общим понятиям. Посредством их он осознает, наконец, все познаваемое в едином Первоначале, Боге.

Познание чистым духом окружающего мира никогда не разрывается с чувством сердца. Это опознание всего уразумеваемого в Боге состоит в том, что представления чувственного мира сердечно переживаются духом как впечатления от Божиего творения, как явление свойств и действий Божиих, непрерывно возрастающее в направлении простоты, глубины и единовидности. Дух держит чистое сердце горящим чувствами благоговейной и преданной Богу любви, движет Его прославлять, благодарит Бога в ответ на переливающуюся в него от Божия Существа силу Божественной любви. Сердечное предстояние духа человеческого Богу в неизъяснимо приятном чувстве возбуждает его к могучей деятельности любви благодатию Божией.

Сообразно тому и воля склоняется чистым духом к выбору побуждений безусловно ценных, угодных Богу и становится устойчивой и даже вовсе непоколебимой в добре. От частого соображения с изволением Божиим она привыкает действовать только в духе боголюбия, определять себя исключительно к делам самоотвержения и соблюдения евангельского закона самоотверженной любви, преодолевая легко всякие искушения.

Таково влияние духа на все стороны жизни человеческого существа при условии его чистоты. Когда же он связывается страстями, тогда его познания становятся разрозненными, самодовлеющими, чуждыми сердечности, чувство его тускнеет для полного отражения силы Божией любви, а воля начинает действовать по низменным себялюбивым побуждениям.

Силою духа, подкрепленного благодатию Божией, душа и тело обычно приспособляют свои отправления к единообразной жизни любви. В этом случае разуму, совестному чувству добра и жажде богообщения в духе подчиняются рассудок, симпатическая чувствительность и свобода практического самоопределения души, а также способность воображения, органическая чувствительность и свобода мускульных движений, связанные с телом.

Из сказанного о телесной, душевной и духовной жизни человека следует, что ее предназначение, по мысли Библии, заключается в свободном достижении единовидности в Боге или всецелости настроения любви.

В психологическом смысле любовь проста и разнообразна, открывается же в нераздельности трех душевных сил. Она не слагается из обособленного действия той или иной силы души, а единовременно образуется всеми тремя силами. Сложение их влияний не дало бы в итоге действительной простоты и единства настроения любви. Потому-то нельзя сказать, что любовь распределяется по душевным силам или из них составляется. Она содержится в душе нераздельно и тождественно и охватывает полнотой своего настроения все душевные силы без смешения их проявлений.

Что же касается процесса развития ее, то в нем нельзя не отметить одной характерной особенности. До момента оживления сердца любовью человек обычно наклоняет себя к действиям любви по сознанию долга, без сердечного чувства их приятности. В этом смысле при начальных попытках к самораскрытию любви нельзя не признать за волей некоторую преимущественность обнаружения, сравнительно с умом и сердцем. И наша дальнейшая речь о выразительных напряжениях воли любящего будет касаться не общего тонуса его душевной жизни, а только его самочувствия при аскетическом режиме. Конечно, безусловной аксиомой следует признать то, что средоточие чувства любви у людей принадлежит сердцу, из которого «источники жизни» (Притч.4:23). Но в практическом отношении дела любви осуществляются волей. На эту бесспорную мысль наталкивают нас самые характеры деятельно любящих. У них воля, не заслоняя собою равные ей и самобытные в отправлениях ум и сердце, служит как бы местом их опочивания и объединяющей их простоты. «Волевые явления возникают (в людях) раньше всех других. Они составляют первичный, а потому и основной факт душевной жизни (и)... ее типический процесс, по образцу коего протекают все другие душевные явления... В каждом

душевном процессе требуется допускать волевую сторону этого процесса и рассматривать ее как главнейшую».

Пробуждение воли в новорожденных младенцах до прояснения еще их мышления, падение ее в грех после ума и сердца, вращение в нее ума характером мышления, а чувствительности – утвердившимися вкусами резко показывают в ней драгоценный источник неиссякаемой энергии любви. Без утверждающейся в добре воли, в сущности, нет и христианства. «Христианство преимущественно есть дело... конца не имеющее... Умовая сторона в нем совне стоит, как свечи и лампы в рабочей. Работа идет при свете. Ум – помощник и споспешник, но не главный производитель». Сама благодать Божия сочетается только с решениями и усилиями к добру воли, происходит ли это усилие главным образом в ее области или преимущественно в области ума и сердца. Добрые и греховные «решения человека на дела... собственно и подлежат суду» Божью. В них ярче всего сказывается принадлежность человека к царству естественному или духовному и развитие им плотяности, душевности или духовности.

Что касается ума и сердца в отношении к волевой жизни вообще, то и они, безусловно, влияют на нее. Так, ум руководит волей нашей во многих случаях и направляет ее в ту или другую сторону по своему усмотрению. И сравнительно с чувством способность воли занимает положение далеко не всегда господствующее. Напротив, очень часто «желание порождается» в душе чувством.

У совершенных же, по словам святого апостола Павла, «чувства навыком приучены к различению добра и зла» (Евр.5:14). Их «сердце влечется к благу истинному, а где сердце, там и воля». Постоянство в жизни текущего сердца устанавливается в конце концов его сложившимися вкусами.

Ввиду своего деятельного значения в душе способность воли с полным правом может быть названа энергией умственных и сердечных отправлений. На фоне общего течения душевной жизни волевые навыки приспособляют к своему направлению нередко и образ нашего мышления, и тон чувств.

Раскрытые нами мысли о положении воли в икономии душевной жизни отображают в себе со всей точностью взгляды Библии и Церкви на данный вопрос.

«Бог, читаем в Ветхозаветном Писании, «от начала сотворил человека и оставил его в руке произволения его. Если хочешь, соблюдешь заповеди и сохранишь благоугодную верность. Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему» (ср. Сир.15:14–15, 17). У праведных людей «в законе Господа воля» (Пс.1:2) и "желание их есть одно добро» (Притч.11:23). Спаситель и Его апостолы в новозаветные времена определенно учили о практической важности для человека доброго волевого устройства, послушания Богу, добрых дел (Мф.25:34–40), уклонения от «прежних похотей» (1Пет.2:11; 2Тим.2:22), "святости" во всех поступках (1Кор.7:34).

Подражая образу библейских воззрений на волю, составители церковно-богослужебных молитв и песнопений весьма часто говорят о твердости помысла страдающих за Христа святых, о неизвращенности их желания к Богу и приближении их (к Нему), Великому Свету, крайним желанием. Во святых, по словам церковного богослужения, поистине чудны «возненавидение земного», увядание желания плоти и «уязвление чистым и светлым желанием». Они «не оскудевают до старости в искании Бога», вооружении себя «жалом божественного желания» Его и мученическом возлюблении Креста Христова добрым произволением. «Принесение всего желания в жертву Богу» лучше всего выражало беззаветное стремление угодников Божиих к самоотвержению и богоугождению.

Определением положения воли среди прочих душевных сил с жизненно-практической точки зрения мы достаточно подготовили почву к уяснению себе того, насколько воля придает оттенок практицизма христианскому настроению любви. Подтверждение этой мысли дают, например, такие библейские изречения: "Любовь, читаем в Библии, состоит в том, чтобы мы поступали по заповедям» (ср. 2Ин.1:6), «я люблю заповеди Твои более золота, и золота чистого» (Пс.118:127), восклицает псалмопевец.

Именно силою воли осуществляется «Божественная любовь, прилепляющая к возжеланию чистейшего Божества неотторжимо». Все мы «желательную часть души настраиваем наилучшим расположением, коему имя любовь». «Кто что любит, тот того и желает конечно, а чего желает, то улучшить подвизается».

«Без желания Бога и Божественного любовь к Богу не может состояться». «Стремление и любовь почти одно и то же, потому что ведь мы не стремимся к тому, чего не любим, но нельзя (нам) не стремиться к тому, что любим». Применительно к аскетической норме блаженная жизнь состоит, таким образом, в совершенстве хотения. «Необходимо, чтобы человек... волею совершенно любил Бога... Живущий во Христе... имеет вечную жизнь в воле, посредством любви достигая неизреченной радости».

Соответственно этому деятельную любовь можно определить как окрашенное сердечной чувствительностью и сознанием ума расположение воли и навык ее объединяться с любимыми однородной деятельностью. «Не любим словом и языком, учит апостол Иоанн Богослов, но делом и истиною» (ср. 1Ин.3:18). Любовь – движущая волевая сила; знание здесь – освещение пути; чувство – умение (как и где) следовать по пути. Расположения любить оседают в волевых навыках преимущественно совершением добрых дел. Добрые дела крепят и усиливают влечения любви и увеличивают очаг любвеобилия в глубинах воли. При совершении добра воля человеческая совпадает с Божественной и тем обогащает себя умножением благодатной силы любить Бога и людей.

Рассмотренная нами оригинальная картина соотношения воли с умом и сердцем в человеческой природе изображает главным образом природную сторону человеческой любви. В дальнейшем следует раскрыть вопрос о Божественной стороне любви попутно с определением нравственного смысла догмата о единстве Божиим.

Часть первая (догматическая). Триединая любовь божества в мире и Церкви БОГ, ЕДИНЫЙ СУЩЕСТВОМ

Выводы догматического богословия об откровении Бога в Его существенных действиях. – Живое отношение имен и свойств Божества к опыту любви человеческого сердца, пребывающего в Боге. – Восприятие человеком Бога как любви, смутно предчувствуемой, и как живой, личной любви, ощущаемой в ее силе. – Явное созерцание Бога в невещественном сиянии Его Существа лицами, чистыми сердцем. – Данные Библии, церковно-богослужебных книг, святоотеческих творений и пастырско-учительных трудов по вопросу о существенном Божием свете как форме откровения Бога человеку и источнике пламенного человеческого любвеобилия. – Обожение человека, преизобильно богоозаренного. – Ступени к этому венцу человеческих стремлений. – Переход к учению о Триединстве Божественной любви.

ВЕРУЮ ВО ЕДИНАГО БОГА. 1-й член Символа веры

Основные выводы православного догматического богословия, на которых оно останавливается в учении о Боге, Едином по существу, сводятся к следующему:

1. «Бог есть Дух» (ср. Ин.4:24) живой, премирный и личный. Он – Первоначало всякого тварного бытия, Первожизнь, Первосила и "любовь" (1Ин.4:16).

2. Его Существо в Самом Себе непостижимо для тварного ума, ангельского и человеческого, но постижимо в действиях.

3. Божественные действия в мире показывают, что Бог в Своем существе есть Дух вечный, всеблагий, всеправедный, всеведущий, всемогущий, вездесущий, неизменяемый, всесвятый, вседовольный и всеблаженный.

Все имена и свойства Божии, отмечаемые догматикой, не суть нечто лишь умосозерцаемое, они скорее изображают особые переживания Бога, присущие всякой истинно верующей в Него душе. Больше того, на основании имен Божиих в Божественном Откровении можно различить три ступени постижения Бога людьми и, следовательно, три ступени человеческого возвышения к богопознанию.

На каждой из названных ступеней боговѣдения люди переживают Бога неодинаково – как Любовь: а) то предчувствуемую смутно, б) то сознаваемую и чувствуемую в ее силе, в) то созерцаемую в неприступном свете, как неведущий огонь любви.

А) Первая ступень богопознания

Первичная форма восприятия Бога Любви сказывается в слышании Божия голоса и Божией воли чрез чувствительность совести к добру и злу и в тяготении человека к Неведомой Первопричине мира. По этому Неведомому Существу человеческая душа постоянно томится и, разобщенная с Ним, тоскует в какой-то внутренней пустоте и сиротстве. Стремление духа даже безнравственных людей к истине, добру и прекрасному есть, в сущности, бессознательное искание Первоначала всего истинного, доброго и прекрасного, то есть Божества. Пусть это искание не возвышается до олицетворенного представления Бога, но оно весьма показательно. В нем видно, как человеческое, омраченное грехом сердце жаждет наполнения Богом и, подобно дитяти, потерявшему мать, с болезненной печалью ищет своего возврата в объятия таинственной Божией силы. Всякая не потерянная окончательно для неба душа всегда будет стремиться слиться со своим Первоисточником, и насильственное задержание этого стремления вредно самому же человеку.

Упомянутое предчувствие людьми надмирной непостижимой Силы и тяготение к Ней всем существом заставляет усматривать в содержании первичного человеческого влечения к Богу смутные черты любви и более – ее предчувствие в Боге. Зло не может влечь к себе не заглохшего вовсе для добра духа человека. Оно обладает отталкивающей силой. Если же сердца людей устремляются к Первоначалу мира, то, очевидно, природно в Нем предощущают, во-первых, живую Личность и, во-вторых, Личность всеблагую, вселюбящую, или самобытную и личную любовь. Они томятся по связи с Нею и желают иметь Ее таинственные ответы. Евангелие любви даже в душах лиц, вовсе осиротевших без Бога, по-видимому, не изглажено совершенно в своих письменах.

Б) Вторая ступень богопознания

При вере в Бога, проясненной Священным Писанием, учением Святой Церкви и опытом, человек внутренне воспринимает в Божестве с гораздо большей живостью и определенностью высочайшую силу любви. Он то по временам, то постоянно чувствует на молитве, как к его сердцу прикасается явно Божественная сила и, снимая с него покрывало грубости, поставляет его в чувство Божия присутствия. Бог открывается здесь человеческому внутреннему переживанию неописуемо и необразно, как смягчающая сила. При таких перемежающихся или постоянных прозрениях верующая в Бога душа приходит в умиление, благоговение и смирение от наития чудной Божией силы. Человек тогда проливает потоки сладких слез и чрезвычайно живо чувствует себя находящимся в лоне Божией любви и обретшим своего Небесного Отца. Сердце при этом подсказывает ему, что он стоит пред чрезмерно любящей Божественной Сущностью и может с сыновним дерзновением изливать пред Нею все свои радости и скорби.

На рассматриваемой второй ступени богопознания Божество ощущается человеческим духом уже ясно, как «любовь по существу и самое существо любви». Вместе с тем все Его свойства созерцаются как «облачения любви» и органически объединенные в ней. Любовь есть непостижимое для нашего себялюбия Божие состояние, обнимающее всецело Существо Бога: Его ум, сердце и особенно волю. О каком бы Божественном свойстве мы ни стали говорить, всякое из них найдем окрашенным неизреченной любовью.

Божия **вечность**³ говорит о непрестающей благодати Всевышнего к твари; Его **благодать** – об излиянии Им на сотворенный мир щедрот и утешений неиссякаемо и преизобильно; **правда** – об измерении Его щедродательности приемлемостью одаряемых; **могущество** – о силе Божественной любви. Божие **всеведение** свидетельствует об Отческом внимании Божиим к малым и великим нуждам твари,

вездесущие – о быстроте помощи Бога Своим созданиям и повсюдном соприсущии им; **святость** – об отрицании Богом всего разрушающего в мире закон чистой и самоотверженной любви; **неизменяемость** – о твердости опоры, всегда находимой разумно-свободными существами в Боге, и о верности Божией Своим благим обетованиям. Божии **вседовольство и всеблаженство** показывают в Боге самобытность и совершенную полноту той любви, общения которой Он удостаивает горячо ищущих Его.

Перечисленные свойства Божия Существа в большей или меньшей степени открываются на рассматриваемой второй ступени боговедения, где Бог является человеку живо чувствуемым Милостивцем, Душелюбцем, Благодетелем, неоцененным и бессмертным Сокровищем человеческого сердца и его пренежным Просветителем. Самое созерцание Бога человеком состоит в «ощущении влияния Его животворной вседействующей силы и присутствия» и чувстве Его любви, когда самое биение сердца «как бы повторяет: “Творец, Творец при мне”».

В) Третья ступень богопознания

Согреваемый все более и более силой Божества, верующий может достигнуть высшего восприятия Его невыразимой любви, граничащего с духовным видением в своей душе блистаний Божия Существа. Предмет рассуждений об этом виде богопознания столь возвышен, что здесь исследователю вопроса о совершенном богообщении необходимо оградить свою близорукую мысль херувимскими крыльями библейских, церковно-служебных и святоотеческих изречений.

По церковно-библейскому учению, совершенно чистые сердцем люди и Ангелы созерцают Бога в неприступном и невещественном свете, исходящем от Божия Существа. Этот свет и есть **сила** Божественной любви. Она воспламеняет природную способность любить и в людях, и в святых Ангелах. Обе мысли – что: 1) Бог есть неприступный Свет и 2) осияние Его представляет силу Божественной любви – подробно раскрываются следующими библейскими изречениями.

Бог наш «есть огонь поядающий» (Втор.4:24) и "свет" (1Ин.1:5). Он «обитает в неприступном свете» (1Тим.6:16). "С Ним" (Дан.2:22) и «вокруг Него сияние» (ср. Иез.1:27), так что даже «пламя имени Господа сильно» (ср. Ис.30:27). В Лице воплотившегося Сына Божия «Свет пришел в мир» (ср. Ин.3:19). Спаситель «огонь пришел низвести на землю, чтобы он возгорелся» (ср. Лк.12:49) в сердцах падших грешников. «Если мы ходим во свете, подобно как Он (Спаситель) во свете, то имеем общение друг с другом» (ср. 1Ин.1:7). «Кто любит брата своего, тот пребывает во свете» (1Ин.2:10). «Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Она – **пламень** весьма сильный» (ср. Песн.8:7,6). Богоозаренным естественно «поступать как чадам света, потому что плод Духа состоит во всякой благодати» (ср. Еф.5:8–9).

Превосходное толкование приведенных библейских выдержек дают церковно-богослужебные книги и творения святых отцов.

По словам богослужебных книг Православной Церкви, «Божество сияет в одной заре от Единого Триличного Существа». Но, сияя Тройственным светом или светоносным огнем как бы от одного Солнца, «Оно единовластительствует». В существенном свете Единого Божества созерцаема Его невыразимая красота и «светлость Его славы». «Вселившись в сердце (человека), Единоначальный и Трисиянный свет безначального Существа показывает (озаряемого свыше) световидным храмом Божества» и «домом неприступной славы Триличного Вседетеля». По силе «общения людей с Богодейственным осиянием» «в Божественных лучах неслитной Едѣницы» «Единое Божество есть вечный пламень, просвещающий всю тварь». «Нераздельный свет Единого Естества – незакатный и трисиянный – разделен начертаниями» «Трех Божественных Лиц, но единится существом». Своими блистаниями он как бы «обнажает малое сияние Божества», «Его сокровенную существенную молнию». Полнота же светолития неприступна в Божестве. «Трисиянная и единоначальная» заря Божества есть вместе Его слава. Всегда воссиявая от неприступной Едѣницы, она «наполняет души верующих светлостью», обожает их и насыщает. Озарение Триличного Существа касается не только человеческих душ, но проходит просветительно и во все существующее «от Божественного Престола». Так как «Бог есть любовь» (1Ин.4:8, 16), то и озарение Он «подает пучиною благодати», расширяя сердце Своих рабов (в озарении) любовью. Одним словом, «нераздельный по существу свет Божества устремляет озаряемых к любви». «Луч благодати» или «светодейственное питание» всех напояемых «преображает от злобы к добродетели» и склоняет к Богу Свету.

Отсюда понятно, почему во святых угодниках Божиих одновременны: боголюбие и воссияние Божества, «уязвление красотой Христа Бога и любовь к Нему», «зрение Солнца Правды и прилепление к Нему» неудержимое.

Каноны и песнопения Церкви дают ряд иллюстраций этой мысли в виде хотя бы следующих выражений.

«В любви, Богом дарованной тебе⁴ и огненной, ты, преблаженный, был собеседником Богу, как друг Другу». «Просвещаемый Христовою любовью, ты не осквернил красоты своей души». «Отче! окрыляемый любовью, ты достиг всего сущего сияния Божества». «От юности ты прилепился к любви Христа и от Него просветил твое сердце Божественными зарями». «Богоносный! В тебе обильно воссияла светозарная Богоданная любовь и побудила⁵ тебя охотно положить свою душу за ближнего». «Ты был озаряем, отче, Христовою любовью и чрез милостыню блистал сияниями и принимал Единого Милостивого Бога». «От духовного озарения ты достойно прославилась, возлюбив Христа». «Ты разжегся мысленным озарением и возлюбил Источник нетления». «Исполненный Божественного света, ты, Феофане, срастворился с Желаемым любовью». «Просвещаемый озарением Божественного Духа и разжигаемый любовью ко Христу, ты небрег об опаляемой плоти».

«С неба ты воспринял сияние, возжегши пламя любви к Богу», «орошаемый огнем Духа, ты, страдалец, был объят теплым желанием Сотворшего». «Как огнесветло воссиявшие, вы Божественным огнем любви попалили вещественность злобы». «Христе! Своих святых Ты разжег любовью».

Проводимый Святой Церковью взгляд о совпадении для человека моментов приятия в сердце Божественного огня и соединенного с тем разжжения Божественною любовью, срастворения с нею и успокоения в ней еще более обстоятельно раскрывается святоотеческими творениями.

«Сладость любви Божественной, – читаем здесь, – далеко слаще сота медовного... Когда человек, желая иметь в себе свет Божий и силу Его... очищает свое сердце от всех худых помышлений, непрестанно приносит Богу пост и деннонощные слезы, равно как и чистые молитвы, тогда Бог ущедряет его той силою». «Свет и есть видение Бога».

«Где любовь Божия... и причастие неприступного света, там мир душевных сил, очищение ума и вселение Святой Троицы».

«Душа, с теплым рвением усиленно очищаемая подвижническими трудами, озаряется Божественным светом и

мало-помалу начинает... расширяться в возлюблении Создавшего ее». Поскольку Бог – «Источник света благого», то «причастившихся света (Его) Он объединяет в Себе».

«Сам Он влечет к Себе ум человеческий... и освещает его Божественными лучами», причем «всех равно осиявает лучами благодати Своей».

«Когда входит в человека сила Божия и объемлет члены и сердце его, то пленяет... в любовь Божию». «В силе любви... почивает Бог». «От упоения ею более возгорается огонь». Хотя благодать света «тайно производит в сердцах любовь свою, как пчела тайно выделяет сот в улье», при всем том благодатная сила восчувствуется (сердцами явно) в любви. Кто достигает совершенной любви, тот уже делается узником и пленником благодати... и отводится пленником в иной мир, как бы не чувствуя своей природы». «Душа, приняв в себя Небесный огонь духовной любви, устраняется от всякого пристрастия к духу мира» и «отлагает свою естественную греховную жесткость». «Божественный и Небесный огонь ([Лк.12:49](#)) разжигает ее небесной приверженностью ко Христу».

«Питать и возжигать в себе обильнейший огонь Божественный, то есть любовь Божию, (можно) посредством делания заповедей Христовых... Как чувственный огонь не является в чувственном, если не найдет горючего вещества, так и умный огонь не является в умном, если не найдет вещества заповедей Божиих. Господь и говорит: «Любящий Меня соблюдает Мои заповеди, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» (ср. [Ин.14:21](#)). «Любовь есть престол херувимский, носящий Бога, ибо на ней почивает Бог». «То, что от Бога, свет есть, именно: любовь – свет... благодать Божия свет есть, милость – свет, благоутробие – свет, целование Его – свет... и утешение – свет. Кто причащается сего света, тот бывает... готовым на всякое добро». Это и понятно, когда вспомним, что Бог Любовь «есть "огнь"» ([Лк.12:49](#)). Огонь этот всюду обходит, ища себе вещества, то есть доброго сердца и произволения, чтобы пасть внутрь его и возжечься. В ком возжигается Он, в том восходит в пламя великое... Причастные сего мысленного огня... так

возлюбляли Бога, что не жалели ради угождения Ему самой жизни своей».

«Путь правый... взыскавшего единой любви... вводит наконец в беспредельное мысленное просвещение... Умное (же) просвещение воздействуемо в нем любовью... У того, кто богато осиявается благодатию... душа в эту пору упивается любовью Божиею», и потому «осияние духовное... любовью источает плод ведения». «Ощущение богатства света духовного изменяет ум в любовь Божию». «Любви духовной никто не может стяжать, если не просветится Святым Духом во всей полноте, ощутительно. Ибо если ум не примет от Божественного света совершенного богоподобия, то... совершенной любви остается еще непричастным; потому что только тогда, как человек совершенно уподобится Божией добродетели... носит он и подобие Божественной любви».

И Святой Дух, низойдя на святых апостолов, потому явился «в огненных языках, что (именно Он) принес любовь всеобъемлющую, наподобие огня».

«Любовь зрится... во свете присносущном». Она «семя Божественное... Явный знак ее – радость о Боге... Сколько раз чувствует человек в сердце своем сладость любви Божией, столько же радуется в Боге».

«Предел любви беспределен, и никогда человек не перестанет преуспевать в ней, к свету ведения принимая новый свет». «Любовь – бездна озарения, огненный источник». «Слово о ней известно Ангелам, да и то по мере действующего в них озарения». «Когда же весь человек как бы срастворен с Божиею любовью, тогда и наружность его в теле, как бы в зеркале каком, показывает светлость души».

«В огне Божества сердце согревается совершенною любовью», так как «Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Призовем Господа, и Он, пришед, согреет наше сердце любовью к Нему и к ближним». «Дабы принять и ощутить в сердце своем свет Христов, надобно сколько можно отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, при искренней вере в Распятого, закрыв телесные очи, должно

погрузить ум внутрь сердца и вопиять, непрестанно призывая имя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда по мере усердия и горячности духа к Возлюбленному... и по долгом пребывании с таким упражнением... воссияет, наконец, свет Христов, освещающий храмину (такой) души, как говорит от лица Бога святой пророк Малахия: «И воссияет вам, боящимся имени Моего, Солнце правды» (ср. Мал.4:2)... Когда человек внутренне созерцает свет вечный, тогда ум его... не хочет зреть и себя... только бы не лишиться Бога».

Тогда его «любовь есть первоначальное созерцание Святой Троицы» и облачение в Самого Бога.

Приведенные выше рассуждения святых отцов о природе Божественной любви имеют исключительную научную ценность. Они исходили не от мнения и предположения святых о любви, а от их внутренних переживаний Божества. Не ошибемся, если дерзнем речь угодников Божиих о любви назвать речью «докторов живого богословия», поскольку они в собственном сердце носили начертания Бога Слова, совершенно обучившие их закону любви.

Всякий раз, как им приходилось говорить с кем-либо о высоком опытном переживании христианами Божества от своего лица, их слова исходили под печатью чудного вдохновения. Для образца подобных размышлений и воспоминаний о любви святых позволим себе привести суждения еще трех угодников Божиих: преподобного Симеона Нового Богослова, преподобного Павла Латрского и преподобного Ефрема Сирина.

С учением преподобного Симеона Нового Богослова по вопросу о Божественной стороне любви мы уже встречались в сводке святоотеческих мыслей на эту тему. Но там его воззрения приводились в форме безличных заключений о характере высших христианских переживаний. Теперь же дословно приведем те места из его творений, в которых он говорит о собственном опыте боголюбия и изливает личные чувства. Перифраз подобных драгоценнейших слов лишь ослабил бы силу святоотеческой мысли и впечатление от нее.

«Привел я себе на ум, – восклицает преподобный, – красоту непорочной любви, и внезапно воссиял свет ее в сердце моем.

И от сладости ее стал я восхищенным, вне себя... О любовь превожделенная! Блажен, кто возлюбил тебя, потому что такой не восхощет уже полюбить страстно никакой красоты человеческой. Но блаженнее всех тот, кто... напитан будет от тебя... Господом... (Ты воспламеняешь) сердце мое к безмерному возлюблению Бога и братьев моих». «Я слышал от одного, который говорил: “С тех пор как человеколюбивый Владыка дал мне досыта напиться от воды той, если случилось мне забыть, что я пил от нее, и опять искать, да дано будет мне пить от нее... тотчас сама вода, которой я напился прежде, воскипала внутри сердца моего и начинала бить ключом, как некий поток световой”». «Кто увидит Бога, ему явившегося, тот видит свет... Если близко от него находится тот, кто прежде видел Бога, то идет к нему и говорит: “О, отче! Я видел свет некий сладчайший”. Когда говорит он это, сердце его... пламенеет любовью к Тому, Кто явился ему. Потом опять начинает он говорить со многими теплыми слезами: “Отче! Во мне неизреченная... любовь и пламенение сердца великое”».

Преподобный Павел Латрский в одной беседе со своим сотаинником и учеником Симеоном так описывал свое любвеобильнейшее созерцание Бога: «Если никто не развлекает меня в моем уединении, то я бываю тогда исполнен радости и веселия и вижу вокруг себя сладчайший свет, наслаждаясь которым я забываю все на земле. А если люди отвлекают меня от спасительного уединения и заводят несообразные с ним разговоры, свет тот от меня скрывается, и я, лишаясь его, печалюсь и скорблю». Слыша это признание, Симеон осмелился спросить преподобного:

« – Отец мой! Как же ты узнаешь, что свет тот от Бога, а не от демонской силы?

Преподобный ответил:

– Свет демонский, как свет чувственный, испускает дым. Человек смиренный, пребывающий в чистоте, видя этот свет, невольно чувствует к нему отвращение. А свет, бывающий от Бога, весьма чист, прозрачен и для духа человеческого усладителен. От него человек чувствует неизреченную радость

и тишину, становится смиренным и человеколюбивым. Злые же помыслы, греховные желания и пороки у него исчезают».

Зная опытно все значение богоосияния любви, преподобный Ефрем Сирийский на страницах своих творений неоднократно приводил молитвенные прошения к Богу об одарении собственной души сокровищем любвеобильного света. Таковы, например, воззвания его: «Да возгорится в сердце моем пламень любви Твоей, Владыка, как огонь в лесу». «Сподоби меня, Господи, возлюбить любовь Твою, в которой святые и праведные находят себе утешение... Да царствует в нас все превышающая любовь Твоя».

Из не прославленных еще Церковью, но глубоко чтимых всей Православною Русью подвижников благочестия высоким носителем дара Божественной любви был Георгий (Машурин), затворник Богородицкого Задонского монастыря. Его речи о познании Бога в любви по духу их с полным правом можно поставить в один ряд со святоотеческими рассуждениями. Любовь, по словам Георгия Затворника, все объемлет, но сама, как свет, никак не объемлется. Только снисходительно к нашим чувствам познавается в нас одно ее присутствие. Когда мы храним ее, она лобзает нас **светом истинным**, и погружающихся в нее неизреченно радостворит, восхищает и утешает вечным веселием.

«Любовь нельзя изъяснить словом, подобно (тому) как свет нельзя нарисовать на бумаге... [Она –] неизреченный свет, которым пленяются в безмолвии и самые высшие ангельские умы» и «самотончайший огонь, легчайший всякого ума. Действия огня сего быстры и... изливаются на душу от Святого Духа. Этот огонь лишь коснется сердца – мгновенно все и всякое помышление беспокойное прелается в тишину и смирение». «Тогда душа жаждет Любимого, к Нему воссылает сердечные вздохи... и оставляет все обыкновения, которые разлучают ее со Христом». «При появлении любви исчезает ненависть, блистает в сердце свет, который радует и веселит всю душу». «Что приятнее того, чтобы... самим сиять как солнце... наслаждаясь Божественною любовью вечно, без конца!». «Любовь сама научает нас люблению... и как вода объемлет

рыбу, так любовь объемлет всего человека» «премирными объятиями и совершенно животворит» его. Чистая, как свет, она «долготерпелива, покойна, постоянна, немнительна, нелицемерна, но бессмертна и исполнена всех благих дел» и «блистает небесными красотами». «Само существо любви выше всех вещей и глубже всякой глубины».

Мыслями о любви Затворника Георгия мы заканчиваем установку церковно-библейского взгляда на форму совершенного богопознания. В итоге получаем такое представление о границах боговосприятия.

На высших ступенях духовной зрелости христианина, как показывают свидетельства Библии и Церкви, Бог созерцается в действии неведественного света. Этот свет исходит от Божия Существа, является в чистом человеческом сердце и воспламеняет его неопикуемой любовью к Богу и людям. Невещественное сияние Божества не есть само по себе Существо Бога. Оно – лишь действие Существа Божия и образ безобразный, в котором Бог является человеку. Данное положение прямо вытекает из слов апостола Павла: Бог «обитает в неприступном свете» (1Тим.6:16). Существо же Божие в Себе непостижимо для людей и Ангелов, так как Божество вечно открывается тварям во свете безвидно. И в воплотившемся Сыне Божиим Оно неопикуемо, несмотря на Свое чрезвычайное в Нем приближение к тварной ограниченности. При осиянии достойные иногда слышат непосредственные вещания Божества и чувствуют Его в себе как Живую Личность и Самосознающий Источник огненной любви. Но они не способны постичь Его Существа, тем более что и Божие присутствие для них едва выносимо в безмерном, мысленном свете.

Если причину пламенности любви чистых сердцем является невечерний свет Божества, то, несомненно, его же действие согревает любовь сердца тех лиц, кои еще очищаются от страстей. Именно соприсутствие им Бога производит согревание их теплотой любви. «Как (Господь) "весь" есть "любовь", то прикосновение Его к сердцу тотчас и возжигает любовь к Нему... Вот это и должно быть предметом

искания». Принимая действие Божественного огня сердечно, человек соединяет с ним теплоту естественных боголюбивых чувств и в конце концов приходит к необычайному разжжению благодатным пламенем. «Так как Бог есть свет, то любимые Богом бывают овеяны облаком света», покрывающим любимых Им и любящих Его. Об этом-то и молится пророк: «помилуй мя, по суду любящих имя Твое» (Пс.118:132). То есть: «Покровом света, исходящего любовью Твоею, да будет всегда одеваема душа моя, чтобы, согреваясь теплотою ее, жить ей радостно в себе».

В мере сердечной чистоты человека таится и мера отражения им света любви Божией. Кто из людей вовсе оплотнялся в чувственности, тот совершенно не ощущает Божиих светоносных прикосновений. Способные признавать в Боге безличную мировую Силу или Личное, но отрешенное от мира Божество недостаточно возвысились из беспросветной мглы страстей. Они обычно смутно чувствуют богоозаряющее влияние и мало любят Бога. Совсем в ином состоянии оказываются твердо вступившие на путь искания сердечной чистоты. Те уже более или менее живо чувствуют действие не вечернего света силы Божией. Живое боговосприятие позволяет им правильно понимать и определять Божественную природу любви.

В целях полноты и яркости общего представления о том, как верно хранит православное пастырство непререкаемые воззрения Библии и святых отцов на познание Бога под образом Источника светоносной любви, выпишем несколько замечаний на эту тему из сочинений выдающихся русских пастырей. Их слова проистекают, собственно, не от высочайшего личного опыта, но отражают опыт святых и Предание Церкви.

«Сродный существу Божию свет, – читаем между прочим здесь, – есть любовь сердца. Вот почему святой Иоанн Богослов сказал: «Не любящий не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (ср. 1Ин.4:8)». Но по мере приближения к брату твоему «свет Божий будет озарять ум твой и любовь Бога согреет сердце. Тогда живым ощущением сердца познаешь, что Бог есть любовь».

Освещаемый светом Солнца Правды «не перестает в себя принимать изливающуюся свыше любовь Божию».

Ввиду этого свет Божества, или «благодать, есть огонь любви Божественной, осеняющий сердца верующих», ибо и орошает жаждущее сердце, и воспламеняет охладевшее». «Возгораясь в сердце, необыкновенно живая и неизъяснимо сладостная любовь Божия... всякое дело благочестия делает легким и приятным».

«Факел по необходимости возгорается от прикосновения огня. Так и сердце непременно воспламеняется любовью от присутствия Божия, ибо, по Писанию, Бог «есть любовь» (1Ин.4:8), пламя которой есть "пламя огня" (ср. Песн.8:6). Посему те, в коих Бог пребывает, всегда любвеобильны и сострадательны».

Если при таком понимании любви бросить взгляд на жизнь всего человечества, то окажется, что любовь есть некая мировая Божественная сила жизни Божией, уделяемая в братолюбивые сердца и через них передаваемая любимым. Вне Бога нет этой любви. Наслаждения ею лишь в такой мере могут быть нам доступны, в какой мы отрешаемся от желания самого наслаждения, в какой желаем блага не себе, а тем, кого любим.

«Божественный огонь... сообщает сердцу... обилие благодати». Он свет любвеобильнейший, его-то и пришел Господь «повреци на землю, то есть в сердца наши». Потому и говорится, что «любовь есть сила Божия тайная и непреодолимая» и «огнь Божественный, нисходящий в сердце от Святого Духа». «У людей жизни созерцательной... от жаркой любви к Богу... все существо... бывает восхищено Божественным и безмерным светом и совсем не чувствует ни себя, ни окружающего, кроме одного Божественного света, любовью производящего такое просвещение».

Научно-богословское значение этих пастырских отзывов о единении с Богом любви, как сказано выше, значительно ниже достоинством свидетельств церковно-богослужебных и святоотеческих. В то время как отзывы пастырей навеяны лишь отчасти опытным чувством Божества и отчасти учением о любви библейским и святоотеческим, суждения упомянутых нами

святых отцов опираются исключительно на непосредственное созерцание Бога под формою безвидного невещественного огня. Несмотря на неполноту своей авторитетности, мнение пастырства Православной Церкви касательно откровения Божества человеку во свете любви имеет немалую важность. Им лишний раз оттеняется истинная точка зрения на проявления высшего богопознания и резче подчеркивается мысль о доступности для всякого человека непосредственного и блаженного общения с премирным Духом Богом.

Все сказанное выше о трех ступенях человеческого приближения к Богу любви дает право сравнить нашу природу с состоянием земли под действием чувственного солнца. Земля согревается и осиявается солнцем, а душа – невещественным сиянием Божества. Если же та или иная душа закрыта от влияния Божия облаками страстей, то применительно к их разрежению или просто освещается Богом совне, или проникается светом в малой мере, или согревается и воспламеняется до неопишемого горения боголюбием и братолюбием.

Совершенное сорастворение человеческого существа с Богом в Его осиянии любви известно на языке Церкви под именем обожения. Христианин «обожается» именно в «невещественном озарении», которое и делает его как бы «богом по положению»^{16'2}. По свидетельству церковно-богослужебных книг, богоносные отцы «явно были богами и светом из-за склонения их к Богу Свету всею любовью», и во исполнение слов апостола: «Мы все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (ср. 2Кор.3:18). Удостоившиеся обожения суть сыны и дочери Отца Бога (Иер.3:19). В них Он «вселяется и ходит» (ср. Лев.26:12; 2Кор.6:16) и о них особенно печется как о присвоившихся Ему всецело и всегда готовых сказать: «Бог – мой и я – Божий». Союз обоженных с безмерно любимым Богом напоминает брачную любовь пламенно любящих друг друга супругов. «Соединяющийся с Господом, по апостолу, есть один дух с

Господом» (1Кор.6:17). Он достигает до полной любви, восходя к Богу своим подвигом и силою Божественного света.

Основной фон, на котором богоосияние, как пчела мед, вырабатывает в человеческой душе высочайшее боголюбие, есть чувство присутствия Божия. В порядке усовершеня названного чувства идут чувство зримых грехов, чувство сокрушения о них и страх перед Богом, чувство умиления, чувство согреяния сердца светом Божества, наконец, чувство горячей и бесконечно пламенеющей любви к Богу и людям. Верх усовершеня в любви богоосиянием и есть обожение. Действующей же силой со стороны самого человека в приближении к Богу является его воля, неусыпно напрягающая себя к подвигам самоотверженной любви вопреки себялюбию.

Такова существенная любовь Божества, и так воспринимают ее люди. Священное Писание и Церковь не оставляют человеческий ум на этой ступени ведения Бога, но возводят его учением о Троиединстве Божиим к постижению новых, глубочайших тайн Божественной любви. Описанию их посвящается следующий очерк.

ТРИЕДИНСТВО БОЖЕСТВА

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ТРИЕДИНОЙ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ

Краткое изложение основных воззрений Православной Церкви на догмат Пресвятой Троицы. – Взаимоотношения любви между Тремя Единосущными Лицами Божества. – Три признака существенного излияния любви Пресвятых Лиц на тварный мир: а) самопредание Любимым, б) чистота, в) неизреченное милосердие. – Милостивая любовь Троидного Божества в миротворении и в Промышлении о вселенной и о человеке. – Искупление падшего человеческого рода как наивысший момент обнаружения в мире Троидной Любви. – Христианский опыт союза любви с Пресвятой Троицей. – Возможность и путь исследования вопроса о чертах преимущественного выражения любви Лицами Пресвятой Троицы. – Переход к учению о личном характере любви Небесного Отца.

ВЕРУЮ ВО ЕДИНАГО БОГА ОТЦА... И ВО ЕДИНАГО ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА, СЫНА БОЖИЯ... И В ДУХА СВЯТАГО, ГОСПОДА. 1-й, 2-й и 8-й члены Символа веры

Принятое Православной Церковью учение о Боге, Едином по Существу и Троичном в Лицах, сводится к следующим положениям.

1) В Существе Божиим пребывают во Отце Сын со Святым Духом. Отец бездетно родил Сына, соприсносущного и сопрестольного; и Дух Святой пребывает во Отце, прославляемый с Сыном. Святый Бог (Отец) все соделал Сыном при содействии Святого Духа. Святым Крепким (Сыном Божиим) мы познали Отца. Им и Дух Святой пришел в мир. Святый Бессмертный Утешитель Дух, исходя от Отца, почивает в Сыне.

2) Единое Божество есть «трисолнечная заря, сияющая в тварях» «тройственным светом» «в одной заре». «Свет Отец,

Свет Его Сын, Свет Утешительный Дух сияют как бы от одного Солнца». Но при этом «нераздельный Свет Единого Естества разделен начертаниями» в действии Лиц.

3) «Отец источает свет Божества в Сыне и Святом Духе». Равно в «свете Слова видим свет Отца, свет и Духа» или сияние Их невестственного Божества. Так как «Сын Божий всегда есть со Отцом, как заря во свете», то «имеет в Себе все Отеческое достояние и всажденным в Себе носит всего Духа, соприсносущего Отцу».

Истина Божественного Троиинства, применительно к учению о любви в Боге, объясняет, как Бог осуществляет Свою любовь во внутренней жизни Своего Существа и в жизни сотворенного Им мира.

Отношения любви между Лицами Пресвятой Троицы можно примечать из самих Личных Божественных имен – «Отец», «Сын» и «Святой Дух». Имена «Отец» и «Сын» более приемлемы с мыслью о взаимной любви Бога Отца и Сына Божия. Бог "Отец, по словам Священного Писания, есть Любящий Сына» (ср. Ин.5:20), «Сын любит Отца» (ср. Ин.14:31), а «Святой Дух есть Любовь" (Рим.5:5). Если Божественные имена Первого и Второго Лиц Святой Троицы содержат в себе указание на Их любовь Отческую и Сыновнюю, то в имени «Святой Дух» дается мысль о дыхании любви, взаимно возвращающейся от Лица Святого Духа к Богу Отцу и Сыну Божию.

Любовь – начало всегда живое, деятельное и личное – находит ответ в приснобытии и взаимоотношениях Лиц Божества совершенным образом.

Первокорень в Божестве, Бог Отец «прежде всех веков рождает Сына и производит Ипостасного Духа, чтобы... погрузить в Сына и Духа всю беспредельную глубину Своего сердца, всю необъятную бездну бесконечной любви и благодати... и увеселяться в (Их) бесконечной любви к Нему» (Притч.8:22–31). Вечное совершенство и неизменяемость Троиединой Любви являются причиной того, что рождение Сына любви Отчей (Ин.1:18) из Богоотеческих недр не отлучает Его от вечно продолжающегося пребывания во Отце. Потому Сын

Божий есть «столько же рожденный, сколько и рождаемый... Рождение или рождение Отцом Сына неотделимо от постоянного их взаимоотношения – [отношения] любви». Нося в Себе непрерывно Отчее «благоволение» (Мф.17:5), Сын Божий, со Своей стороны, всегда обращен к Богу Отцу всецелой любовью и, знаемый Им, знает Его (Мф.11:27) – опять, ведением, свойственным совершенно любящим лицам. Святой же Дух в Своей любви нераздельно и неслиянно объединяет Любящего Отца и Возлюбленного Сына, поскольку, исходя от Бога Отца, почивает в Его Сыне.

Взаимопочивание любви в Лицах Троиединого Божества носит в себе некоторые определенные черты, или свойства. Правда, нашему наблюдению подлежит всегда прежде всего человеческая любовь. Ей естественно предавать себя любимым смиренно и самоотверженно, хранить чистоту полного расположения к ним и сопровождать расположение милосердием о них со всем сердоболием. По свидетельству Откровения Божия, нечто подобное определяет действия любви Божественных Лиц Святой Троицы. Им свойственны такие признаки: 1) **самопредание** Любимым, 2) **чистота**, 3) **единство действий** в тварном мире с изливанием на него **пучины милосердия**.

Глава 1

Проявления самопредания друг другу Божественных Лиц образует в недрах Божия Существа чудное круговращение Божественной любви. В Евангелии воплотившийся Сын Божий говорит об Отце Своем и Святом Духе: «И все Мое – Твое, и Твое – Мое» (ср. Ин.17:10). «Когда приидет Утешитель не от Себя говорить будет... Он от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое» (ср. Ин.16:13,15). При осуществлении самоопределения «Отец хочет совершать все через Сына, а Сын... хочет совершать (все) через Духа». Отчая Любовь во всех действиях царственной власти, силы, мысли, хотения и прославления предает Себя Любви Сыновней. Любовь Святого Духа, принимая самопредание Сыновней Любви, завершает Личным содействием ее обнаружения во

вселенной. Бог Отец обычно предначинает действия любви в тварном мире, Единородный Его Сын владычественно исполняет их, Святой же Дух господственно их завершает. Бога Отца ввиду этого можно назвать Измышляющим и Изрекающим предначертания Свои в Слове Любви – Сыне и Животворящей Силе Любви – Духе Святом.

Самопредание Трех Пресвятых Лиц друг другу являют также моменты Их взаимного прославления в мире, особенно в деле искупления человеческого рода. Здесь «прославился Сын Человеческий и Бог (Отец) прославился в Нем» (Ин.13:31). «Прославляет» Сына Божия также и «Дух истины» (Ин.16:13–14). Искупляемых грешников «привлекает» к Сыну Божию Бог Отец (Ин.6:44). Принимая к Себе грешных (Ин.12:32), Сын Божий очищает их «содействием Святого Духа» (Флп.1:19) и снова чистыми приводит "к Своему Отцу" (Ин.14:6). Самое посольство Сына Божия для искупления падшего человечества исходит от «Господа Бога и Духа Его» (Ис.48:16). Со Своей стороны, Сын Божий по принесении Богу Отцу искупительной крестной Жертвы посылает верующим в Него «от Отца Утешителя» Духа (Ин.14:26).

Глава 2

Каждое из Божественных Лиц "свято" (Ис.6:3) и свет и обнаруживает некую пречистую девственность. «Девство обретается и в Отце, Который и Сына имеет, и родил Его бесстрастно. Усматривается также и в Единородном Боге – Подателе нетления, как воссиявшее вместе с чистотой и бесстрастием Его рождения. Равным образом усматривается девство и в естественной, нетленной чистоте Святого Духа».

Глава 3

Являя **единую** милосердную о тварном мире волю, Святая Троица в невещественном осиянии источает силу Божества тварям. Любвеобильное Троичное действование во вселенной неслитно и вместе едино, едино и вместе неодинаково, сопровождаясь вневременным и

сверхпространственным движением Божественной силы от одного Лица к другому при мировых действиях. Этот характер проявления Троиединой любви видим и (I) в миротворении, и (II) в Промышлении о созданном мире, и (III) в деле искупления и (IV) спасения падшего человечества.

I. При **миротворении** Отец изрек волю Свою о бытии сопричастников Его всеблаженства, Сын сотворил их, а Дух «носился» над водами, чтобы вложить родотворную силу в воду, в землю и воздух. Бог Отец положил в основание тварной жизни закон единой мировой любви, Сын Божий сотворил мир единым и человечество «от одной крови» (ср. Деян.17:26; Ин.5:19–20, 30, 18) содействием Святого Духа, делающего все в мире простым и единым в Себе.

II. Всеблагое **Промышление** о сотворенном мире обнаруживает Божию милость так же, как и творение – триедино. Здесь Бог Отец «невидимым образом носит творение, видимо же... носит Его Слово, а Слово, носимое Отцом, дает Дух всем существам, как Отец хочет». Выходит, что Отчая благость, являя попечение о мире, «воспринимает деятельность Сына, а Бог Сын воспринимает деятельность Бога Духа Святого». По отношению к человеку Промышление Святой Троицы выступает с еще более яркой наглядностью и трогательностью. «Бог Слово вместе с Отцом и Духом в каждое мгновение носит душу и тело» каждого из людей. «Для души Дух Святой – воздух, (Сын Божий) Господь Иисус Христос – пища животворящая, а Бог Отец чрез Сына и Святого Духа действует начально и благоволительно». «Мыслим мы Отцом, говорим Словом, действуем в Духе Святом», «Бог Отец в разуме и сердце нашем действует через Слово Свое, выражающееся в слове нашем Духом Святым». О человеческом святом «слове Отец благоволит, Сын содействует ему, Дух... вдыхает его».

Самое разительнейшее откровение милости Святой Троицы к человечеству развертывает история его искупления и спасения во Христе.

III. В искуплении взор веры созерцает Бога Отца простирающим руки на благословение верующих; Сына Божия –

объемлющим их Своею любовью; Духа Святого – осеняющим всех крылами попечения. Невольно вспоминаются при этом библейские сравнения Бога Отца с "орлом, покрывшим гнездо свое» (см. Втор.32:11), Сына Божия – с "кокошем" (Мф.23:37) и Святого Духа – с «парящим голубем, нисходящим» на угодных Ему лиц (Мк.1:10). Для совершения на земле искупительного дела Отчая любовь «пускает в спасаемых избранную Стрелу Свою – Единородного Сына, Духом жизни помазав тройное жало острия». «Преданный за всех нас Отцом» (Рим.8:32), Единородный Сын исполнил возложенное на Него искупительное служение тем, что «Духом Святым принес Себя, Непорочного, в жертву Богу» (ср. Евр.9:14).

В тайне Его Креста воссияла пред миром «любовь Отца – распинающая, любовь Сына – распинаемая, любовь Духа – торжествующая силою крестною. Через (Крест) Сына любовь Отца Небесного простирается к миру» и «изливается в жаждущие сердца верующих Духом Святым» (Рим.5:5). Хотя Троица по единому человеколюбию спасла род человеческий, но вместе с тем говорят, что каждая из блаженных Ипостасей привнесла в это некое собственное содействие. «Ибо Отец примирился. Сын примирил, а Дух Святой соделался даром для сделавшихся уже другими. Один освободил, Другой – цена, за которую мы освобождены, а "Дух Святой – свобода" (2Кор.3:17).

IV. На возрождающем действии Животворящего Креста Христова, как известно, основана Христова Церковь, в которой Сама Троидаиная Любовь Божества устрояет **спасение** каждой верующей личности. Изображение живой и ежемгновенной связи спасающихся в Церкви с Троидаиным Богом не составляет особенного труда. Это неоскудевающее в силе и всегдашнее выражение подлинно христианской жизни в церковном лоне – дар Божия милосердия. Уразумевается данная связь любви Бога Троицы с членами Церкви по мере ощущения ими Троидаиногo действия силы Божией: а) на пути своего спасения вообще и, в частности, б) в храмах, в) при решительном покаянии во грехах, г) при чтении Священногo Писания, д) на молитве и е) в разных жизненных положениях своих.

а) **Спасение** всякого христианина «Отец одобряет, Сын (тогда) служит, Дух действует, а человек совершается ко спасению». Или: человеческого спасения «Отец хочет, Сын действует к его осуществлению, а Дух питает и возвращает его». В этих целях «Отец желает веры (людей), Сын – прославления (Отца в Сыне), Святой Дух желает, чтобы воспринимали Его дары». При наличии веры «Дух prepares человека к Сыну Божию, а Сын приводит к Отцу, Отец же дарует нетление в жизнь вечную, которая для всякого происходит от видения Отца» в Духе Святом через Сына. Можно сказать и иначе: «Отец влечет к Сыну Духом Святым, Который затем в умах и сердцах верующих и совершает все требуемое для спасения». «Спасение наше в Господе Иисусе Христе. Но содевается оно в нас благодатию Святого Духа... по благоволению Отца». «Внявшего призванию Отчему Сын Божий омывает Кровию Своею, а Дух Святой перерождает, облакая во Христа. Тогда Отец принимает его в благоволение Свое – в объятия Отчи».

Смысл приведенных выше чисто богословских выражений о спасении в Троидном Боге проясняется для нас, если мы вспомним, что спасаемые благодатию церковных Таинств действительно исполняются необычайно сильной любовью к Богу и людям при условии своего решительного покаяния во грехах. Чувственно и духовно им не видно почивающего на них осияния, но любовь ощутительна для них во всей силе. Она-то и есть внутренний признак человеческого пребывания в Боге Отце по благодати всыновления и живое удостоверение единения с Главою Церкви – Христом в Духе Святом. Истинные христиане ради единения с Сыном Божиим принимаются Отчею Любовию в качестве благодатных сынов, порождаемых Святым Духом, и усыновление свое переживают в настроении собственной горячей любви к Небесному Отцу.

б) Полнее всего сила Троидного Бога ощущается обычно в православных **храмах**, где имеет место «невидимое присутствие Божества Христова... благословение Бога Отца и осенение Святого Духа». «В храме святом Бог открывается... как человеколюбивейший Отец, как Сама Любовь. Жизнь Христова там восходит (в душах), как солнце... и присные Богу...

сами освящаются в Церкви от Духа Божия». «Благословение Бога Отца осеняет, свет Иисуса Христа, Сына Божия, просвещает, крыло Святого Духа покрывает ныне и присно всякую душу человека, входящего во святилище (храма) с верою и любовью к Богу». Когда же совершается церковное богослужение, то общее радостное ликование в Церкви составляется всегда «Духом Святым по неизреченному снисхождению Господа Иисуса Христа. Гармония звуков его согласована благоволением Отца». «Господь Иисус Христос, как Глава Церкви, собирает (тогда) молитвы всех и имеет их в Своем лице ходатайственно представленными Богу Триипостасному, Коим и решается, чему быть. И решенное действует единым Триипостасным действием». За литургией в храме «Небесный Отец нисходит в причастников (Святых Таин) Своим благоволением, и Дух Святой Своею благодатию возбуждает и приготовляет их к принятию Тела и Крови Господних, а по принятии обильно осеняет».

в) Глубоко внимающие своему спасению члены Церкви и вне храма никогда не выходят из чувства живого единения любви со Святой Троицей, «человеколюбивой, всеблагой и всемилостивой». В Ее силе они обретают помощь, утешение, радость, быстрее всякого света воссиявающие внутри их духовного существа. Не напрасно из уст многих верующих подчас вырываются восклицания наподобие следующих: «Я не буду унывать. У меня есть Бог Отец. При Нем я не буду в скудости. У меня есть Спаситель Христос. Ему я помолюсь из глубины души, и Он из глубины всякого зла меня избавит. У меня есть Утешитель Дух Святой. К Нему с мольбою я обращусь, когда слишком тяжело мне будет, и Он утешит меня, безутешного».

Непрестанно **каюсь** в грехах своих, по немощи непрерывно повторяемых, ревнующие о спасении живо веруют, что за покаяние «грехи (их) оставляет Отец, возьмет же грех Сын (Ин.1:29) и от греховной скверны очищает Дух Святой». Отсюда, в Церкви принято воссылать такие теплейшие мольбы ко Пресвятой Троице о прощении грехов: «Пресущественная Троице, чтимая во Единице! Возьми с меня тяжкое греховное

бремя и, как Милосердная, даруй мне слезы умиления». «Безначальная, несозданная Троица, нераздельная Единица! Прими меня, кающегося, спаси согрешившего. Я – Твое создание. Не презри, но пощади и избавь меня от осуждения во огонь». «О Троица, Единица, Боже! Спаси нас от обольщения, от искушений и опасностей».

Горячность подобных обращений человека к Триединому Богу как бы отражает в себе неразрывное соединение кающегося сердца с очищающим греховность Божеством. По такому сроднению великий Макарий в созерцании благодати Бога Троицы даже «решился сказать, что Самого бесстрастного Бога объемлет свойственный Богу плач о гибели человеков», когда они пренебрегают долгом покаяния и милостью Божиею, всегда готовой открыться им.

г) При **чтении Священного Писания** с молитвою, смирением и жаждою богоугождения чада Святой Церкви имеют также характерный опыт ощущения воздействий Святой Троицы. В это время, по верованию общецерковному, Бог Отец «научает» их Своим Законам⁶, Сын Божий вразумляет и «Дух Святой просвещает». Это значит, что Отчая милость полагает тогда святые слова Библии на сердце читающих, Сын Божий укореняет и углубляет читаемое в сердцах в Духе Святом, Который изображает начертание света внутри уразумевших прочитанное. «Что Отец говорит, (то) Сын возвещает, а Дух Святой утверждает». И всегда «в яснейшее созерцание той или другой истины (Писания) возводит благодать Духа Святого о Христе Иисусе, Господе нашем, по благоволению Отца». Понимать силу библейского учения веры и нравственности без содействия Бога Троицы невозможно еще и потому, что сами изрекавшие это учение, «усовершаемые пророческим духом... всегда имели в себе Слово в качестве ударяющего смычка. Движимые этим Словом, (они) и возвещали то, чего именно желал Бог (Отец)». В общем, все «Священное Писание – область Ума, Слова и Духа – Бога Троицы». В нем проявляется ясно «верховный Разум, творческое Его Слово и Дух Святой, Совершитель».

д) Переживание милостивой близости к себе Пресвятой Троицы христиане **на молитве** имеют еще чаще, чем при чтении Священного Писания. Через воззвание их к Отцу, и Сыну, и Святому Духу о своем спасении «Бог Отец обращается к ним всею Своею любовью, Сын Божий ходатайствует за них всеми Своими заслугами, Дух Святой действует на них всею Своею силою животворящею». Благоволение Святой Троицы к молящимся дивно какой-то неведомою силою. Как будто тогда самый язык молящихся огнедышит исходящею от их сердца силою Святого Духа Отчего и Христова, а «Отец вдыхает Вышнего Бога»⁷ в их существо действием Святого Духа ради ходатайства за них Сына Божия. Осенение христианской души всем Троициным Божеством обозначает на молитве всякое крестное знамение. Возложение трех перстов правой руки на чело при крестном знамении есть доказательство веры молящегося в то, что Отец Небесный – Просветитель его ума; низведение перстов на сердце – знак веры в нисшедшего на землю во плоти Сына Божия, как истинного Чистителя человеческих сердец от греховной скверны. Полагание перстосложения на правое и левое плечи изображает веру крестящегося в подлинное сопричастие ему Святого Духа «одесную и ошуюю» как Освятителя. Кратко всякое крестное знамение можно назвать безмолвным прошением молящегося к Богу Отцу, Сыну Божию и Святому Духу и ниспосланием силы святой любви ради Креста Христова.

е) Так живая, чистая, теплая и умиленная вера во Святую Троицу запечатлевает **все важнейшие религиозные действия** и упражнения христиан. Христиане избегают зла и делают всякое добро «из любви к Небесному Отцу, из благодарности к Сыну (Божию) и из благоговения к Святому Духу... потому что Отец хочет добра, Сын умер за грехи и Святой Дух обитает Своею благодатию только в добрых душах». У подобных чад веры «тело – орудие к исполнению пресвятой воли Бога Отца; душа одушевляется силою Креста Бога Сына; дух пламенеет от росоносного дыхания Бога Духа Святого». В Божественной силе любви Пресвятой Троицы вообще вся Православная Церковь почерпает вдохновение к деятельному боголюбию и братской

любви. Истинно ревнующим о спасении догмат Божественного Триединства не представляется отвлеченным построением рассудка, но понятием о Живом Триедином Боге любви. Бог Троица по любви снисходит к людям, сокрушенным и смиренным, и милостиво принимает их в единение со Своей неприступной святыней.

Троичная любовь в трех действиях своих, указанных прежде, – самопредании, ревновании о чистоте и милосердии, – дает основание мыслить ее всегда преклоненной ко всецелому общению с разумно-свободными существами, то есть с Ангелами и людьми. Она именно предается безмерно всем, ищущим ее взаимности. Но излияния любви Святой Троицы на тварный мир в неисчерпаемости Божественной силы при своем существенном единстве неодинаковы своими выражениями. В разные моменты приближения к людям Божия Существа для особых воздействий то или иное Божественное Лицо, пребывающее в единстве Существа, действует или **преимущественно**, или **сопутственно** откровению Двух прочих Божественных Лиц. Единое же хотение в недрах Триединой Любви обнаруживается при этом каждым Божественным Лицом, хотя и нераздельно, но лично и как бы со Своею характерностью и своеобразием.

Преимущество и личную своеобразие проявления любви в Едином Существе и Едином действии Святой Троицы можно взять в качестве материала для посильного углубления нашего в истину Божия Триединства, с некоторыми, правда, предостережениями. Исследователю вопроса в данном разрезе необходимо не упускать из виду того, что «разделяющий действия Божии по Лицам Святой Троицы и одно – одному, другое – другому Лицу приписывающий разделяет естество, вводит трех богов и, вследствие того, не имеет ни единого». «Об областях деятельности каждого Лица – особых – уместно говорить тритеистам».

Но мы, говоря о Личных свойствах Триединой Любви, ни на мгновение не будем забывать Единого Существа действующих Лиц и пребывания Их в Нем нераздельными существенно и неслиянными лично. Непререкаемые образцы мышления о

Личной жизни Бога Отца, Сына Божия и Святого Духа нам дают православный Символ веры и Евхаристическая молитва святителя Василия Великого в чине его литургии. В порядке речи Символа о Лицах Святой Троицы исследуем прежде всего черты преимущественного выражения любви Небесного Отца, соприисносущного вечно Сыну Божию и Святому Духу.

ОТЕЦ НЕБЕСНЫЙ

Особенность проявления Личной любви Бога Отца во внутренней жизни Божества. – Признаки Отчей любви при миротворении. – Мировое всеединство. – Закон любви в человеческой природе. – Связь человеческого духовного состояния с жизнью окружающего чувственного мира. – Богоотеческая ревнующая любовь в поддержании закона любви во всех областях мироздания. – Промышление Отца Небесного о человеке чрез Единородного Сына во Святом Духе. – Отчее пламенное ревнование о чистоте человеческого боголюбия. – Ревнование Бога Отца о взаимности человеческой любви в выражениях воздействий на каждого человека. – Отчий гнев и правосудные мероприятия. – Любовь Бога Отца в искуплении падшего человечества. – Переход к учению о чертах Личного проявления в мире Божественной любви Второго Лица Пресвятой Троицы.

ВЕРУЮ ВО ЕДИНАГО БОГА ОТЦА ВСЕДЕРЖИТЕЛЯ, ТВОРЦА НЕБУ И ЗЕМЛИ, ВИДИМЫМ ЖЕ ВСЕМ И НЕВИДИМЫМ. 1-й член Символа веры

Благоговейно приблизим свой ум к созерцанию Личных проявлений любви Бога Отца, всегда пребывающего существенно и любовью в Единородном Своем Сыне и Духе Святом. Приникание мысленного ока сюда, на основании библейских и святоотеческих творений, дает усмотреть как Личную особенность в Богоотеческой любви начальность обнаружений ее, сравнительно с обнаружениями в Едином Существе Божиим любви Сына Божия и Духа Святого (Ин.1:18, 15:26). А далее созерцается единообразный огонь любви в Боге Отце, так же как в Сыне Божиим и Святом Духе. По слову апостола Иоанна Богослова, "Бог есть **любовь**" (1Ин.4:8, 16).

Переходя к наблюдению Богоотеческих действий чрез Сына в Духе Святом, уже при творении мира видим начальность

порядка их явлений и лежащую в их основе пламенность любви, свойственную вообще Божеству. "Бог, свидетельствует Спаситель в Евангелии, возлюбил мир» (ср. Ин.3:16). Если вникнем в характер любительных побуждений Отчих к миротворению, то, согласно разумению святых отцов, найдем, что Бог Отец «все создать изволил, проявляя неисчерпаемую благодать. Как переполненная чаша, как наводненная река, выходящая из своих берегов, Он излился на создание... чтобы иметь кому непрестанно благодетельствовать, уделяя Свою благодать и дарование... от сокровищ Божественного благосердия». «Подвиглись естественные щедроты Бога, и Он зачал и породил тварь. Как младенец из матерного чрева, изник из Его воли мир».

Пламенность Богоотеческой любви не могла не отобразиться на устройстве мира. В основу мирового бытия и жизни разумно-свободных существ Отец Небесный благоволил положить и действительно положил закон любви взаимной. В силу этого закона минеральное царство служит целям царства растительного, а растительное – целям животного царства и потребностям человека, небо простирает братские объятия к земле.

С любовью в тверди голубой
Клубятся медленные тучи,
И под древесною корой,
Весною свежей и пахучей.
С любовью в листья сок живой
Струей подымлетя певучей...
(Как все) рожденное от (Бога),
Лучи любви кругом лия,
К Нему вернуться жаждет снова!
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия Неудержимо к Божью лону.
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало.
И ничего на свете нет,
Что бы любовью не дышало.

Из всех земных творений наивысшего своего одухотворения любовь достигает в человеке – образе и подобии Божиим. Сам по себе Божий образ в людях есть совокупность отображающихся в их духовной природе совершенств Божия Существа: самосознающего разума, свободной воли, бессмертия, творческого духа и потребности любить подобных себе. Богообразный душою человек совершенно приспособлен к жизни в любви. Подобие же его Богу заключается в свободно-сознательном направлении воли любить Бога и ближних. При развитии такого направления воли человеческая личность вся пронизывается силой любви Божией, и как Бог «обитает в неприступном свете» (1Тим.6:16), так и носитель богоподобия, соединяясь с Богом, становится невещественно светозарным. Примеры высокого уподобления Богу любовью и осияния спасающихся в Церкви непрестанно выставляются церковным богослужением. Таковы следующие богослужебные восхваления святых угодников Божиих: «Озаряясь Святым Духом, ты был Его неоскверненным отражением». «Приняв Божию зарю, ты явился, как светлая молния, как чистое зеркало». «Ты показался чистым зеркалом Духа, устранив всякую вещественность твоего ума». По-видимому, крепость и чистота настроения любить Бога составляют некую невещественную прозрачность души для восприятия богоозарения.

По воле Отца Небесного человек связан своим телом со всею плотью мира, так что судьба человека и судьба всей твари неразрывны, и из человека долженствовала исходить благодать на весь мир. Оттого при его невинном состоянии весь мир пронизался светом Божества, этою силою нетления, бессмертия и любвеобильной жизни. По обнажении человека от Божественной благодати тотчас вся видимая тварь обнажилась вместе с ним от света «Божественного, ее осиявавшего, и растлилась».

"Доныне она **совокупно** стенает и мучится, покорившись суеде не добровольно, но по воле покорившего ее» (ср. Рим.8:22, 20). Доныне по временам «плачет сок грозда, болит виноградная лоза» (Ис.24:7) и прочие растения и животные

проводят ненормальную жизнь за человеческие грехи. Когда же в Новом веке Бог опять прославит верующее человечество, тогда «вся тварь... и стихии вместе с **нами** сделаются причастными светлости от Божественного огня» и «погрузятся во свет».

Личная особенность действия Бога Отца в мире чрез Сына Божия и Духа Святого являет себя начальностью пламенного откровения любви во всех областях мироздания. Бог, по апостолу, «все держит словом силы Своей» (ср. Евр.1:3) и в связанной цепи мировых причинных отношений Сам в Сыне и Духе Своем устрояет «причинение» влияния, коим лучи любви распространяются повсюду в мире и противостоят людскому и животному себялюбию.

Несмотря на замечаемые в мире несовершенства жизни твари, Первовиновник мироправления подлинно ревнует о всецелом воплощении закона самоотверженной любви тварью. В самом деле, невидимая Сила сочетает разрозненные черты мировой жизни в стройные образы. Вопреки своему эгоизму, никакое существо в мире не может устоять в своей отдельности. Это свидетельствует о смысле мира во всеединстве. Неодолимою силою влекутся твари и тяготеют одна к другой и только в связи со всеми находят свой смысл. По мысли известного русского философа В. С. Соловьёва, стремление к другому определяет действие закона всемирного тяготения. Сила тяготения образует из вселенной одно великое тело, за нею следуют во вселенной физические силы теплоты, света и электричества. Чрез них части мирового тела становятся более или менее проницаемы друг для друга. Далее сила химического сродства вводит элементы мирового тела в определенные сочетания между собою. К ней присоединяется действие пластической силы. Ее мощью самые разнородные вещества сводятся к единству живого организма. И наконец, в самих этих организмах сила родового инстинкта **преодолеывает отдельность и обособление**. От едва заметного взаимного тяготения частиц вещества друг к другу и до соединения с подобными себе животных в родовом действии, везде Бог «словом силы Своей» (Евр.1:3), то есть в Сыне и Духе Своем,

«из хаотического множества образует единый мир». Так же и в человечестве «Божественное Начало силою духовного тяготения связывает отдельные человеческие существа в родовое единство... просвещает идеальным светом разума и, наконец, проникает внутрь души». Всякому человеку нередко присуще страдание из-за скудости или полного отсутствия любви к Богу. Оно зависит от того, что Бог, присутствующий в человеческой душе и оставляемый ее свободною, влечет к Себе лицо, забывшееся в самолюбии.

Связанность мироздания узами любви Божией есть не что иное, как ревнование Бога Отца вместе с Сыном и Духом о всецелости воплощения начала любви тварью. Особенно характер Божественного попечения о человечестве дышит пламенным **ревнованием** Бога Промыслителя о безраздельном проникновении людей духом любви.

Указываемая нами личная особенность любви Первого Лица Пресвятой Троицы, открываясь Промышлением о человеке, многократно отмечается на священных страницах Библии. Например, здесь можно прочесть такие слова о Боге Отце, конечно, мыслимом нераздельным с Сыном и Святым Духом: «Я – Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Втор.5:9–10). «Бог Святой, Бог ревнитель не потерпит беззакония и грехов, если вы оставите Господа» (ср. Нав.24:19–20). «Имя Его – ревнитель; Он – Бог ревнитель» (Исх.34:14). «Берегитесь, чтобы не забыть вам завета Господа, Бога вашего... ибо Господь есть огонь поядущий, Бог ревнитель» (ср. Втор.4:23–24). Господу "Богу **одному** служи, и к Нему прилепись... Ибо Господь есть Бог ревнитель; чтобы не воспламенился гнев Господа, Бога твоего, на тебя, и не истребил Он тебя с лица земли» (ср. Втор.6:13, 15).

Образ «ревнования» заимствован библейскими писателями из супружеских взаимоотношений. Ревнивая, пламенная любовь супругов решительно требует друг от друга безусловной и исключительной чистоты и верного хранения супружеских

обязательств. «Ревность (ζῆλος) – сильная любовь к кому-либо и гнев или негодование, от любви происходящие». В связи с этим и Бог есть Ревнитель о полном и чистом боголюбии пламенно любимых Им людей. Его ревность требует от них постоянства и безраздельной преданности Ему и неперменного возвращения к Его любви. Его гнев на разрушающих завет единства с Ним умиливается лишь в том случае, когда те покаются. «Великое племя ариев в своей идее умилования (Бога Ревнителя) не выражает ли той мысли, что человек, – свой Богу по своему происхождению, своими преступлениями делает себя чуждым для своего Бога, но Бог как (милостивый) ἰλεως (так сказать, **усвоительный**) опять может признать «Своим» человека, если только последний сам неотступно взывает к Нему: «Твой есмь аз» (Пс.118:94)».

Богоотеческие удары падают на людей в виде печальных изменений их жизненных обстоятельств с одной целью – чтоб люди не выходили из союза с Богом и ничего не искали вне Его, чтобы «разнообразно разорванные злом соединились опять посредством правой веры и духовной любви». Ревнитель всецелой человеческой чистоты не желает и не терпит людских измен Ему. Он разбивает в нужное время все земные, суетные привязанности забывающих о Нем. Благодаря этому испытывавшие крушение суетных надежд и увлечений невольно ищут опоры в забытом Боге и в Нем обретают успокоение.

Ревность очень часто присуща на земле также родителям, которые пламенно любят своих детей и желают им вечного спасения. Подобные благоговейно настроенные родители весьма беспокоятся о душевной чистоте своих любимых чад, когда она омрачается массой соблазнов и искушений. Тем более Небесному Отцу, безмерно любящему каждого человека, естественно как бы ревностное искание ответной человеческой любви. Для Бога любовь к Нему наших слабых и немощствующих душ может составлять удовлетворение Его собственной любви к Его созданиям при виде их участия в блаженной жизни с Ним. Бог Отец Небесный «не может считать чуждым Себе ничего того, что касается любимого. Оттого Он ревнует о всем, угодном Ему», и чадам Своим внушает: «Сыне!

дай Мне твое сердце» (ср. Притч.23:26). Отсюда слова: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим» (Мф.22:37), что иное вскрывают, как не Богоотческое ревнование о **чистой** любви к Нему человеческих душ? Отцу Небесному угодно, чтобы люди более всего внимали богоугождению.

Он требует от них всецелой любви к Себе; при изменах же завету любви оставлениями и наказаниями возвращает их к богопреданности. Применительно к изображению любви Небесного Отца в Писании можно сказать, что Он: 1) **оберегает** в людях **чистоту** ума, сердца и воли, 2) **гневается** на оскверняющих себя страстями, 3) **праведно карает** непослушных завету любви и **преизобильно одаряет** благодатию всецело Ему преданных, 4) **немощих и колеблющихся** Он **щадит** с крайним долготерпением.

Все упомянутые проявления Личной Богоотческой любви к людям последовательно рассмотрим ниже.

Глава 1

Ревнуя о **чистой** любви Своих чад, Отец Небесный непрерывно влечет их к хранению чистоты: а) ума, б) сердца и в) воли.

а) Он, безмерно Человеколюбивый, в Сыне и Духе Святом у всех без исключения людей «находится в самом центре души: Он внутреннее нашего внутреннего мира... Свет Божества присущ каждой душе... и руководит мышлением... В Боге мы непосредственно созерцаем истину, справедливость, прекрасное и начала, определяющие направления нашей деятельности... Наша душа формирует слова со стороны их внутреннего смысла и произносимого звука, но сама формируется Словом Божиим (или Отчим)... Так всякий человек, поскольку он понимает... любит справедливость и стремится к ней, озаряется светом Ипостасной Справедливости... Он видит Ее, но не понимает, откуда исходят эти призывы к добру... Теория нравственности извлекается из непосредственного внушения справедливости... Но человек может прожить до старости и не увидеть этих лучей,

руководящих началами мышления, может видеть в Боге ценность вещей и не видеть Самого Бога», может тяготеть к **чистой истине** и **не подозревать** о сокровенном Вдохновителе к исканию истины.

б) Подвластность человеческого чувства влияниям Бога Отца, пребывающего в Сыне и Духе Святом, сказывается ярче всего в переменах совести, этого органа внутренней чувствительности нашего сердца. Голосом в совести людей Отец Небесный открывает Себя воочию как Совесть мира и Оберегатель нравственного закона в мире. Обличениями за зло внутри совести Он останавливает грешника на пути его и погружает в раздумье. Как строгий Наставник, Он то одобряет, то осуждает чрез совесть наши мысли, желания и намерения, явно, тут же на месте, и за леность, строптивость или всякую страсть наказывает сердце огнем пополающим. Даже в омраченных сердцах язычников Им оставляются искры Его света, который и во плоти возбуждает некое чувство потребности духовной и предчувствие о возможности ее удовлетворения и таким образом побуждает звать к неведомому Богу о неведомой помощи. Слышимый человеком в совести голос и ощущаемое влечение к добру исходят от Личного Существа Бога Отца, говорящего и действующего в Сыне и Духе Святом. Это Он являет Свой "гнев" (Ин.3:36) в совестных жжениях душ преступных.

Боли душевные при грехах наших и свобода, легкость самочувствия при угодном Богу Отцу образе действий наших суть самые живые и всегдашние показатели близости к нам и попечения о нас Его благодати. Вот почему блаженный Иоанн Карпафийский счел уместным от Лица Отчего обратиться такую речь к скорбным индийским инокам: «Говорит тебе, о инок. Отец твой Небесный: Знай хорошо, что Я загражду укорищенные пути твои нечаянными напастями, всячески возбраня приводить в дело то, чего бы желало твое несмысленное сердце (Ос.2:6)...«И буду для тебя как лев», измождая тебя помыслами укора в совести (Ос.13:7–8)... и уязвляя помыслами сокрушения и болезнями сердечными, чтобы напоследок напитать тебя манною разума и благо сотворить тебе... Втайне я посещаю

тебя и беседую с тобою в уме, влагая пищу мысли, пищу страха совершенного, пищу желания небесного, пищу сладкого плача и пищу умиления... Так всегда беседует к нам Господь чрез помыслы наши».

в) Вследствие Отеческих воздействий Небесного Отца человеческая воля не безусловно свободна. Именно свободе ее предначертано свыше находиться под направлением невидимой руки, ведущей ее к одному и отвращающей от другого. Человек всегда похож на корабельный компас, притягиваемый к северному полюсу. Сворачивая с намеченного направления, он чувствует сопротивление, заставляющее его страдать; наоборот, действуя в том же направлении, испытывает внутреннее удовлетворение. Если не быть слепым, приходится признать существование над нашей волей Высшей воли, от которой нам весьма трудно избавиться. Часто эта таинственная воля противоречит нашей, увлекая нас внутренне к добру. Бесконечно легче связать это Высшее добро с Богом, нежели представлять его не покоящимся ни на чем. Мы и помещаем добро в Боге – олицетворении добра.

Все сказанное выше о влияниях Бога Отца на людей в деле привлечения их к чистоте опирается всецело на ясно выраженную библейскую мысль в словах: «Бог мира да усовершит вас во всяком добром деле, к исполнению воли Его, производя в вас благоугодное Ему через Иисуса Христа» (ср. Евр.13:20–21). «Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа – Отец щедрот и Бог всякого утешения» (ср. 2Кор.1:3), «производит в вас и хотение, и действие по Своему благоволению» (Флп.2:13). «Всякую ветвь, приносящую плод, Он очищает, чтобы более принесла плода» (ср. Ин.15:2).

Глава 2

На разрушающих в себе чистоту сердца Отец Небесный, как пламенно любящий всякого человека, **гнева**ется, «не терпя беззакония» (ср. Нав.24:19). Конечно, человеческого «гнева нет в Нем» (ср. Ис.27:4). Сам в Себе Бог не гнева

греховного сердца силою и действием благодати. Это – «отражение злых дел в сердце грешника» и последующие за Божиим отвержением «душевные терзания и телесные муки» наши. Состояние под неблагоприятием Божиим названо гневом у апостола «ради строгости суда Божия в отношении согрешающих, а тем более потому чувству, с которым примут на Страшном Суде осуждение имеющие подвергнуться ему». Бог «держит дух человека. Это держание отражается в духовном чувстве... благоволением или неблагоприятием Бога». «Гнев Божий есть болезненное чувство у обучаемых» чистоте боголюбия при «наведении на них невольных неприятностей... и отъятии Божественных даров». Бог Отец «врагом нашим делается не по недостатку любви Своей, но от избытка ее – для обезопасения нашей свободы». Он «не вымышляет способа к отомщению... но положил, чтобы за каждым делом, добрым или злым, приличное ему воздаяние следовало естественно, а не по особому назначению».

Если вникнуть в значение сердечных мук согрешающих, то нельзя не видеть в них властного побуждения к воссоединению с Богом и средства, невольно движущего преступных детей Божиих к возвращению в объятия Отца. «Не от сердца преогорчевает Бог или поражает сынов человеческих» (ср. [Плач.3:33](#)). Едва Он видит их перемену к лучшему, как изменяет гнев ревнующей любви Своей на обычное, нежное милосердование о них. «Его лицо страшно на творящих мое» (ср. [Пс.33:17](#)), но единственно потому, что Он – ревнив ([Наум.1:2](#)) и хочет наибольшей человеческой любви к Себе.

Глава 3

В самих мероприятиях Отчих по отношению к праведным и грешным Священное Писание указывает неумолимую **правду**. «Соблюдение правосудия – радость для праведника и страх для делающих зло» ([Притч.21:15](#)). Вот почему Отец Небесный «правосудие и правоту имеет основанием Престола» Своего (ср. [Пс.88:15](#)). "Я, говорит Спаситель устами пророка Давида, возвещал правду Твою (Отче) в собрании великом» ([Пс.39:10](#)). Когда «мы изменили и солгали пред Господом... противно было

очам Его, что нет суда. И Он возложил на Себя правду, как броню, и покрыл Себя ревностью, как плащом. И убоятся имени Господа» (Ис.59, 13, 15, 17, 19). По словам апостола, «Бог предложил Иисуса Христа в жертву умиловления в Крови Его через веру, для показания правды в прощении грехов... да явится Он праведным и оправдывающим верующих в Иисуса» (ср. Рим.3:25–26). Свой народ «Он обручает Себе навек в правде и суде» (ср. Ос.2:19).

Божия правда есть или явно видимое, или только внутренне ощущаемое Отчее определение воздаяния блюстителям и нарушителям завета с Богом. «Любовь несправедливая не может быть совершенною... Поэтому Бог в любви справедлив и в справедливости благ... У Него правда и любовь взаимно проникают друг друга». Иначе, без милости, правда Божия была бы неумолимой и холодной суровостью. В единстве же с любовью она непрестанно творит истину и любовь, облагодатствует ищущих чистоты и вразумительно наказует согрешающих. Бог по правде Своей воздает, собственно, направлению человеческой свободы и тем косвенно побуждает людей дорожить богообщением со всей горячностью сердца. «Наказывая и даруя награды. Он всегда являет одно и то же благоволение... Как солнце увеселяет своим светом многих, а больным глазами причиняет мучение, так же Господь... враждебен (некоторым) в том смысле, что преследовал и преследует их любовью... дабы наказуемые сделались лучшими. И "разжегу тебя, говорит Бог, в чистоту" (Ис.1:25). (У Него) не быть милосердным – признак милосердия, потому что ничто более не способствует исправлению, как оставление, небрежение, забвение». «Он знает, что наказываемому не принесет пользы лицо веселое, и принимает на Себя лицо строгое... наказывает, чтобы мы бежали от низких страстей».

Как только лечение страданием воздействует достаточно на заболевших греховными страстями, так Отец Небесный мгновенно прекращает испытывать их скорбными попусками. «Ему не угодно, чтобы человек плакал от болезни сердечной, но хочет более, чтобы он из любви к Нему веселился смехом».

Божественные кары в земной жизни – это только требования взаимной любви от нашей свободы, изрекаемые Небесным Отцом словами жизненных скорбей. Они зовут совратившихся с пути боголюбия вернуться назад. Если бы прекратились подобные призывы, то человечество давно уже утонуло бы в бездне собственного греха.

Раскаявшимся в грехах Отец Небесный возвращает всю полноту Своей любви. Он сплетает им целый венок благодатных дарований и в этом смысле «как бы играет с ними, нисколько не уступая родителям в нежной любви к ним». Библейской речью Он в утешение говорит кающимся: «На малое время Я оставил тебя, но с великою милостью восприму тебя» (Ис.54:7–8). «Я не забуду тебя. Вот, Я начертал тебя на дланях Моих» (Ис.49:15–16). «Не дорогóй ли у Меня сын (ты), не любимое ли дитя?» (ср. Иер.31:20).

Глава 4

В случае нерешительности человеческого покаяния и колебания людей между добром и злом Отец Небесный долготерпеливо и неотступно печется об их окончательном богоутверждении. Самое высшее выражение **пощады** немощного человечества Отчею благостью имеет место в деле его искупления Единородным Сыном Божиим. Своего Сына Отец Небесный любит любовью большей, чем пламя в сердцах всех Серафимов. Между тем, возлюбивши мир, Он Его-то и «отдал, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (ср. Ин.3:16) и «был свят и непорочен пред Ним в любви» (ср. Еф.1:4). «Смотрíte, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими» (ср. 1Ин.3:1), восклицает апостол при созерцании плодов искупления.

Крестом Единородного Сына Бог Отец показал всем людям Свою любовь к ним безмерную и совершенное отвращение Святыни Своей от грехов людских. Грехи, наподобие завесы Иерусалимского храма, отделяют грешное сердце от Бога. Когда же ради искупительной жертвы Сына Божия и покаяния грешных завеса эта благодатию Христовою разрывается с верхнего края до нижнего, чувствам благодатно омытых грешных сердец

воочию является Отчее сияние чрез Сына во Свете Духа. Так «Бог Иисусом Христом примирил нас с Собою» (ср. 2Кор.5:18), «очистив совесть нашу от мертвых дел» (ср. Евр.9:14).

Рассмотренная особенность действия Богоотеческой Личной любви, судя по всему развернутому ходу наших рассуждений, должна быть названа кратко – **ревнованием о чистоте взаимной любви со стороны разумно-свободных тварей и вместе привлечением грешников к очищению от грехов.** Правда, это действие богоподобной любви в тварях одновременно с тем присуще и Богосыновней воле и влиянию Святого Духа, но Отец вневременно предначинает это очищающее действие, а Два прочих Божественных Лица вневременно сопутствуют Ему. Искру боголюбия во всяком падшем грешнике Отец Небесный чрез Сына Единородного в Духе Святом преимущественно разжигает и оберегает от потухания. И такого "труда" (Ис.7:13) Своего Он не оставляет, пока не возведет верующего и кающегося грешника к совершенному настроению любви. Только уподобившиеся Богу любовно вполне осуществляют изначальную мысль Божию о человеке, который в лице праотца назван "Адамом". В переводе с еврейского самое слово «Адам»⁸ значит именно существо, уподобляющееся Богу настроением.

СЫН БОЖИЙ – СПАСИТЕЛЬ МИРА

Сущность падения человеческой природы в прародителях и ее восстановление во Христе. – Самоотверженно-смирренная любовь Сына Божия в служении спасению человеческого рода. – Смирение Искупителя в самом Боговоплощении и возвышение здесь человеческой природы. – Черты смирения в примере земной жизни и учении воплотившегося Сына Божия. – Его крестная Жертва и внутренний смысл Божественных Его страданий как верха самоотверженно-смирненного «истощания». – Попыты истолкования плодов крестной Жертвы Христовой применительно к личному человеческому спасению. – Смирение Сына Божия по Воскресении из мертвых и вознесение на небо. – Переход к учению о проявлении любви Святого Духа в мире.

ВЕРУЮ... И ВО ЕДИНАГО ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА, СЫНА БОЖИЯ... ЕДИНОСУЩНА ОТЦУ... И ВОЧЕЛОВЕЧШАСЯ. РАСПЯТАГО ЖЕ ЗА НЫ... И ВОСКРЕСШАГО... И ВОСШЕДШАГО НА НЕБЕСА, И СЕДЯЩА одесную ОТЦА. 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й члены Символа веры

Личные проявления Божественной любви Сына Божия выступают со всей яркостью в совершённом Им деле искупления падшего человечества.

Падение наших прародителей, как известно, состояло в заражении гордостью. Гордость обнаруживает себя утверждением свободы воли не в Боге и Его силе любви, а в себе. Это разорвало естественный союз дотоле невинной человеческой природы с Божеством. Под влиянием гордости первые люди предпочли любви к Богу любовь к телу, что создало в их воле роковой наклон к похоти вместо наклона к самоотверженной любви. Первородный грех подвел человеческую природу под действие осуждения Божия. Бог оставил Своею благодатию природу заразившихся самолюбием и попустил им ходить путями излюбленного самоутверждения.

Вслед за богоотчуждением померк свет благодати в праотцах, мгновенно последовала их духовная смерть и началось постепенное телесное умирание.

По мере развития в человечестве гордости постепенно утверждалось извращенное воззрение на Бога – как на неумолимо-гневною Судию, беспощадного к человеку. У некоторых же людей понятия о Боге исказились еще больше – вплоть до утраты всякой веры в Него.

Описанное растление души и тела гордых самолюбцев закрыло для них светлое небо, несродное их мрачному состоянию.

А так как человечество создано по закону всеединой связности, то изначальный наклон человеческой природы к самоутверждению и похоти стал наследственно передаваться от предков к потомкам.

Постепенно размножаясь, люди составили из себя несметное собрание живых мертвецов, не утративших, впрочем, стремления к Богу и остатков добра. Ради этого Троиственный Бог восхотел спасти от гибели человеческий род чрез воплощение и крестную Жертву Сына Божия.

Любовь Господа Спасителя к падшим людям противоположна общечеловеческой гордыне [наличием] признака смирения.

Сын Божий явился во плоти, по словам Писания, «кротким и смиренным сердцем» (ср. [Мф.11:29](#)), «смирил Себя, быв послушным (Отцу) даже до смерти, смерти же крестной» (ср. [Флп.2:8](#)). Он пришел «послужить и отдать душу Свою для искупления многих» ([Мф.20:28](#)), «искал не Своей воли, но воли пославшего Его Отца» (ср. [Ин.5:30](#)).

Смирение, по существу, есть та же любовь, только самоотверженная и богопреданная. При нормальном состоянии человеческой личности смирение должно занимать самую глубину волевого самоопределения. Но глубина Богосыновнего смирения несоизмерима и несравнима ни с чем человеческим. Она Божественно исключительна и сопровождает все действия и события земной жизни Сына Человеческого.

Целью всех обстоятельств Богочеловеческой жизни на земле было **устроение нового звена в цепи** человеческих природ – **смирненного и богопреданного существа** человеческого. Его необходимо было провести по всем ступеням свойственного человеку бытия и в нем выстрадать все следствия мировой гордыни, или самолюбия всего человечества. Невинное страдание Христа – Нового Адама – за падший мир, и притом в смирении Богочеловеческой природы, устрояло способ привития к Нему всего духовного потомства. После того должно было последовать уже самое привитие каждого верующего и личное воссоздание в Испытателе для безраздельной самоотверженной любви к Богу.

Вопреки гордыне ветхого Адама, воплотившийся Сын Божий подвигом беспримерного смирения исправил зло, внесенное в мировое всеединство самолюбием прародителей. Для воссоздания поврежденного человечества и связанной с его судьбою жизни видимого мира Он: 1) **принял человеческую природу** в единство Своего Лица и 2) **обóжил** ее, 3) явил в Себе для всего человечества **живой образец** смирненного подвига любви и послушания воле Небесного Отца, 4) **искупил** Своею крестною Жертвою от рабства греху и следствий греха всех имевших уверовать в Него людей и, наконец, в Своем Лице, как Начаток человечества, воскресил человеческую природу и, вознесши ее на небо, посадил одесную Отца. Упомянутые моменты Богочеловеческого испытательного дела запечатлены неизменной печатью смирения – то добровольно нисходящего до бездны самоуничужения, то возносимого Небесным Отцом на высоту Божественной славы.

Глава 1

Первым действием смирения Сына Божия в домостроительстве спасения мира было **Боговоплощение**. В нем «самоистощание» Богосыновнее выступает в блистательнейшем свете. Чтобы спасти человеческую природу, Сын Божий, говоря библейски, «препоясал» (Пс.92:1) Свою неопикуемость плотию на веки вечные. Но Он не остановился пред этою изумительною жертвою, лишь бы вырвать из костра

адских мук несчастных людей, лишь бы подложить Свою облегчающую руку под тяготевшее на них бремя и вывести их на свободную борьбу с грехом. Он буквально заслонил их Собой. «Бог существенно, добровольно сокрыл славу Своего Божества... и избрал крайнее смирение, норму раба... Умаление и смирение хотя по человечеству было, но было **Его собственное**. Оттого оно и силу бесконечную возымело: Бог превознес человечество в Нем».

Глава 2

Соединением Своего Божества с человеческой природой воплотившийся Сын Божий предначал Собой устройство в мире нового единства людей, носящего **обóжение** в глубине смиренной, самоотверженной любви.

Красноречие Святой Церкви в богослужении такими вдохновенными словами описывает обóжающее значение Боговоплощения: «Христос, воплощаясь, обожает человека; смиряясь, возносит». «Ныне, говорит пророчески Бог, приняв от Девы падшего, вознесу его к мысленному свету Моего Божества». «Непреложно сделавшись Младенцем, Создатель явил человеческое естество сообразным Божеству». «Христе! Невыразимо имея Своим покровом воплощение, Ты принес богатство обóжения, за пожелание коего мы с высоты ниспали в бездну мрака». Так «Бог бывает человеком, чтобы человека соделать богом», «обогадив Божеством» и «облистав»²⁶⁵ «Божественною зарею» «Адамово омрачившееся естество».

Глава 3

Сияние Своего Божества Богочеловек на протяжении всей земной жизни сокрыл в Себе, исключая время Фаворского Преображения, Он был видим окружающими во всем подобным нам Сыном Человеческим. Отказом от внешнего проявления Божественной славы Он представил людям **живой пример** смирения и неизменного послушания Богоотеческой воле.

Вот почему при рождении от Девы «Отчее Слово вместо нерукотворных пелен – небесных облаков – облеклось в

смиранные тленные пелены» и приусвоило Себе явления крайней нищеты, возлеги в скотских яслях. Воплотившийся Сын Божий избрал для Себя все убогое: и Мать, и дом, и город, и воспитание, и одежду, чтобы люди не увлекались мирским, но стремились сердцем к будущему. Жил Спаситель одним стремлением сотворить Отчую волю и спасение людей, а личной жизни вовсе не имел до самозабвения. Конечно, «отречение от человеческой воли, естественно желавшей проявления Божественной славы», было для Него подвигом, трудом и источником борьбы. «Хотя Он и Сын, однако страданиями навыв послушанию» (Евр.5:8). Из евангельской истории известно, как побеждались Им голод, естественное утомление и жажда, как преодолевались большие пространства пути во время благовествования слова Божия. Для горькой наинской вдовы, чтобы воскресить ее сына, Он подъял на Себя труд двадцатипятиверстного перехода из Капернаума в Наин. К Его смиренной любви и участию находили беспрепятственный доступ и мытари, и грешники, и хананеянка, и блудница, омывшая Его ноги слезной водой из умывальницы своих очей и отершая пречистые ноги полотенцем своих волос. Приближались к Нему также во множестве больные, жаждущие Его слова простолюдины и дети. А Он всем самоотверженно служил, многое говорил и делал по снисхождению, не возгнушался даже омыывать ноги Своим ученикам.

В общем характере и малейших проявлениях личной жизни на земле Богочеловек подлинно дал людям образец смиренной любви к Богу и людям. "Что Он делал, тому и учил от начала» (ср. Деян.1:1). Его учение провозгласило самоотверженную и смиренную любовь краеугольным камнем человеческой нравственности, а борьбу с гордостью – самой первой и насущной необходимостью (Мф.16:24, 10:39; Ин.13:34). О чрезвычайной важности смирения для спасения души Он говорит в Евангелии многократно.

Сравнительно с ветхозаветными библейскими воззрениями на любовь Господь Спаситель вносит совершенно новое перемещение ее от внешнего к внутреннему и безгранично расширяет ее приложения. Жесткому от самолюбия сердцу

подзаконного человека любовь предлагалась к жизненному осуществлению как повеление. Евангельское же слово Христово увлекает к самоотверженной любви светлостью и блаженством этого настроения. Вместо ветхозаветной справедливости в любви Богочеловек внушал держаться начала смиренного всепрощения и благотворения даже врагам. И в то время как «закон ограничивает человеколюбие одними единоплеменниками, (Он любовь) распростирает и на иноплеменников». «Вся цель заповедей Спасителя та, чтобы **освободить ум** от невоздержания и ненависти и возвести его в любовь к Нему и ближнему».

Замечательно по самобытности также самое понятие об Отце Небесном, какое изнес из Своего опытного самосознания воплотившийся Сын Божий. Бог Отец, по Его изображению, – исключительная и неизреченная Любовь и неизменная Благодать, «повелевающая солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылающая дождь на праведных и неправедных» (Мф.5:45). Омраченные гордостью люди давно не имели такого опытного понятия о Боге. Их ожесточенным сердцам ближе было ветхозаветное представление Бога грозным карателем, Который мстит нарушителям Божественного закона. Евангельское изображение Бога все щедрым Попечителем всякого человека, птиц и растений (Мф.6:26–30), открытое Богочеловеком, не могло не вызывать в людях усиление любви к Богу Промыслителю.

Об этом свидетельствуют слова Первосвященнической Христовой молитвы ко Отцу: «Я открыл им (ученикам) имя Твое (Отче) и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин.17:26).

Глава 4

Уча людей примером жизни и благовестием самоотверженно и смиренно любить Бога и ближних в духовнейшем понимании этого слова, воплотившийся Сын Божий довершил подвиг Своего служения спасению мира принесением **Искупительной Жертвы** за мир. Эта Жертва Богочеловеческого смирения была совершенно необходима для

порабощенных греховному себялюбию. Никто из них сам по себе, хотя бы и боролся с грехами, горячо осуждал их в себе и весьма желал от них освободиться, не может снять их с себя. Никто не в состоянии ни преодолеть личное бессилие в противостоянии страстям, ни прекратить совестные угрызения за грехи. Один любвеобильнейший Спаситель мог взять на Себя чужие грехи, нести определенные за них страдания по суду Божией правды вплоть до крестной смерти.

Чтобы во всей силе понять смысл искупительной Жертвы Христовой за грех мира, следует сказать несколько слов о действии в человеческой жизни закона Божией правды. По словам преподобного Марка Подвижника, «Господь положил, чтобы за каждым делом, добрым или злым, приличное ему воздаяние следовало естественно, а не по особенному назначению».

Отсюда каждый грех воспламеняет в человеке огонь страдания, карающий поправление Божественного закона чистой любви. Ощущается кара в невольных обличениях совести и чувстве ответственности пред судом Божией правды. Неисчислимо накопление грехов углубляет ответственность пред Богом каждого человека, безмерно согрешающего, и подводит его под осуждение Божие, ибо Бог Всесвятой гнушается греховной скверны и отрицает ее. Для спасения людей из этого тупика страдания и вечного рабства греховной силе Богочеловек благоволил самоотверженной любовью усвоить Себе и заключить в Свое сердце все человечество и потерпеть тяготевшую над ним бездну страдания за свободно размноженную им греховность – в крестном Жертвоприношении. Его невинное страдание от людей, за людей и вместо людей преодолевало в их совести глубину личной ответственности пред Богом за поправление воли Божией и уготовляло основание для прощения грехов кающимся по вере в Искупителя.

Страдания Искупителя мира были и нравственные, и физические. Его нравственные муки состояли в усвоении Им Себе сострадающей любви всечеловеческой греховной немощи. Восприятие в Себя самосознания чужих душ и

Божественное зрение всей их скверны Всесвятым Исккупителем были исполнены глубокой мировой скорби. Это страдание за мировой грех, наряду с сознанием самой мировой греховности, составляло усвоение пределов человеческого страдания. Оно вызвало у Божественного Страдальца «кровавый пот» в Гефсимании и голгофское: "жажду" (Лк.22:44; Ин.19:28).

Во время Гефсиманских борений Богочеловек переживал в духе смертную тугу от ясного созерцания мировой чаши страданий и грядущей смерти. Прискорбный до смерти, но с любовью готовый страдать, Он тем не менее ужасался, как истинный человек, чрезмерности греха и несвойственной Себе, Безгрешному, смерти за него. Из Его пречистых уст исходили даже прошения к Богу Отцу о миновании чаши, но с преданием прошения в Отчую волю. В минуту Гефсиманских борений, когда Спасителю требовались поддержка и утешение, Он не нашел их в апостолах и лишь при укреплении снисшедшего с неба Ангела переживал смертную тугу. Но вот молитва дала разрешение создавшемуся в Нем напряжению. Скорбь Его преодолена и побеждена верою в благую волю Отчую, и чаша страданий добровольно принимается всею полнотою сострадающей Его любви со словами: «Отче Мой! если не может эта чаша миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя» (ср. Мф.26:42). Желание пить чашу крестных мук во искупление мира выражало верх послушания Христова Отчей воле.

Высшим напряжением голгофских страданий Богочеловека были не телесные муки крестного пригвождения и висения на Кресте, а чувство оставленности Богом Отцом.

Оно переживалось Распятым как лютейшая скорбь оставленности Богом всего человечества. Названное чувство было безгранично тяжело для пречистой Богочеловеческой души, поскольку ее приходится мыслить неразрывно и средоточно соединенной с Небесным Отцом. В связи с чувством богооставленности из уст Христовых, только что изрекавших слова всепрощения распинателям и благоразумному разбойнику и слова участия к Богоматери, раздался прескорбный вопль: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мк.15:34) и

восклицание: "жажду" (Ин.19:28). Но вот и мука оставленности Богом Отцом преодолена Богочеловеческою душою. Она всецело созерцает усыновление Отцу всего искупленного человечества и победу Его над грехом. На это указывали последние возглашения Господа на Кресте: «совершилось! Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (ср. Ин.19:30; Лк.23:46). После того наступила Христова смерть, побежденная Его Воскресением.

Так смиренным послушанием воле Небесного Отца и именно силою безмерного человеколюбия Искупитель преодолел в Своей человеческой природе отвращение к страданиям и смерти.

Если мы от рассмотрения крестной Жертвы Христовой перейдем теперь к выяснению второй стороны искупления, то есть **образа приложения** искупительной силы к падшей человеческой личности, то заметим следующее. В людях искупление есть продолжающийся до кончины мира процесс изведения их из подвластности: а) греху, б) проклятию, в) смерти и г) диаволу.

а) Ядро, или сердцевина, греха определяется наклоном воли более к самоутверждению, чем к смиренному и боголюбивому преданию себя и своих сил Богу. Отсюда у грешника волевая падкость на повторение греха, совершенно непреодолимая без Божией помощи, углубление греховными делами отчуждения от Бога и самоугождение, влекущее за собой развитие чувственного сластолюбия.

б) За грехом, как тень за телом, следует проклятие Божие. В данном случае бесстрастный Бог Любовь отнимает от осуждаемого Свое благословение и благоволение и полагает осуждение на его грехи и на ложное направление свободы. Клятва отражается в его совести часто ужасными чувствами подгневности Богу, тоски, томления и скорби, нередко граничащей с отчаянием. «Угрызение совести есть действие клятвы, положенной правдою Божиею за всякое преступление закона. И под Евангелием сущие не свободны от клятвы, коль скоро не исполняют заповедей Евангелия».

в) При повторении тяжелых многократных падений проклятие, изрекаемое голосом совести, может у не внимающих его внушениям замереть на время, а наконец и совсем замирает. Тогда грешник утрачивает благодать, а с нею – способность самоотверженно любить Бога и ближних, и для него наступает духовная смерть.

г) Грехопадения порабащают человека дьявольской воле, так как кто кого слушает, тот тому и раб.

Выход из плена греху, проклятию, смерти и дьяволу для одних человеческих сил невозможен, но вполне доступен им, если они восполнят свою скудость и слабость помощью Икупителя. Для того чтобы в человеке совершилось таинство искупления от рабства себялюбию и его последствиям, он должен прежде, насколько можно, отвергнуть гордыню и порождения ее и природными усилиями принять закон самоотверженной любви в начало жизни. Таким путем создается внутри человека возможность бегства от греховного плена. Но здесь-то и обнаруживается вся слабость влечений к самоотвержению самой по себе падшей человеческой природы. У человека, вне силы Христовой, вся решимость быть самоотверженно любящим Бога призрачна. Он непостоянен в добре и требует сверхъестественного подкрепления, с тем чтобы преобладание его над греховной силой было бесповоротным и непобедимым. Утверждение в силе самоотверженной любви и противостоянии греховным влечениям за веру и труд покаяния сообщается человеку Самим Господом Спасителем по дару искупления в Таинстве Святого Крещения. Здесь «Господь врачует естественную шаткость воли в добре... поддерживает уже **возбужденную** нравственную энергию и **возгревает огонь ревности** о богоугождении». В первый момент вселения благодать Крещения дает человеку ощутить всю сладость жизни по Богу, пред которою все испытанные сласти – ничто. Благодаря тому крещенный отвращается угождения себе и находит удовольствие в действиях самоотвержения по внушениям благодати, его руководящей. В этом состоит освобождение от закона греховного, или самоугождения.

В связи с этим искупление следует мыслить прежде всего даром воле – этой глубине человеческой души, и совести в духе, а потом восстановлением для самоотверженной любви и прочих сил человека. Плен греху разрушает в каждом верующем Сам Господь Спаситель. Сам Он ослабляет в нем непреодолимость страстей, утверждает волевой наклон к самоотречению, успокаивает его совесть и поддерживает ненасытное влечение в нем к подвигам добра. Такова вкратце тайна искупления грешников воплотившимся Сыном Божиим, «истощающим в Себе наше худшее, чтобы соединением с Ним мы приобщились свойственного Ему». Его благодать, пришедши в нас, не творит новых сил, а восстанавливает падшие и тем нас искупляет на основе наших непринужденных устремлений к деятельному самоотвержению.

Спрашивается теперь, каково же то внешнее посредство, чрез которое Искупитель сообщает верующим в Него искупительную силу в церковных Таинствах? Отвечая на этот вопрос словами апостола Павла, мы должны сказать, что Христос Иисус "примирил (людей и ныне примиряет) с Богом Отцом посредством Креста, убив вражду на нем» (ср. [Еф.2:16](#)). «Крестом Господа нашего Иисуса Христа мир распят бывает для нас, и мы для мира" (ср. [Гал.6:14](#)). Чрез знамение Креста нисходит на всех благодать искупления в церковных Таинствах, и чрез образ и знамение Креста, благоговейно изображаемое, она возгревается в каждой верующей во Христа душе.

По выражению церковно-богослужебных книг, Христов Крест хотя и есть «древо по видимому существу, но одет Божественною силою и, наглядно являемый миру, мысленно чудотворит наше спасение». «Крестное древо носит людям одеяние жизни», «облиставаает пламеннообразно благодать и источает дарования, как воды». В просиянии Креста – «сокровенная церковная красота» и «невечерняя светлость». Здесь, в этой жизни, мы стоим пред «незаходимым светом» действием Христа Спасителя. Сам Иисус Христос спасает и озаряет верующих «сияниями Своего Креста». «В его образе Он являет Свою силу» или, точнее, «свет лица Своего», которым

«очищает человеческое естество от злобной скверны» и «вражией злобы».

Собственно чудотворность Креста во Святой Церкви дает право считать его «образом, представляющим лицо Самого Иисуса Христа». «С того времени, как Иисус Христос умер на Кресте, Его Божественная сила сообщилась Кресту, вселилась в него и осталась в нем навсегда, (так как)... присутствует на Кресте таинственно (Сам Он), Всесильный... Когда мы знаменуем себя крестом, мы тогда во Христа облакаемся, Христову силу себе усваиваем, Христовою силою себя спасаем. При крестном знамении на нас Иисус Христос с нами Своею благодатию».

Равно и во Святах Таинствах искупительная сила Христова нисходит на нас именно чрез образ начертания Святого Креста. Мы искупаемся от: а) греха, б) проклятия, в) смерти и г) рабства диаволу **крестною силою в буквальном** смысле этого слова.

а) Развитие данной мысли во всей ее широте можно найти в содержании церковно-богослужебных молитв и песнопений, где читаем такие слова:

«Древом спасения мы получили свободу от греховных страстей», сладостей и злого нрава, получив прощение своих «прегрешений». Крестная сила «каплями Божественной сладости уничтожает опьянение злобою», сладостью и губительными влечениями. Взамен того она «привязует ко Владычной любви» колеблемых «вражиими нападениями» и жгучее пламени попаляет в них грехи при крестном просвещении. Светолучные молнии крестной благодати подают дар воздержания «от плотской любви... совершенную любовь», умиление и «спасительную бодрость» по разрушении греха и ожесточении души.

б) Далее «силою Креста уничтожен страх осуждения», ибо Господь «пригвоздил древнюю клятву на Кресте и источил благословение» уверовавшим в Него. «Крест развязал узы клятвы человечества», так как «восшедший на Крест» «Владыка Крестом источил обитателям земли» «реки благословений». Они, «Крестом избавившись от клятвы древней, принимают

благословение чрез древо». Поэтому истинно слово, что мы «Крестным деревом разрешились от уз древнего осуждения».

в) Снимая осуждение за грех, или прародительскую клятву, «Крест до конца препобеждает смерть». При его начертании смерть «не переносит Божественного приложения жизни». Отсюда «Крест – воскресение всех умерших», или, говоря образно, «благодатное совлечение тины умерщвления». «Крестное древо приносит людям одежду вечной жизни» во свете Христова Божества. Оно, как животворящее, всегда «источает небесный свет и жизнь», так что «оживление его избавляет от смерти».

Чрез Христов Крест нам прилагается пока сила лишь воскресения от духовной смерти в сиянии Христова Божества. Но эта сила веселит нас надеждами на воскресение по плоти и совершенно уничтожает в истинно любящих Бога страх пред телесной смертью. Носители деятельной и высокой христианской любви уже в настоящем мире тления видят свое грядущее воскресение телом. Для них смерть – слово без содержания и, во всяком случае, не предмет удручающего страха. Эту истину апостол Иоанн Богослов засвидетельствовал словами: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (1Ин.4:18). Чем выше кто взошел по ступеням любви к Богу, тем меньше в нем боязни смерти. У достигших совершенной любви вовсе отсутствует трепет перед смертью. Для них она мертва, и ее мертвость они свидетельствуют своей всегдашней готовностью положить души свои за исповедание имени Христова и спасение ближних. У совершенно возлюбивших Бога и ближних еще во временной жизни действует в сердце крестная сила. Она поглощает в них трепет смерти – казалось бы, обычный ввиду предстоящей каждому кончины, но не свойственный изначальной человеческой природе.

Такой дар Христова искупления исповедуется Церковью, например, в следующих молитвенных воззваниях: «Христе! Ты Воскресением показал источник нетленной жизни», «раздрал смертные пелены». «Ты преложил смерть на сон, поспав во гробе, и мертвым дал жизнь».

г) Искупление от духовной смерти одновременное освобождением оживших духовно от рабства диаволу.

«Древом мы сподобились разбить главы невидимых врагов». «Крест смирил надменного змия», «отнял у него власть и крепость», «заушил его злобу» и попра. Бесов он низлагает своим образом и всякий раз, испуская как бы угли, «попаляет все вражьи действия». Его огонь заставляет всех «врагов (даже) скрываться под землю». «Всесвятому Кресту, в коем **с нами Бог**, демоны покоряются» невольно, так как «сияющая благодать его истребляет бесовскую мощь» над прилепляющимися ко Христу верою и любовью. Поэтому из души невольно исторгается восклицание: «О, сила Креста! Ты палишь демонов и их опаляешь». Чрез Древо Сам «Христос издалека испускает луч» благодати. Последний, проходя изображение Креста, прогоняет множество бесов, невыносим для них, приводит их в трепет, «падение», «бессилие» и «умерщвление».

Наивысшее поражение всех бесплотных падших духов Господом Спасителем последовало вслед за Его крестной смертью. Тогда душою и Божеством Он снисшел до ада и полчища демонов ослепил и связал в их «мучительной силе» «сиянием Своего Божества». При сошествии Господа Иисуса Христа во ад «души, ходящие в смертной тени, были призваны к свету» Его проповедью (1Пет.3:19). Внявших призыванию Божественному Он «облек во свет» и, «богоначально вдохнувши им жизнь», «освободил их от вечных уз» и «извел славящими Его силу».

Все изложенное выше о плодах искупительного дела воплотившегося Сына Божия представляет Его смиренную любовь бесценным сокровищем, сокрытым в глубине Его непостижимости. Сын Божий смиренен не только во время принесения крестной Жертвы, где Он беспримерно самоуничтожил Себя крестной смертью и снисхождением до ада. Он и по Воскресении из мертвых благоволит избрать орудием человеческого спасения знамение смирения – Крест Свой. Для Его безграничного человеколюбия как будто неиссякаема потребность всегда являться пред очами искупленных со

знаками самоуничтожения и в образе Агнца, закланного на Кресте. Он как будто никогда не хочет отделять Себя от обнищавшего человечества, а возжелал вечно быть «первородным между братьями» людьми. «И что всего удивительнее – Он но Воскресении тела Своего сохраняет раны на нем, и очам Ангелов является с ними, и считает это украшением. По любви к человеку Он любит и язвы, поскольку чрез них обрел погибшего... Какая мать столько нежна и какой отец столь чадолюбив?.. Как люди, самые пламенные в любви, Он, чтобы вложить любовь к Себе, совершил для этого все, что прилично природе Божеской, и перешел в другую природу, чтобы и ею воспользоваться для этого же. В чем не убедил Он, будучи Богом, то совершил, сделавшись Человеком... Оттого Христос нам родственнее не только близких по плоти и самих родителей, но и нас самих». Жертвой Своего смирения «Он купил преимущественно желание человека, дабы никто из купленных... не любил себя самого, а только Купившего его». Отныне изливающие перед Ним слезы покаяния могут в Его объятиях успокоить свое истерзанное страданиями сердце.

Для теснейшего приближения к Себе верующих Спаситель мира в сороковой день по Воскресении Своем из мертвых вознес в Своем Лице человеческое естество на небо и спосадил его Отцу. Проложение верующим восхода на небо и вместе начало соединения их с Ангелами в единое стадо любящих есть знак примирения их с Богом и между собою. После того открылся путь к нисхождению на человечество в Церкви благодати Святого Духа.

Каковы проявления в мире любви Святого Духа, сравнительно с ее обнаружениями Первым и Вторым Лицами Пресвятой Троицы, покажет дальнейшее рассмотрение этого вопроса.

СВЯТОЙ ДУХ УТЕШИТЕЛЬ

ДЕЙСТВИЕ ЛЮБВИ СВЯТОГО ДУХА

Учение Библии и Церкви об особенностях Личного выражения любви Святого Духа в мировой и человеческой жизни. – Вдохновение к любви удостаивающихся светоозарения Утешителя. – Соединение вдохновения во Святом Духе с размягчением сердца и воли облагодатствуемых. – Смягчающее влияние неведущей силы Святого Духа: 1) на принимающих благодать церковных Таинств, 2) молящихся, 3) читающих и слушающих Божие слово, 4) благотворящих и 5) кающихся. – Три основоположных вывода из учения о Личном характере любви Святого Духа. – Переход к раскрытию вопроса о жизни христиан под водительством благодати Утешителя.

ВЕРЮ... И В ДУХА СВЯТАГО, ГОСПОДА. ЖИВОТВОРЯЩАГО. 8-й член Символа веры

Личный характер проявлений любви Святого Духа в недрах Божества и в мире ясно определяется следующими положениями Богооткровенного учения. В Троичной жизни Божества Святому Духу принадлежит свойство соединять Любящих – Отца и Сына, ибо Дух Святой по преимуществу – «любовь Божия» (Рим.5:5). Откровение Святого Духа твари и особенно разумно-свободным существам заключается в том, что Он **неведущейно изливает на них действие любви** Троидного Божества. При облагодатствовании людей Бог Отец дарует светоозарение любви Божества, Сын Божий приносит его, а Святой Дух вдыхает.

По свидетельству Священного Писания, светоозаряющее действие Святого Духа есть **излияние** «любви Божией» (Рим.5:5) людям, **даяние** Богом Отцом любви «от Духа Своего» (1Ин.4:12–13), сообщение «Духа усыновления, свидетельствующего, что мы – дети Божии» (ср. Рим.8:14–16). Плод Духа, по апостолу, состоит «во всякой благодати» (Еф.5:9), так что «любвию Духа можно умолять» близких сердцу о прилежании к добрым подвигам (ср. Рим.15:30).

Излияние верующим во Христа Божественной любви во Святом Духе дало основание именовать Святого Духа в богослужебных молитвах «Струей естественной благодати», «Самоблагим и Источником благодати, Жизнью и Оживотворителем, Светом и Подателем Света» «в освящающем дохновении». Святой Дух есть подлинно «река Божества, исходящая из Отца и чрез Сына» являющая «Его кроткие дыхания». Вдыхая светоносные дарования, Он возвышает души людей над земными предметами, окрыляет их, укрепляет, одушевляет и оживляет силой любви ко Христу от всей души. Как Бог, Дух Святой «все сотворенное укрепляет и чрез Сына сохраняет в Отце» и «дарует всем общение с Богом».

Явление в человеке силы Всесвятого Духа, как мысленного света, согревает и воспламеняет человеческое сердце сыновними расположениями к Богу, «не имеющими ничего вещественного, и совершенную любовь к ближним». С наитием Утешителя всякий из людей необыкновенно вдохновляется к общению с Богом, как бы выходя из себя. Тогда нет меры человеческой ревности о богоугождении, а решимость отвергнуть грехи непреклонна и пламенна. Борьба с самолюбием у Богодухновенных людей непримирима. Благодать Святого Духа делает их чуждыми плотского настроения, пламенно стремящимися к Богу, «сострадательными, тихими» и «любящими одно Небесное». До высших ступеней Богодухновенности каждый человек обычно поднимается постепенно в зависимости от оставления самолюбия. Поэтому вдохновение Святого Духа надлежит созерцать в образе целого ряда волевых смягчений. Это есть постепенное таяние льда страстности на человеческом сердце, а у бесстрастных – непрерывно возрастающая горячность любви к Богу. Огонь Утешителя, касаясь чьей-либо души, влияет обычно на волю не в свободе ее избрания, где она неприкосновенна, а на силу ее предания делам самоотвержения и любви. Благодатное наитие всегда глубоко **размягчает** волю, а сердце согревает **чувством помилования** Божия. По силе такой действенности Святого Духа о Нем говорится, что Он есть «Дух... щедрот» (Зах.12:10), «Дух

милующий», научающий **милосердию** и что «Он **размягчает сердце** наше».

Размягчение воли и сердца любовью составляет в человеке «начаток Духа» (Рим.8:23) и Божественный плод силы Утешителя. На богослужебном языке Церкви это есть «дар благодати от пучины благодати», «увлажняющий струями Божественного Духа».

Духоносное смягчение наблюдается постоянно у верующих: 1) принимающих **церковные Таинства**, 2) **молящихся**, 3) **читающих Божие слово**, 4) **благодворящих** и 5) **сокрушающихся о грехах**.

Глава 1

Об освящаемых благодатию **Святых Таинств** апостол Павел не без основания заметил, что они «научены Богом любить друг друга» (1Сол.4:9). Всеобщий христианский опыт в Церкви на протяжении всех веков ее бытия отмечает у «приявших (через то или иное Таинство) небесный огонь духовной любви» – замену «греховной жесткости» «мягким, кротким» и нежным сочувствием ближним. Бывает это так. «Любовь, изливаясь в сердце вместе с принятием благодати (Таинств), тотчас начинает влечь (облагодатствованного) к соответственным делам», внушает ему не только чувство, но и умение оказывать дела любви. Сам Святой Дух у такового «возбуждает желания, соответственные внушениям чувства, придает к ним побуждения, указывает средства и воодушевляет нравственную силою».

Глава 2

Христианские **молитвенные упражнения**, подобно Таинствам, могут совершаться благодатно только при помощи Святого Духа. Естественное чтение молитв без содействия благодати холодно. Если же молящийся сознает свою неспособность беседовать с Богом и ожидает благодатной молитвы свыше в ответ на свой молитвенный подвиг, то холодное сердце его Святой Дух со временем умиляет и

согревает. Он невольно тогда льет на молитве потоки слез с глубокими вздохами, так как, по апостолу, Сам «Дух Святой ходатайствует за него воздыханиями неизглаголаннными» (ср. Рим.8:26). Именно Святой Дух духовдвижную молитву «проводит чрез наше сознание и чувство... Человек только знает тогда, что молитва не его, хотя в нем есть; она сложилась помимо него... Дух Божий влагает в сердце молитву истинную, а человек, воспринявший ее, возносит ее к Богу... в той силе, как она вложена... с преданием себя в волю Божию». Наша готовность всецело слушаться Бога после глубоко сокрушенных молитв, исполненных невыразимых воздыханий, отражает в себе действие Духа – Источника молитвы. Это Он смягчает нашу сердечную черствость тогда благодатным веянием в нас, и от Него идут молитвенные возбуждения непрерывно приближаться к Богу мыслию и сердцем для соединения с Ним в "один дух" (1Кор.6:17).

На смягчение человеческой души молитвою, совершаемой в Святом Духе, указывает и корень слова «молиться», напоминающий нечто о **миловании** и излиянии **милости**, о благодати Божией или любви. Действительно, во время молитвы нисходит на людей (как милость) Святой и пренебесный огонь, облекающий их в ризу смирения и уменьшающий в них раздражительность. У согреваемых таинственным огнем «Сам Дух Святой движет чувствами – языком нашей души, и душа, как дитя за матерью, повторяет за Ним только: “Авва, Отче!”». Сладкий – в самой грусти сердца – язык, поскольку это язык надежды! Нежный – в самой отягченной совести – язык, поскольку это язык **отрады, милосердия и прощения**».

Ум молящегося ставит сердце под лучи осияния Святого Духа, отчего то и загорается умилением. Святой Иларион, митрополит Суздальский, в свою бытность настоятелем Флорищевой пустыни так объяснял размягчение своей души при чтении акафиста Божией Матери: «Коль скоро я, – говорил он, – приступаю к чтению акафиста, только что произнесу трижды: “Господи, помилуй”, то вдруг ощущаю в себе духовную силу, свыше вселяющуюся в меня. Она ум мой озаряет и сердце воспламеняет любовью ко Пресвятой Богородице. Вся

внутренность моя тогда кипит благодатию Святого Духа... И уже не могу я тогда удержаться от слез и даже не могу постичь, в теле ли бываю или вне тела. Во весь же акафист слезы у меня льются. Сердце мое приосеняется глубочайшим сокрушением и смирением. Я весь тогда таю от любви к Богу и Божией Матери».

О подобных переживаниях во Святом Духе упоминает также дневник архиепископа Угличского Иосифа, где читаем: «Неожиданно находящий и умиляющий Дух Божий настиг меня ныне на словах: “Сокровище благих”... когда пред началом литургии я читал, воздев руки, молитву “Царю Небесный”. Тихое умиление и отрада пролились в мою душу обильной волной».

Молитва, снимая силою Святого Духа твердейшую накипь самолюбия с нашего сердца, делает ему близкими, родными не только людей, но и окружающую природу, то есть деревья, траву, воздух, птиц, свет и прочее.

Глава 3

При чтении Священного Писания, как и при молитве, искра силы Святого Духа нередко касается души читающего и движет его к чистоте. В таких случаях «всякая мысль (читаемых) священных слов осиявается благодатию» и сильна претворять волчий нрав в благочестивый. «Приемлемое верою слово Божие входит тогда внутрь, как огонь, и, воздействуя на добро, оживотворяет его» у внемлющих Писанию. Это происходит в связи с преданием читающими Духу Божию своего духа, сопредельного с Божественным. Оттого слово Божие входит в преданное Богу сердце с некоей сокровенной силой, разжженным и целительным. Его умирительную действенность производит невидимо именно Дух истины, «научающий всему» (Ин.14:26) доброму. Он непосредственно изменяет сердца усердных к Божию слову и показывает им в букве духовных книг не просто истину, но истину, полную духовной теплоты. Указание на это дает само Священное Писание, говоря: «Слова Господни – серебро разжженное» (ср. Пс.11:7). Бог «дает гласу Своему глас силы» (Пс.67:34). "Слова Мои, – свидетельствует Господь, – не подобны ли огню?" (ср. Иер.5:14).

Глубина влияния священного чтения связана с мерой нашего собственного ревнования о чистоте сердца и молитвою ко Святому Духу о просвещении пред каждым случаем чтения и слышания Божия слова. С подготовкой такого рода воспринимающие духовные и спасительные мысли Библии или святоотеческих творений похожи на плодоносную землю, о которой Господь сказал: «а упавшее на добрую землю (семя) – это те, которые, услышав слово, хранят его в **добром и чистом** сердце" (ср. Лк.8:15).

Глава 4

Дыша в Божием слове, Дух Святой простирает Свои животительные дохновения также на ревностных к **благотворительности**. Как «милостивые помилованы» бывают (Мф.5:7) чрез благодатное светоозарение, свидетельствует сердечная теплота людей добрых. «Дух Святой у них приводит в движение естественные семена добра» применительно к широте их ревнования о милосердии. Книга пророка Исаии прямо указывает на сопутствие благодати проявлениям человеческой доброты к ближним. «Раздели с голодным хлеб твой, – читаем здесь, – и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет. И будет Господь во время **засухи насыщать** душу твою. И ты будешь, как напоенный водою сад и как источник, которого воды никогда не иссякают» (ср. Ис.58:7, 8, 11). Если богоосияние всегда принадлежит в Божестве действию Святого Духа и уничтожает сердечную сухость, то явно, что благотворительность при вере в Бога размягчает милостивых светом Божества.

Глава 5

Призывы грешников к **покаянию** еще более своеобразно отражают действие Святого Духа. Здесь звуки слов, располагающих каяться, принимает ухо; мысль, выраженную словом, принимает ум; а благодать, пришедшая в слове, наитствует дух. Отсюда выходит, что кающихся привлекает к

раскаянию Святой Дух, о чем и Евангелие свидетельствует, говоря: «Утешитель... обличит мир о грехе» (Ин.16:7–8). По-видимому, когда слово о покаянии касается человеческого слуха, тогда действие Святого Духа проникает и в мысль, и в чувство сердца, а оттуда в волю, растворяя ее ожесточенность и сокрушая. Вот где объяснение глубоких вздыханий кающихся, их обильных слез умиления и сокровенного внутреннего утешения в итоге покаяния. Им благодатно совоздыхает Сам Дух Святой. Он в их черствость изливает смягчающую живую воду благодати и успокаивает их в болезненно-покаянных чувствах.

Из описанных выше случаев действия Святого Духа на верующих следуют три вывода:

1) Личной особенностью проявления любви Святого Духа к падшим грешникам является сообщение им чрез светоозарение **милования**, или **смягчения** их себялюбивого настроения. А в общем любовь к миру и человечеству Святой Троицы есть откровение действий ревнования о **чистоте, смирении и милосердии** людей, почему наша любовь также должна быть чиста, смиренна и милостива.

В связи с тем что внутриприродные отношения любви у Божественных Лиц превышают наше ограниченное постижение, то нашему разуму доступнее постигать именно действия любви Троиединого Бога. Они-то и создают в человечестве свойства чистоты, смирения и милосердия. Эти действия сами по себе и можно признавать образующими началами человеческого настроения любви, его первообразами, парадигмами и отображениями Божественной любви. Отсюда следует, что Бог Троица открывает Свою любовь к человечеству созиданием в нем чистоты, смирения и милосердия как трех сторон единой человеческой любви.

Вскрытый нами состав Божественной любви важен для понимания природы добродетели христианской и для уразумения православного учения о Церкви.

2) Само по себе действие Святого Духа на людей являет силу невестственного сияния Божия Существа.

3) Благодатное осияние приводит в конце концов спасающихся в Церкви к настроению любви, так как постепенно умерщвляет в человеческом существе многострастное самолюбие.

Благодатию Святого Духа создается и усовершенствуется наша способность любить Бога и ближних. Православное догматическое учение о силе Святого Духа, известное под именем «учение о благодати», ставит нас в дальнейшем перед необходимостью осветить православно-христианскую точку зрения на существо и жизнь в благодати Божией. К исследованию этого вопроса мы и переходим.

ЖИЗНЬ В БЛАГОДАТИ СВЯТОГО ДУХА

Понимание существа благодати в курсах догматического богословия. – Библейское, церковно-богослужебное и святоотеческое учение о благодати как о существенном Божием свете и невещественной силе любви. – Отражение истинной церковно-библейской точки зрения на благодать Божию в сочинениях русских пастырей Церкви. – Выводы. – Предчувствие людьми в благодати Святого Духа светоносной силы Божества. – Переживание ее как дара милосердия Божия. – Черты настроения облагодатствованных. – Виды действия Святого Духа в людях под углом зрения Божественной любви. – Границы природной способности человека к самоотверженной любви вне благодати Святого Духа и в союзе с нею. – Условия сочетания Божественной и человеческой любви. – Выводы. – Переход к учению о Церкви как союзе любящих в Боге.

ВЕРЮ... И В ДУХА СВЯТАГО, ГОСПОДА. ЖИВОТВОРЯЩЕГО. 8-й член Символа веры

Русские богословы-догматисты обычно определяют благодать Божию как силу Троиственного Божества, в Духе Святом изливающуюся на верующих.

Но это определение далеко не исчерпывает всей глубины церковно-библейского мышления о благодати Божией. Священное Писание и отцы Церкви определенно говорят, что благодать есть «невещественный огонь» (Лк.12:49) и «неприступный Свет» Божества (1Тим.6:16), который вместе есть сила любви и огонь любви.

Обе эти истины о благодати как о **существенном** Божием **свете** и как о **любви** ясно раскрываются прежде всего в Библии.

Здесь, например, читаем:

"В Нем (Слове) была жизнь, и жизнь была свет человеков. И от полноты Его мы все приняли и **благодать на благодать**" (Ин.1:4, 16). «Да будет с вами благодать... в истине и **любви**" (2Ин.1:3). «Каждому из нас дана благодать... дабы мы...

ИСТИННОЮ ЛЮБОВИЮ все возвращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого все тело... получает приращение для созидания самого себя в любви» (ср. Еф.4:7, 14, 15–16). Бог, «давший утешение вечное и надежду благу во благодати, да утвердит вас во всяком слове и деле благом» (ср. 2Сол.2:16–17).

В содержании православного богослужения приведенные библейские изречения находят дальнейшее развитие и истолкование. Молитвы и песнопения Святой Церкви часто говорят, что нам «в благодати Духа чрез Спасителя» сияет блистающий свет. В этом смысле благодать светоносна. Она – «мысленный огонь в сердце» христианина и «просвещающая» светлость.

Сошедши с неба в огненном виде и огнедохновенных блистаниях на апостолов, она «многосветла». Исполненные ею просиявают, как солнце, лицом. Ее «световидное сияние» как бы «орошает верующих невечерним светом», который вселяется в них. «Чудные (благодатные) озарения отгоняют всякий недуг» и достойных венчают сиянием до меры обожения. По своему исхождению от Божия Существа благодать Богозарна. В пречистом свете ее созерцается Троическая светлость или «пречистый свет» Отца, «озаряющего всю тварь светом благодати» чрез Христа во Святом Духе.

Порождая любовь в человеке, благодать Божия сама есть «Свет благодати». «Она усваивает облиставаемых Христу» и помогает им «усердно возлюбить Господа» и укреплять в Нем доброту⁹ сердца и незлобие к ближним. Под благодатным влиянием верующие люди «обращают ко Творцу все душевные желания», презирают смерть за исповедание Христово и «преклоняются пред Богом с такою любовью», что «от плотских разжжений (совершенно) уклоняются». Иные из них воспламеняются усердием по Боге «от молодых ногтей» и с теплым желанием бесповоротно следуют ко спасению, готовые «всем говорить: “Возлюбите Бога – и найдете вечную благодать”». Ввиду этого ничуть не преувеличенно то выражение о благодати, что она «пишет на очищенном (от

страстей) сердце нелицемерную любовь» и тем в себе «изливает (верующим) обилие Владычного человеколюбия».

Изложенные церковно-богослужебные воззрения на благодать Святого Духа точно отображают святоотеческий образ мыслей. Творения святых отцов по данному вопросу высказывают те же суждения.

По словам святых отцов, «благодать тайно производит в сердце любовь свою». И обратно, «любовь... есть причастие благодати Христовой... Любвию... Иоанн Богослов называет благодать Святого Духа (1Ин.4:18, 3:1)» как источник сыноположения. «У того, кто богато осиявается благодатию, душа в эту пору упивается любовью Божиею... Тому осияние духовное любовью источает плод ведения». «Бог всем сияет невозбранною благодатию Своего света, сообщает же каждому по мере чистоты душевных очей». Невечернему благодатному свету сердечные «мысли наши служат как бы окнами... Если шире раскроются твои сердечные помыслы, то сподобишься большего благодаяния. А если будешь преграждать вход в твою душу, то менее получишь даров благодати». Итак, «благодать Духа Святого есть свет, просвещающий человека» и воспламеняющий в глубине его сердца огонь любви к Богу и людям.

Насколько общераспространено было в Древней Церкви это понимание существа благодати, свидетельствует Поместный Карфагенский Собор. Он 125-м правилом выработал такое обязательное для всех определение действительности благодати: «Благодать Божия, – читаем здесь, – не только дает знание, что следует делать, но и **вдыхает в нас любовь**, чтобы мы могли исполнить, что мы познаём».

Православное русское пастырство в лице лучших своих представителей никогда не упускало из виду отмеченной нами точки зрения по данному вопросу. Иллюстрацией ее могут служить следующие выдержки из пастырских слов и речей, произнесенных в свое время с церковной кафедры или только обнародованных в печати:

«Благодать, – читаем здесь, – есть огонь любви Божественной, осеняющий сердца верующих». Она –

«водоогненна (Апок.15:2), ибо и орошает жаждущее сердце, и воспламеняет охладевшее». «Любовь и милость (Божии), приходя в действие, именуются благодатию, а принятая благодать становится дарованием». «Когда благодать возгорится, тогда сердце исполняется любовью к Богу... (Тогда) для души ничего нет, кроме нее и Бога». Излияние вместе с благодатию любви «свидетельствуется полным, радостным и живым исполнением всех заповедей». «Все, приходящие в соприкосновение с облагодатствованным, чувствуют присущую ему необыкновенную силу. Так и веет от него теплота, все согревающая». Все святые приобрели Божественную любовь «при помощи благодати Божией» и под ее влиянием. Именно по действию ее человек «стряхивает с себя покровы и сети греха, и тогда возжигается в его душе искра любви к Богу».

Сопоставления изложенного нами Богооткровенного учения о благодати с учением о том же отцов и пастырей Святой Церкви показывают, что Библия и Церковь одинаково провозглашают истину: «Кто любит, пребывает во свете» (ср. 1Ин.2:10). И еще: «Благодать открылась с верою и любовью» (ср. 1Тим.1:14). В данном случае соборный разум Церкви повторяет библейское определение благодати как сияния Божества и силы любви. Тяготение наших душ к духовному и вещественному свету и благоговение пред великими проявлениями деятельной любви лишний раз подтверждают силой предчувствий истину о существовании благодати. «Огни в религии, лампы и свечи, – говорит один русский публицист, – имеют в основании эту философскую догадку: “Попробуем устроить на земле, как на небе”. И ведь посмотрите, какая таинственная связь души с огнем: зажглись огоньки в храме – и храм, дотоле холодный и внешний, согрелся... До последней степени трогательно и удивительно, что, как только человек – дикий человек, ребенок – узнает, что есть Бог, он зажигает Ему лампаду или свечу, но вообще – огонь. Священный свет изображает что-то. Он волнует человека... Он есть какая-то связь человека с Богом... И мы, зажигая свои лампы, волнуемся священным чувством, хотя определить и выразить его не умеем... Огни на земле... избраны в символ общения

человека с Богом на пространстве времен, какие от Геродота протекли до сего дня... Священный огонь вошел во все без исключения храмы, соединил – пусть единственной ниточкой – все религии, связал людей, как братьев... Все менялось в вере, но не переменялся огонь и так же дрожит сейчас перед лицом человека, как это было, может быть, 5000 лет тому назад».

Очевидно, использование огня в обрядах религии вызывается тем, что человеческие души предощущают под символом видимого пламени бытие благодати, или светоносной силы Божия Существа. Этот огонь видимую светлостью у лиц благодатствованных отражает их внутреннее возгорение Божественною любовью.

Настроение объятых благодатию Святого Духа на низших ступенях совершенства, собственно, есть простое возбуждение или вдохновение к добру. Оно первоначально характеризуется ощущением Божия **милосердия** и умягчением души. С такой печатью благоволит действовать Пресвятой Дух **милосердия** при обращении грешных к Богу. Отсюда «благодать в смысле **милости, милосердия, благоволения** – понятие, встречающееся несколько раз еще в Ветхом Завете (см., напр.: Исх.3:21, 11:3, 12:36). В Новом Завете слово “благодать” удерживает основной смысл **благоволения, милости и любви**» (Лк.6:32–36; Еф.4:29; 1Кор.13:3; 2Кор.8:1–4, 6, 7, 9, 19, 9:8, 14). Люди в состоянии благодати прежде всего чувствуют Божие помилование и сами начинают искренне относиться к Богу, как неизреченно Милующему, и к людям. Благодать Божия усиливает нашу природную способность любить **умерщвлением** в ней действия **страстных влечений** и сообщением ей **неизменности, крепости и чистоты**. Порывы человеческой свободы к добру под благодатным влиянием становятся какими-то вдохновенно-приподнятыми и возвышенными. И весь человек тогда делается самособранным в одном Боге и простым.

Видимо, благодатные обнаружения внутри человека на первых порах духовной жизни должны быть названы силой свыше на укрепление в богоугодной жизни и самоотверженное жертвование всем для всех. Человеческий дух предназначен

всегда находиться в благодати Святого Духа и ее иметь силой своей любви. Всякий, оставленный благодатию, сразу начинает охлаждаться в любви к Богу и ожесточается действием страстей. Даже одно оскудение благодатной силы в ком-либо обрекает того на увлечение всяким злом. И наоборот, обильное орошение живою водою благодати (Ин.4:10) составляет «богатство человеческого безгрешия».

Существо христианства как раз и состоит в возведении человека к ощутительному единению с Богом и к явному и неотступному ношению Его силы. Применительно к этому благодать не есть что-то безличное или отдельное от Бога, а есть восстановление богообщения, прерванного падением. Она – форма явления Божества человеку в общении Святого Духа. Христианину свойственно определенно чувствовать приливы и отливы в себе благодатного действия. Он то облачается в силу благодати, то разоблачается от нее. Сам же по себе благодатный свет созерцается ощутительно христианами только при высоком духовном совершенстве. Но сердечному их опыту он открыт всегда, лишь бы сами они не теряли смирения, незлобия и чистоты. Христианское чистое сердце ощущает благодать Святого Духа в храмах, в жилищах людей благочестивых, на местах подвигов святых, в живых носителях благодати, в их речах, блеске глаз, горении любвеобилием и в их неуклонной доброй деятельности.

При всем том сердечный опыт восприятия благодати членами Святой Церкви и внецерковными людьми не одинаков: у первых действие благодати раскрывается из сердца, у вторых оно прикасается к сердцу совне.

Православно-догматическое богословие, как известно, различает несколько видов проявления в человечестве благодатной силы Святого Духа. Рассматривая их значение для развития настроения благодатно любящих, позволим себе определить их отношение к любви в такой форме.

1. Первое действие благодати – общепромыслительное. Преимущественно действующий в нем – Бог Отец. Он всех людей влечет ко спасению, располагает наблюдать Божие человеколюбие в течении естественно-природной жизни,

мировой и личной, и побуждает их чрез совесть исполнять закон самоотверженной любви.

2. На второй ступени Слово Отчее в Духе Святом евангельским учением свидетельствует обращающемуся, что духовные влечения к любви Божией внутри его принадлежат не природе, а Богу. Здесь просвещение во Христе подготавливает человеческую волю к решительному самоотвержению и преданности Богу.

3 и 4. На следующих двух ступенях благодатствования действует преимущественно Святой Дух по Отчему изволению и ради крестных заслуг Сына Божия. Посредством церковных Таинств Он изливает силу благодатной любви в самую глубину сердца и воли человека. Отсюда дальнейшее проникновение благодати человеческого существа совершается по мере свободных деятельных напряжений к любви.

Четыре действия Божией благодати в догматическом богословии известны под именем действий **предваряющего, призывающего, просвещающего и освящающего**.

В общепромыслительном и предваряющем влияниях благодатной силы Божией к человеку простирается действие Святого Духа без участия его свободы. Но за призывом его ко спасению в просвещающем и освящающем влияниях благодатное действие всецело соотнобразуется с расположением и настроением человеческой воли.

Обогатиться Богом в силе Святого Духа есть важнейшая задача земной жизни. Нет ничего выше для человека на земле по сравнению с заповедью возлюбить Бога и ближних и почувствовать любовь к себе Бога. Чтобы точнее уяснить себе всю **важность** этой жизненной задачи, ответим предварительно на два вопроса: а) какова способность любить у падшего человека вне благодати и б) каково значение для нее действия Святого Духа.

а) Силы одной природы человека в деле спасения весьма ограничены. Падший человек по природе способен лишь «предоставлять себя Художнику (Богу)... для принятия на себя Его художества» и приспособлять свою душу к восприятию силы свыше. Он может напрягаться к добру, противиться самолюбию.

Но из глубины его воли всегда поднимается жажда самоугождения и греховной улады, склоняющая его к совершению всякого зла. Так закрученная металлическая спираль разгибается в привычном направлении, получив свободу раскручиваться. Вне благодати падшая воля, как голодный волк, все смотрит в лес угождения страстям и нуждается в пересоздании самых глубин своих. У нее нет силы самоотвержения, постоянной, твердой и деятельной, нет воодушевления к совершению всего доброго, нет и власти искоренять страстные влечения. Сама по себе она способна лишь избирать доброе, предначинать его с величайшей неохотой и искать помощи Божией молитвой лишь в делах земных. Наши силы естественные годны лишь для дел временной, земной жизни. Но для дел, имеющих прямую связь с вечностью, обыкновенных сил решительно недостаточно. Например, человеку не дано природно достигать совершенства в любви, чтобы он, смирившись, был приведен к высоте и своим подвигом, и преобладающей помощью Святого Духа.

Вне Церкви горький опыт бесплодных усилий жить любовью невольно приводит всякого из нас к заключению, что без Бога (мы) "не можем **делать** ничего" (ср. Ин.15:5). Природе нашей свойственны лишь выбор добра и одно подневольное, непостоянное напряжение к деятельным выражениям самоотверженной любви. Правда, светские моралисты иногда приписывают людям способность жить истинною любовью при естественных усилиях воли. Но суждения такого рода нежизненны и неверны. Они исходят из одного мнения и предположения. На самом деле, естественно, ни один человек не в состоянии очистить себя от страстей и прийти к пламенной любви в подлинном смысле этого слова без благодати Божией.

б) «Успешное окончание всякого доброго дела, – говорят святые отцы, – имеет основание в Боге». От Его благодати зависит не допускать падений, доводить до успеха в делах, «довершать выбор доброго изволения» и водворять любовь. Благодатию Святого Духа каждый человек ежемгновенно сохраняется от греховного расслабления. Он в ней получает возбуждение к деланию добра и могущественное восполнение

своего духовного слабосилия. Благодать соучаствует с ним в самых легких и малых добрых делах, исправляет в нем все без исключения недостатки и порочные склонности и уничтожает сор греховных, отвергаемых им помыслов, чувств и пристрастий.

Выходит, что без Святого Духа развитие настроения самоотверженной любви немыслимо. Благодатное содействие осеняет всегда предварительное человеческое напряжение к делам любви. Напряжение это берется благодатию как повод для проявления ее действий. В конце концов можно с полным правом сказать, что спасающая человека благодать есть Божие **содействие** в нашем **действии любви**. Естественное напряжение деятельно любить доказывает лишь искреннее желание подвизающегося привлечь к себе Божию помощь. Но оно ничтожно по своему значению до тех пор, пока Господь не «явит его, по выделении от соприкосновенностей, в свойственной ему силе, полноте и совершенстве». Именно благодать Святого Духа возводит хотения человека до великой силы и горячности, и с ее помощью бывает уже удобно довершать предпринимаемые подвиги и осуществлять святые планы самоуправления (Флп.2:13). Сила Божия соединяется с человеческими усилиями к добру чаще всего под условием напряжения к смирению, милосердию и чистоте со стороны самого человека. И это понятно. Божественная Троица Любовь Сама открывается миру в действиях, влекущих к чистоте, смирению и милосердию. По закону соединения подобного с подобным она и в людях, очевидно, являет свое действие **вызыванием** сходных стремлений в человеческой воле. Чем усерднее личный порыв к (1) смирению, (2) милосердию и (3) чистоте, тем скорее такая ревность по Боге удостоивается осияния благодати.

Глава 1

Глубочайшее из деятельных расположений воли христианина, привлекающее к себе действие Духа любви, есть **смирение**.

Смиренный бежит угождения себе, глубоко сознает собственное ничтожество без Божией благодати и ее необходимость буквально для каждого мгновения своей жизни. В нем обострены чувствительность ко греху и жажда помогающего Бога. Отсюда умножение греха в чувстве совести заставляет его неустойчиво искать «избытка благодати» (Рим.5:20). Он «без благодати (Святого Духа) не решается начинать подвига... с нею только приступает к попечению о душе... старается иметь ее "сестрою" себе (Притч.7:4)... вверяется нежной любви, потому что она – начало всякого стяжания», и не бывает посрамлен в своих чаяниях. «Благодать охраняет его от злоумышленных, воспитывает, как беззаботное дитя, и образует из него совершенного мужа». Смиренный, основывая жизнь свою на благодатном содействии, «всегда приносит Богу самую силу любви, непрестанно упражняясь в памятовании о Боге и молитве». За это Божественные посещения вводят в «единение (с Богом) его расположения и самый ум в неизреченной любви». Ему, «приносящему Богу дар от членов своих, Бог уделяет от Собственных членов Своих (силу), чтобы (можно было ему) все делать, и любить, и молиться чисто». Вообще, если душа отвергнет внушение демонов, что спасение совершается не силою Бога, но мудростью и собственной силой человека, то благодать Божия пребудет с нею до последнего издыхания.

О нисхождении благодати на смиренных засвидетельствовал Сам Господь Спаситель, сказав апостолу Павлу: «сила Моя в немощи совершается» (ср. 2Кор.12:9). Поэтому апостол Павел и писал коринфянам: «я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Ибо, когда я немощен, тогда силен» (2Кор.12:9,10). Смирению предающимся Богу и Бог безмерно предает Себя в действии Духа любви. Поэтому нередко церковные песнописцы о духовном совершенстве высоких смирением святых говорят: «Всецело сорастворившись с Владыкой¹⁰, ты облистался огненными сияниями». Или: «Восхождениями в своем сердце ты, отче, посвятил себя Богу, а Он послал тебе благодать с неба». «Отче! Твой дух¹¹ чрез

склонение к Богу был весь боговиден от просвещения, невещественно принимая явления (благодати), как зеркало Божественного Духа». «Внимая непрестанным обращением к Богу, ты принимал зарю тамошнего осияния».

Глава 2

Смиренное предание себя Богу обычно неразлучно в человеке с милостивым отношением к ближним. Милосердие же, в свою очередь, полнее раскрывает в смиренных благодетелях благодатное осияние. Не напрасно Священное Писание и святоотеческие творения так часто сближают благодетельство и богоосияние, говоря: «Когда ты... напитаешь душу страдальца, тогда свет твой взойдет во тьме» (Ис.58:9–10). «Благодетельность, как рай, полна благословений» (Сир.40:17). «Милосердие **просвещает** Божественную любовь». «Если дверь или окно, – пишет митрополит Московский Филарет, – отворить, хотя бы то было не ради солнца, а по другой причине, то вход солнечному свету, тем не менее, открывается. Так и (в делах милосердия) движением, противоположным самолюбию, своекорыстию, самоугодию и самоуслаждению, душа, отверзаемая человеку, отверзается и для Бога, Источника любви и милосердия. Свет милующей благодати входит, и помилование начинается».

Глава 3

Сверх смирения и милосердия, к полноте благодати приводит человека также напряжение **чисто** возлюбить Бога и людей с помощью неусыпного противления страстям. Такой подвиг приближает Бога к тем, которые «приближаются к Нему» (Иак.4:8), отвергая всякую нечистоту. На церковно-богослужебном языке «отречение от всего пристрастия» к земному связано с «получением светлой Христовой славы» и укрепляющей Божественной силы. Предающие себя на подвиги по своему влечению непременно «запечатлеваются благодатию» премногою и от нее принимают успех. В них

Божественный Дух выжигает страстность невещественным огнем.

Обобщение раскрытых выше мыслей о законе сочетания нашей свободы и благодати приводит к выводу, что естественно-благодатная любовь человека характеризуется тремя признаками. Ей свойственны горение трепетно-благоговейными чувствами к Богу, всеобъемлющее милосердование о людях и безжалостное самостеснение ради очищения от самолюбия. Это устройство верующей души, с одной стороны, опирается на свободный «труд любви» (1Сол.1:3), а с другой – на силу Божию, которая и умножает благодатный талант любви. Высшая из задач христианского подвижничества – «непрестанно приобретать к менее ясному свету (благодати) лучезарнейший (свет), пока не взойдем к Источнику тамошних озарений». «Кто успел соединиться с чистейшим светом, тот блажен по причине... возвращения к Богу чрез сродное озарение».

Облечение всякого человека в светоносную одежду благодати Божией возможно только через Святую Церковь Христову. О любви, отличающей взаимоотношения членов Святой Церкви, и о благодати церковных таинств скажем ниже.

СВЯТАЯ ЦЕРКОВЬ ХРИСТОВА

СОЮЗ ЛЮБВИ ВО СВЯТОЙ ЦЕРКВИ

Понятие о Церкви как о союзе любящих в Троидном Боге. – Предмет веры в Церковь. – Отображение Церковью Троидной Божественной любви. – Соответствие символических определений Церкви свойствам первообразной любви Божией. – Выражение единством Церкви, святостью, соборностью и преемственностью от апостолов любви единосущной, чистой, смиренной и милосердной. – Союз любви Небесной части Церкви с земною. – Личное воплощение Богоматерию, святыми угодниками Божиими и святыми Ангелами четырех свойств Богоподобной любви. – Благодатное укрепление этих свойств в членах земной Церкви. – Приобретение ими своей принадлежности к церковному всеединству ценою борьбы с противниками любви – злыми духами. – Положительное склонение христианской личной свободы к союзу церковной любви чрез богослужение в храме. – Переход к учению о храме как о школе вселенской церковной любви.

ВЕРУЮ... ВО ЕДИНУ СВЯТУЮ, СОБОРНУЮ И АПОСТОЛЬСКУЮ ЦЕРКОВЬ. 9-й член Символа веры

Любовь Бога Троицы наиболее совершенно отражается в **союзе любви** Ангелов и людей, или в Церкви Христовой. Под именем Христовой Церкви следует разуметь единство Ангелов и человечества всех мест, времен и народов в Боге Отце под Христовым главенством и при одушевлении Святого Духа.

Предметом веры в Церковь для членов ее, подвигающихся на земле, служит действие в Церкви Божией благодати и пребывание в церковном сочленении незримых чувственно Ангелов и душ людей, с верою во Христа отшедших в загробный мир. Земная жизнь каждого члена Святой Церкви есть время усовершенствования в себе любви к Богу и ближним. Благодарность большинства спасающихся в церковной ограде до перехода в потусторонний мир остается незримой для плотских очей. Но

она, между прочим, дышит в их удивительном, подчас и прямо сверхъестественном, настроении любви. О нем преподобный Ефрем Сирин восторженно свидетельствует, восклицая: «О, какие нежные узы Божией любви! И эту любовь Бог даровал Церкви Своей, чтоб всегда украшалась ею». Постепенное и сокровенное проникновение членов Церкви благодатию и медленное созревание в них духа любви делает земную часть Вселенской Церкви Царством благодати. В отличие от нее та часть Небесной Церкви, которая в лице Ангелов и святых угодников Божиих и внутренне и внешне носит славу богоозарения как отблеск душевного пламенения любовью, именуется обычно Царством славы.

Любовь Бога Троицы земною частью Церкви воплощается начально и менее полно, чем ее Небесной частью. Но в общем вся Вселенская Христова Церковь отображает четыре признака любви. Она, по словам православного Символа веры, а) **едина**, б) **свята**, в) **соборна** и г) **апостольски благодатна**.

а) Первое свойство жизни любви в церковном сочленении определяется понятием «**единство**». Церковь, по Символу веры, едина, потому что «все мы одним Духом крестились в одно тело... и все напоены одним Духом» (1Кор.12:13). Иисус Христос создал «в Себе Самом одного нового человека. Через Него имеем доступ к Отцу в одном Духе» (ср. Еф.2:15, 18). "Дом Его (Христа) – мы" (ср. Евр.3:6), образующие из себя одно существо во Христе и полное «единодушие» (Флп.2:2). Ощущение церковным организмом благодати в настроении самоотверженной любви и есть начало его единства. Оно образует церковное единство в Боге любви и соединяет членов Церкви "в **один дух**" (1Кор.1:10), «одно сердце» (Деян.4:32) и "одно тело" (1Кор.10:17). Единое существо любви у Ангелов и святых людей делает Церковь подобием Единого Существа Пресвятой Троицы. Эту мысль непререкаемо ясно выразил Спаситель в словах молитвы к Своему Отцу: «Отче Святый! – так взывает Он: Молю о верующих в Меня, да будут все **едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе**, так и они да будут в **Нас едино**. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино» (ср. Ин.17:11, 20–21, 23).

Приходящий в сердце христиан Дух производит одно сердце – всех соделывает блаженными, всех успокаивает в одном свете. То же следует сказать и о бесплотных Ангелах. В целом светоносную любовь составлена из Ангелов и людей единая паства. «Как мысленные чины Небесных Сил освещаются Богом по порядку и Божественное светолитие проникает из первого чиноначалия во второе, из этого в третье и так во все, сообразно с тем и святые, будучи освещаемы святыми Ангелами, делаются подобными им. Затем святые, которые являются из рода в род после святых, предшествовавших им, прицепляются к ним и, получая благодать Божию, осияваются подобно им. Все же последовательно составляют таким образом некую златую цепь. Каждый, будучи особым звеном этой цепи, соединяется с предыдущим посредством веры, добрых дел и **любви**. Цепь (эта), утверждаясь в Боге, неудоборазрываема». «Святая Любовь, проникая (в Церкви) всех, от первых до последних, всех с Собою сочетавает и единит... Она есть Бог, с Коем и последние бывают первыми, и первые, как последние».

Единство святых Ангелов в Боге отличается, сравнительно с человеческим единством, и численным, и качественным превосходством. Единство же людей в Боге ангелоподобно восстановлено лишь у церковного сонма святых, а у несовершенных верою и любовью находится в стадии большего или меньшего раскрытия. При всем том о человечестве, входящем в церковное Тело, вообще можно сказать, что Глава Церкви Христос благодатно «соединяет воедино воли всех народов». Через Христову Духа «и отдаленные друг от друга телом близки духом, как будто живущие в одном доме... и обнаруживают великое стремление воли сходиться вместе в Господе». «Они со всех сторон соединены узами любви» и «связаны между собою единомыслием» и согласием в «одно Тело... единомысленное и единосердечное». Христов Крест «соединил их любовью во единую Церковь», «смягчая и улаживая» их и делая «одной душой в душе Христовой». Тысячи их «составляют одно Тело... и вся во всех Христос», «огнем чистейшей любви».

Истинные члены Святой Церкви, объединенные взаимно благодатию Любви, чужды себялюбивого настроения. У них прежнее себялюбивое и разделенное естество претворено в **естество церковное**, так как они воссоединились со Христом, Которого нет для отдельных себялюбивых людей. Христос Спаситель открывается только всем вместе в Церкви, где каждый совершает спасение не от своего лица, но поднимает в душе своей к Богу и всех братьев своих – любовь и молитвою. Насколько православно верующие входят в этот мир любви, настолько они входят в Церковь. Измена Церкви заключается в отступлении от любви и всего того, что ею требуется. У сынов Святой Церкви, предназначенных для спасения взаимного, всякое доброе дело одного передается и другим и любовь каждого призывает милость Божию и на всех его братьев. Потому и на Страшном Суде Христос будет требовать **вселенской любви** к Себе как Жениху Церкви с Его духовным Телом. Всякий член Христовой Церкви единосущен церковному Телу в зависимости от живого сердечного союза со всеми угождающими Богу. Он держит их в мысли... и носит в сердце. Быть в Телу Церкви значит ни в чем не обособляться от всех в порядках церковной жизни и одинаково с прочими «соблюдать все молитвенные и освячительные священнодействия Церкви», восходя «к чувству живого союза со всеми верующими и с Главою». Вся полнота даров Божественной благодати обещана Христом только этому нерасколотому единству при единомысленном общении в вере и единокачественном духовном настроении.

Отсюда единство Церкви следует понимать в смысле единосущия членов Церкви друг другу, или связанности их проникновенным светоозарением Отчего Духа любви во Христе. Спасаящиеся в церковных недрах носят единый огонь Божественной любви и состоят в живом союзе со всем сонмом верующих и Главою Церкви – Господом. А видимо «одним Телом и одним духом соделывает их добродетель любви». Любовь сливает в Церкви всякую отдельную верующую личность со вселенской церковной общественностью, делает

все народы одной и родной семьей и единым человеком, свободным от всякого себялюбивого обособления.

Замечательно, что облечение всякого человека во Христа через Святого Духа даже телесно созидает при личных чертах нечто единое и общее в их внешнем виде. В Церкви у бывшего еврея исчезает приверженность к ношению пейсов и национальной одежды, у диких крещеных народов в облике лица сглаживается печать сердечной грубости и жестокости, у оставивших сектантство изглаждаются на лице признаки неестественной возбужденности. Словом, здесь уже не видно более «ни еллина, ни иудея... варвара и скифа, раба и свободного, но здесь **все и во всех Христос**» (ср. Кол.3:11). А во Христе единообразное многоличное существо полно внутреннего света и умиленной любви.

Это-то церковное единосущие в богослужебных книгах описывается такими словами: «Спаситель! Ты объял все народы руками, простертыми на Кресте», Ты «соединил (их) далеко рассеянные сонмы» с невещественными существами и собрал всех в «одну земную и Небесную Церковь». Подобно тому как единосущие Божественной любви сияет в единстве Церкви, так пречистую любовь Божию Церковь отображает святостью.

б) Церковное понятие «**святость**» загадочно по своему смыслу. Буквально оно имеет многозначительное сходство с понятиями «светлость» и «чистота». Корень слова «святой», можно полагать, есть видоизменение древнеславянской формы «светой», на что указывает и польский язык своим отождествлением понятий «святой» и «светлый» в их буквенном начертании¹². Евангельские тексты: «свет во тьме светит» (Ин.1:5) и «Я свет миру» (Ин.8:12), между прочим, передаются на польском языке так: «Святлость в темностях светит» и «Естэм святлостье света». Церковнославянскому «святой» соответствует санскритское svinta или sventa – «сияющий, очищающий» (А. Гильфердинг) и зендское spenta – «светлый, незапятнанный». Судя по этому, понятия «чистый», «светлый» и «святой» весьма родственны друг с другом.

С точки же зрения учения о невещественном свете Божества есть прямое основание называть святым осиянного благодатию. Атак как богоосияние есть источник человеческого пламенения Небесной любовью, то понятие «святой» окончательно указывает на чисто пламенеющего благодатною любовью.

Библия влагает в слово «святой» такое же содержание. По библейскому свидетельству, «народ святой... есть собственный» Господу Богу (ср. Втор.7:6). Он любит Господа (Втор.7:9), "хранит Его завет" (Исх.23:22), «освящается Им» (Лев.10:3; ср. Лев.11:44), "заботится о служении Ему без развлечения" (1Кор.7:34, 35), «освободился от греха» (ср. Рим.6:22). Равно о «непорочных во святые пред Богом Библия свидетельствует как о «преисполненных любовью от Господа» (ср. 1Сол.3:13, 12).

Святые отцы значение слова «святой» определяют, например, такими изречениями. «Совершившиеся в святости достигли в меру любви». «У сподобившихся (приобрести добродетели) происходит общение в Божией святости... как бы в неизреченной любви ко Господу». Очевидно, каждый из нас должен подвизаться, чтобы иметь общение в святости Духа. «Как внутренняя слава Христова (во время Преображения) воссияла на теле Христовом, так и во святых внутри сущая сила Христова в день (воскресения мертвых) будет преизливаться вовне – на тела их. Ибо написано: «освящающий и освящаемые, все – от Единого» (Евр.2:11). «Когда душа повинуется уму, тогда мы в чистоте... благословляем Бога из сердца святого, тогда **осияваемы** бываем Богом... Господь... желает, чтобы мы были в Нем добрыми делами, да и Он будет в нас святостью». «Душа, когда устремляется к Богу и беседует с Ним, соделывается огнем... и святою».

Общая мысль этих изречений та, что святого следует представлять **чистым** отражателем в себе богоосияния, чуждым тьмы самолюбия и всецело любящим Бога. Еще яснее описываются происхождение и черты святости церковно-богослужебными книгами, где читаем: «Святой всецело очищен духом от всякой скверны», светом Благого «Всевышнего

Существа, Которое (Само) пресветло сияет Троичною святостью». В озарении Господнем святой принимает освящающую силу. Усвояя свет невечерний, Он «облекается во святыню» и световидность. Самое «озарение освящающими блистаниями» исходит от Христа во свете Духа.

Все сказанное выше ясно определяет библейско-церковную точку зрения на термин «святость». Святости присущи чистота от самолюбия, благодатная светлость, живое ощущение общения с Богом и настроение горячей любви к Богу и людям. Деятельная любовь – мать святости, но не одна, а с «плюсом загробного сияния». Всецело святой «во всем существе проникнут благодатным светом». В его естественной любви – залог способности непрестанно воспринимать нисходящую от Господа благодать – как вдохновение к совершенному настроению.

Отмеченный нами смысл слова «святой» точно объясняет и понятие «святость Церкви». Под этим понятием разумеется осуществление церковным обществом цели очищения и бесконечного усовершенствования в себе естественно-благодатной любви. У несовершенно верующих святость еще не раскрыта вполне и не преодолела тьмы страстей. Сама же Церковь свята не только в силу святости Первоисточника ее освящения – Бога, но и вследствие частичного или полного усвоения церковным единством огня Божественной любви. По словам апостола, Христос «предал Себя за Церковь, чтобы освятить ее... представить ее Себе не имеющую пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна» (ср. Еф.5:25–27).

в) Следующим за святостью признаком церковной жизни Символ веры называет **соборность**, осуществляемую на основе смирения. Подражая действию любви Сына Божия, смирившего Себя до крестной смерти, церковная общественность на земле в образе учения и правилах дисциплины смиренно покоряется соборному разуму Церкви, исходящему от Христа чрез святых апостолов и святых отцов во Святом Духе. Руководство членов Церкви едиными началами веры и любви и устройство по ним вселенской церковной жизни

немыслимы без смирения. Живущие в Церкви соборно должны нерушимо хранить смиренную зависимость от соборных разума и воли. Во имя смиренной любви каждое личное веросознание в Церкви поверяет себя всецерковным непогрешимым веросознанием, ставя себя ниже его. Благодаря взаимной смиренной любви членов Церкви Вселенские Соборы могли выносить общеобязательные постановления для руководства ими всего церковного Тела.

Христианское послушание началу соборности весьма важно. Оно влечет за собой хранение в земной части Церкви полноты духовного ведения и сосредоточение здесь власти церковного управления в единстве членов Церкви, а никак не в отдельных преемниках святых апостолов или в той или иной их группе. Внешним образом союз смиренной веры и любви в текущей церковной жизни осуществляется время от времени собираемыми Вселенскими и Поместными Соборами и соборной формой церковного управления в Поместных Церквях.

Высшее полномочие в земной Церкви принадлежит Вселенским Соборам. На них устраняются всякие спорные недоумения по вопросам веры и нравственности и твердыми определениями укрепляется церковное единомыслие и единодушие. По словам одного церковно-богослужебного канона, Христос, как «светом семи светильников, облистал честную Церковь семью священными Соборами святых отец». «Вещавшие в Боге отцы (Соборов) иссушили ереси и угасили смущения, исходившие от знаменитых злом» и определили «единую веру Церкви».

Объем власти всякого Поместного Собора, в отличие от полноты власти Собора Вселенского, руководством своим обнимает лишь верующих той Поместной Церкви, где собирается. Во исполнение закона смиренной любви участники Поместных Соборов разрабатывают вопросы веры и разрешают недоумения в области нравственной жизни в строгом соответствии с постановлениями Вселенских Соборов. Они могут устанавливать по местным условиям жизни и особую церковную практику, но в существенном веросознании и

правилах нравственности не могут выступить за грань установлений Вселенских Соборов.

Связь Поместных Церквей со вселенским церковным организмом поддерживается чрез первенствующего святителя, возглавляющего ту или иную Церковь. В свою очередь первосвятители Поместных Церквей находятся во взаимном единении веры и любви и в единении со всеми подчиненными им епархиальными и викарными епископами. Без ведома и согласия подчиненного им епископата они не решают никаких вопросов, имеющих отношение к целой области. Потому синоды из выборных епископов, как малые Поместные Соборы, являются в Поместных Церквях участниками церковного управления под председательством первосвятителя – главы Поместной Церкви.

Равно и епархиальные епископы, самостоятельные в делах епархиального управления, не вправе без воли первосвятителя Поместной Церкви собирать Поместные Соборы, избирать и посвящать епископов во вдовствующие епархии, вторгаться в них самочинно с иерархическими действиями и принимать в управляемую ими епархию клириков чужих епархий без предварительного согласия на то епископов тех епархий. Подобные выступления недопустимы в Поместных Церквях как разрушающие церковное братское единение и дух смиренной любви. Именно такой иерархический строй Церкви, и только он, делает невозможным всякое себялюбие и самовольное обособление кого-либо из верующих. Ибо в этом иерархическом строе никто сам собою и в своей отдельности не умствует о догматах веры, но каждый содержит образец догматического мышления чрез других, также не собою его приявших. В чудной цепи соборного взаимоподчинения нет ни одного звена, запятого человеческого самоутверждением.

Все сказанное нами о соборности церковной жизни дает полное основание мыслить ее отражением Божественной любви в смиренном действии. Воплощать начало соборности в личной жизни – то же, что наклонять волю из любви к Богу к самоотречению и освобождать се от самолюбия. По мере самоотвержения всякий член Святой Церкви возвышается в

смирении и его влиянием исходит из состояния ожесточения и своеволия. Таково значение христианского последования соборным разуму и воле чрез иерархическое духовное руководство. Иерархия – ответственная посредница между верующими в научении их духу смиренной любви.

г) Четвертое свойство церковности, известное под именем **апостольской благодатности**, объясняет две мысли: о непресекаемости благодати в Церкви со времени апостолов доныне и о смягчающем действии церковного богоосияния на облагодатствуемых.

Святая Православная Церковь никогда не утрачивала апостольской благодати любви Божией. Потому истинная церковная иерархия и теперь по преемству от апостолов является для верующих неизменным органом, чрез который изливаются на них «источники спасительной воды». «В этой благодати и милости Господней состоит все имущество Церкви» и вместе елей, смягчающий каменносердечие человека.

Выясненные нами свойства церковной жизни – единство, святость, соборность и апостольская благодатность – присущи всем членам Церкви. Всякий из них может осуществлять в личной жизни требования благодатно объединяться с Телом Церкви, освящаться, подчиняться соборным воле и разуму и врачеваться чистым током благодати, текущей от Христа чрез святых апостолов. Это и значит развивать в себе богоподобную любовь с ее выражениями. На единстве, святости, соборности и апостольской благодатности, понимаемых в общем смысле непрерывного облагодатствования, зиждется настроение деятельной любви также у небожителей.

Эту бесспорную истину доказывают действия в земной Церкви 1) **Божией Матери**, 2) **угодников Божиих** и 3) **святых Ангелов**.

Глава 1

Лично у **Божией Матери** любовь беспримерно пред всеми остальными членами Святой Церкви выражает общие начала церковности благодатно.

Богоматерь на небе «прежде всех принимает ближайшее озарение от Воплотившегося из Нее... Ангелы и все святые чрез Нее уже принимают озарение». «Солнце Славы не только изливает на Нее свет блаженства, но даже входит в Нее, и (таким образом) заключается в Ней весь этот многотекущий Источник света». За преизобильное богоосияние и несравненное пламенение любовью к Богу Божия Матерь именуется в церковных молитвах и песнопениях «Дверью неприступного Света». Она храм Света, светильник, «неугасимая лампада» и бессмертной «зари источник». «Просвещающее озарение Духа» облекает Ее, Пресвятую, «как бы в позлащенную ризу» и делает все Ее существо «солнцевидным лучом Незаходимого Солнца и молниеносной зарей». «Озарениями Духа Она вся покрыта, как ковчег золотом», почему «светлее солнечного утра».

Безмерно осиянная благодатию, Богоматерь причастна безмерной святости. Она – «чистое жилище Божественного Света», «вся сень святыни, вся исполнена света и вся каплет благоуханное миро».

Вселенское человеколюбие и необъятно-глубокое милосердование о грешном человеческом роде соответствуют в Богоматери исключительно высокому освящению. Она питает верующих пищей милосердия Своего, поит млеком щедрот, греет их ризою Своего покрова, одевает их наготу одеянием брачным. А когда мы по согрешении каемся, скоро прощает и Бога преклоняет к прощению молитвами Своими.

О Богоматернем действии в Церкви кратко можно сказать, что оно всех верующих усовершенствует благодатию в истинной любви.

Как «первая по Божестве молния», Божия Матерь естественно «воспламеняет у верных... любовь к Сыну Своему и Богу» «и вместе к людям» светоозарениями. Собственно «Она светит всей твари Божественным Лучом – Младенцем Своим», «от Нее воссиявшим», и достойных благодатно венчает Божественною светлостью». Божия Матерь вводит все церковное общество «в союз Христовой любви», мысленные движения его направляя к Сыну Своему и соединяя с Ангелами.

Это есть не что иное, как введение членов Церкви в единосущие церковного Тела.

«Пиша Божиим перстом на досках (человеческих) душ Пречистое Божие Слово», Богоматерь светоозарениями очищает их от плотских хотений, «черноты злобы» и других «страстных волнений». Вместо того Она склоняет к доброте каждую верующую душу и «связывает ее Божественною любовью» подлинно теплою и «освящающею». Так благодатно освящаются Ею лица, «избранные за их покаяние».

К смирению, этому признаку соборной любви, верующие также благодатно «световодимы» Богоматерью. Она «открывает человеческий душевный слух для внимания Божественным словам», просвещает помышления и сердца послушных Божественной воле, чтобы они «перешли в тишину Божественного хотения». Божия Матерь возгревает дух милосердия в людях одождением на них той же Божественной силы. Потому в церковном богослужении весьма часто и говорится, что «воссияние зари (Богоматерней) милости» творит в озаряемых сокровенное умиление, любовь к Создателю, смягчение, наполнение благодатью и «присвоение Богу». Божия Матерь «всегда и всем желает доброго дружественного единства». Преднамеренно у верующих Она при всяком удобном случае «истребляет сердечное ожесточение», «разрывает всякое сплетение» неприязню и «расширяет тесноту духа» «потоками умиления и слезами покаяния». Для Нее обычно «прекращать бури страстей и сладостей» и «отнимать зной всякого бесовского стремления» в спасаемых, дабы «скоро ввести их в сладость бесстрастия» и утешения.

Описанные светоносные воздействия Божией Матери, сердечно ощущаемые христианами, есть непрестанная действительность в Церкви. Они – причина ответных движений к Милосердной Заступнице христианских сердец, изъявляющих веру в Ее предстательство и благодарную любовь к Ней за бесчисленные случаи Ее благодатной помощи. Здесь-то нагляднее всего и сказывается **крепость союза любви** между Божественной Матерью христианского рода и нежно и пламенно возлюбленными Ею духовными Ее чадами. Какие иногда

переливы теплых чувств слышатся в земных молитвах к Ней – об этом могут свидетельствовать следующие выдержки из церковных канонов и песнопений:

«Я упал в греховный ров и, одержимый страхом, не взираю к незабывающему Богу... но к Тебе, Богоневеста, привержаюсь». «Прими меня, как блудного сына». «Покрой меня Твоими руками». «Объятый тьмой лютой жизни, я не нашел соскорбящего и соболезнующего. Твоею, Дева, светлостью рассеяй тьму прегрешений». «Перстами Твоих молитв напиши мне прощение моих прегрешений». «Напой меня питием умиления, Владычице, подавая мне ныне реки слез», «неумолкаемые стенания» и «спасительное осияние покаянием». «Вот, прихожу к Тебе, Пречистая, со многим страхом и любовью, зная силу Твоей многой милости».

«Огонь (Твоей) девственной любви привлекает меня к вопию Тебе». «Своим сердобольным и тихим оком взгляни, Благая, на Твоего раба и поспеши утешить». «Мои надежды и мое желание я возлагаю на Тебя. Яви мне милостивым Того, Кого Ты родила». «Милостью Твоих молитв извлеки душу мою из бедствий» и «дай мне пучину сострадания». «Тебя (я) ведаю основанием спасения» и в «Тебе уведал лежащей бездну благодатных милостей». «Облеки меня световидною одеждою благодати».

Какое сильное исповедание человеколюбия Божией Матери слышится в приведенных молитвенных обращениях к Ней! Это и понятно. В Церкви Христовой нет никого ближе к Богу и святее Божией Матери и никого нет любвеобильнее Ее к людям. «Она весь мир обтекает, нуждающихся высматривает и обращающимся к Ней помогает. Часто и не знаем: отчего какое-либо счастье? А оно вот отчего: приходит Богородица и благостыню всюду вокруг Себя распространяет». Ее чудотворные иконы – это приснотекущие источники Ее любви и силы, знаки осязаемого присутствия Ее, Небесной Матери, среди чад Церкви.

Глава 2

Подобно Богоматери, только с меньшим могуществом и с меньшим дерзновением пред Богом, действуют на земле все **святые Божии**, укрепляя среди верующих любовь единую, святую, соборную и апостольскую. Святые – невестоводители членов земной Церкви к общению с Богом. В их незримых или явных богоосияниях Небесная Церковь простирает на землю как бы братские объятия. Здесь укрываются грешные и скорбные странники земли от болезней, соблазнов и вечной смерти. Пережив искушения во временной жизни, святые небожители деятельно сочувствуют страждущим от подобных же искушений в земной Церкви. Оттого они лично усвоенные им дарования Святого Духа по Божию соизволению обращают на пользу и спасение менее совершенных братьев своих по вере.

Проявления чудодейственной силы угодников Божиих на земле पहले всего утверждают в земной Церкви благодатное единство. В осиянии земных концов светлыми зарями святые блистают, как свет, наполняют достойных мысленным светом и в нем Божественною теплотою Слова. Члены же земной Церкви, налитые светом Божества, согреваются от таких «напечатлений лучезарного божественного действия» и усвоятся Владыке «общением с Его чистейшим светом».

Всякое простосердечное поставление свеч пред иконами святых в храмах уже одаряет усердствующих в той или иной мере благодатию. Возжигающие свечи в память святых пред их освященными образами как бы говорят им движениями верующего сердца: «Прими от нас... свет и огонь и воздай нам внутренний благодатный свет ума и огонь сердцу». Здесь открывается у верующих «движение усердия в сретение ожидаемому снисхождению благодати» и «представление святому своей души, как зеркала, для принятия света его. Приемля же и усвояя этот благодатный свет, и сами читатели того или иного святого «преобразуются в тот же образ»» (ср. 2Кор.3:18).

Содействие святых небожителей теснейшему воссоединению подвижащихся на земле с Телом Церкви следует назвать созиданием церковного единосущия. «Еще в этом мире... любовь во святых, – говорит преподобный Симеон

Новый Богослов, – есть всемогущий и вседейственный свет... Она возжигает сердце их и, возрастая каждодневно более и более, преисполняет их светом всецело. Ибо любовь не умалется и не прекращается, но сохраняется навсегда... посредством ревности и добродетели». Так деятельная любовь движет святых Небесной Церкви совершать среди верующих множество освячительных действий и тем возвышать их ответную любовь до чистой святости. Отсюда видим иссушение у освящаемых страстей и избавление их от демонского омрачения, падений, немощей и злобы. Божественные блистания святых уничтожают страстность кающихся грешников и ведут их к бесстрастию, постепенно очищая и исцеляя. Это и есть освящение благодатию для чистой любви.

Небожители утверждают в Церкви и начало соборной жизни. С этой целью они располагают верующих смиряться и «вседушно каяться». Действующей силой здесь опять являются «осияния» «Трисолнечной зари». Под влиянием их умы и сердца осияваемых «наставляются к Божиим путям веры и любви» иногда с поразительной очевидностью. Случается, что у молитвенно устремляющих внимание и мысли к угодникам Божиим, особенно при мощах их, тотчас открывается в сердце особый источник святых мыслей и чувствований. «Эти мысли и чувствования суть поучения самих угодников Божиих к (молящимся)... прямо против того недуга, от которого (те) страдают». Подобным образом можно «всегда чувствовать в себе благой и смиренный дух святых». Веяниями Божественной силы озаряемые чрез угодников Божиих становятся своего рода «гнездами милостины», принимая «в борозды своих сердец смягчающую благодать» Божию. Благодать по молитвам святых «рассеивает тьму злобы в озаряемых», привязывает их к истинной любви и «согревает теплотою веры». Часто ощутительно для сердца на усердно молящихся тому или иному святому «как будто веет прохладный ветерок... могущий проникнуть в самую душу и оживлять ее». Почему не поверить, что «в веянии тихого ветра» (ср. 3Цар.19:12) нас касается неведомая благодать призываемого угодника Божия,

умножающая наши силы самоотречно любить все возвышенное и святое?

При наличии небесных благодатных влияний союз любви между святыми небожителями и членами земной Церкви приобретает необычайную живость. Для облагодатствуемого всякий святой как бы зрим и жив, так что с ним можно говорить молитвенно. Верующая любовь в Духе Святом уничтожает бездну разобщения между Небом и землей. Она приближает верующее сердце ко всему единству Небесной Церкви. Этим вполне объясняются случаи ясновидящего взаимообщения некоторых христиан со святыми. В наших храмах можно наблюдать, как молящиеся, особенно женщины, склонившись у подножия святых икон и рак со святыми мощами, что-то долго и нежно шепотом говорят святым. Пред ними как будто находится кто-то живой, слышащий чутко каждое слово. Здесь стерта и уничтожена грань, разделяющая миры потусторонний и земной. Для любящих нет бездны разделения, лежащей между живыми и умершими, между членами Церкви земной и Небесной.

Глава 3

Вместе с проявлениями **вселенской церковной любви** со стороны Богоматери и святых в земной Церкви еще имеют место обнаружения любви к людям святых бесплотных духов, или **Ангелов**. Цель их – укреплять у верующих свойство ангельского настроения.

Единосущие Ангелов по настроению любви зависит от осияния Божества. «Первые лики (святых Ангелов) принимают Богоначальное озарение непосредственно и преподают его прочим (Ангелам) по чину их» с любовью. «От действия Божественного огня умы суть как пламень». У них и одно стремление – «незыблемо любить Создателя». А так как их «насыщение Божественным сиянием» более или менее совершенно, то они «совершенно преклонены» «к общению с Богом теплою любовью» и неуклонно влекутся к Божественной высоте». Каждая ангельская личность «от принятия в себя сияния Трисолнечной Свечи» и наружно «облекается одеждою Божественной славы».

По воплощении Сына Божия все Ангельское чиноначалие созерцает сияющее Божество чрез Христову Человеческую природу. «Ангелы предстоят ныне Христу с крайним желанием» и в «себе явно показывают реки благодати» Христовой. Они, «мысленно вращаясь около Христа, непостижимо принимают существенное светоявление» «от красоты лика Его». Христос – конец и высота всех их желаний, почему они, «разжигаемые Божественною любовью, несмолкаемо» воспевают Его величие.

Соединение святых Ангелов в единое существо, пламенно любящее Бога, происходит путем передачи богоосияния от высших чинов к низшим. Озарения во всех девяти Ангельских чинах образуют как бы огонь и свет неприступного Божества. Но при этом существуют во святых Ангелах и особые формы преломления их любви к Богу и разновидности их богопознания. Так, Серафимов, пламенеющих «любовию к Богу», изумляет в Боге неизреченная любовь, снисходительная и милосердая к тварям и пламенно горящая в Исккупительной Жертве Сына Божия. Херувимы переживают единение с Богом как с Любовию Премудрой, поскольку Божий разум есть разум любви. Престолы – созерцатели в Боге любви правосудной; Господства – любви Царственной; Силы – любви чудотворящей. Власти созерцают в Боге любовь всемогущую; Начала – любовь вседержительную, Архангелы – любовь промыслительную о всем человечестве и Ангелы – любовь, пекущуюся о спасении отдельной человеческой личности. Так «совершенная ангельская любовь принимает свое начало от точного познания Божиих совершенств» и просвещается «огнем любви» Божией. Всякое знание вещей телесных и временных для Ангелов не имеет значения, потому что им более всего «дорога любовь Божия, которою они освящаются».

Единовидное осияние утверждает Ангельские чины в святости и «неподвижности на зло», Ангелы всегда «чисто принимают Божественное сияние». Являются они и людям «светоносцами», что «чувственно изображает чистоту» их «любви к Богу, друг к другу» и к людям. Вместе со святостью ангельская любовь к Богу «существенно смиренна». Смирение движет святых Ангелов с величайшею радостью, быстротою и

любовию «исполнять священные Христовы хотения» и слова и считать «всё в Вышнем гражданстве достоянием каждого». У них «нет ни ссоры, ни любопрения... Каждый пользуется собственностью всех, и все вмещают в себе всецелые совершенства».

Ангельское милосердие ярче всего открывает человеческому роду именно служение святых Ангелов хранителей и Ангелов народоблюстителей. Нас, смертных и злополучных, Ангелы «любят из милосердия... С ними мы составляем один Град Божий... Одна часть его, которая в нас, странствует, другая, которая в них, подает помощь». «Когда умирает (на земле чья-либо) душа от греха, Небесные Силы сетуют о ней». Равно, чтоб не похищена была внезапно (какая-нибудь) душа в потоки огненные, легионы Ангелов многократно воздыхают о ней на Небесах. «Ангелы, будучи служителями любви и мира, радуются о нашем покаянии и преуспейании в добродетели, почему стараются наполнять нас духовными созерцаниями и содействуют нам во всяком добре». Не напрасно и Евангелие отметило, что «радость бывает на небесах у Ангелов Божиих и об одном даже грешнике кающемся» (ср. [Лк.15:10](#)). Бодрствовать над нашим недостойнством, простирать к нам тонкие духовные внушения, нередко заглушаемые нашей грубой чувственностью, терпеть наши недостатки и неверности, отступать иногда по необходимости от наших нечистот и вновь высматривать минуты для приближения к нам – труд нелегкий. Святые Ангелы несут его с радостью по великому состраданию своему и человеколюбию. «Они научают нас... твердой вере, дабы верою мы восходили к любви Божией». Ими приносятся людям «отпущения преподобные» и притом «мгновенный приток святых желаний и помышлений». «Главный орган для сообщения человека с Ангелом... есть сердце и совесть». При наших падениях добрые духи если и отступают от нас, то ненадолго и недалеко, «сопровождая нас очами, исполненными сожаления. При первой возможности они опять соединяются с нами, не помня наших обид и оскорблений и снова благодетельствуя нам». «Должно ли перечислять многое, чем

доказывается любовь к нам Ангелов и все возможное попечение их? Они промышляют о нас, как старшие братья о младших». С удалением «промыслительного Ангела» прекращается и человеческое попечение о праведности, возбуждавшееся дотоле ангельским содействием.

Милосердуют о людях в своем роде и святые Ангелы народоблюстители. Они направляют течение гражданских общественных событий так, чтобы народы под влиянием обстоятельств жизни устремлялись к развитию в себе настроения святой любви. Особенно усердно Ангелы народоблюстители поощряют миссионерскую пастырскую работу среди народных масс (Деян.16:9). На этой почве они даже иногда «препираются между собою с любовью». Например, из книги пророка Даниила известно, что «Ангелы – народоправители персов и греков» – при виде беззакония израильтян огорчались оказываемому о них попечению Божию, тогда как те «вели себя хуже пасомых ими народов... Это и сказал явившийся Даниилу Ангел (Михаил): «князь царства Персидского стоял против меня двадцать один день» (Дан.10:13), то есть “все эти дни продолжал я убеждать его, что израильтяне справедливо удостоены промысления о них”».

Союз любви ангельской и человеческой при милосердовании Ангелов о людях лучше всего наблюдать на служении человеческому спасению святых Ангелов хранителей. Ангелы хранители, по словам святителя Григория Богослова, суть «естества очистительные, способные просвещать других посредством излиятий и переданий первого Света». «Как начальники света, (они) посылают светоносную благодать тем, которые освящаются низшим светом». Для человека они являются просвещающими и очищающими силами. «Причиной их влияния на человека служит прозрачность и проницаемость духовных сущностей друг для друга» и способность «возбуждать в нас духовную сладость» и «духовные созерцания». Всякий «добрый Ангел, когда войдет в сердце, тогда постоянно внушает чистоту, ласковость, снисходительность, любовь и благочестие». У «чувствующих это в сердце очевидно находится Ангел правды».

Влияние святых Ангелов хранителей на охраняемых лиц, как видно из учения святых отцов Церкви, осуществляется главным образом светоосиянием. Оно укрепляет в христианах истинную любовь во всех ее выражениях. От «сияния ангельских светлостей» на людей проистекают просвещение мыслей и утверждение в добре воли. Когда же богоосияние умаляется в верующих из-за разных грехов, тогда ангельское действие по Божией воле восполняет его, если согрешившие искренне каются.

Разве не случается в опыте нашем, что «среди недоумения или некоего бездействия ума вдруг, как молния, просиявает чистая, святая и спасительная мысль; что в обуреваемом или холодном сердце мгновенно водворяется тишина или возгорается небесный **пламень любви к Богу?**.. Эти внутренние явления души нашей не свидетельствуют ли о присутствии Небесных Сил, по человеколюбию бросающих лучи свои в наш ум и искры в наше сердце?».

«Блистания Трисолнечной славы», подаваемые верующим через Ангелов хранителей, укрепляют их единосушие со всем Телом Церкви и «преславно освящают».

К любви смиренной Небесные хранители приводят всякого охраняемого ими человека отчасти внушениями добрых мыслей. «В час святого размышления или при поклонах», замечает епископ Феофан Затворник, Ангелы «своим языком говорят с душою». «След речи (их) печатлется в сознании и сердце» человеческого, «падая на сердце и занимая внимание». Все случаи умиления и растроганности христиан, при чтении ли слова Божия или на молитве, происходят не без участия святых Ангелов хранителей, которые «побуждают всех к деланию добродетелей».

Среди явлений ангельской любви к людям особенно обращает на себя внимание сохранение Ангелами христиан от демонских козней и нападений.

По словам Святой Церкви, «блистающее сияние» ангельской благодати прогоняет дьявольское окружение и уничтожает его влияние на верующих. Темные духи – неустанные противники развития в человеческом роде

самоотверженной любви. Поэтому могучая ангельская помощь христианам в их борениях с духами злобы имеет глубочайшее значение. Она содействует торжеству церковной любви над мировым самолюбием.

Описание ангельских любвеобильных соприкосновений с людьми дорисовывает общую развернутую нами картину любви в Небесной Церкви и земной. От созерцания строя вселенской церковной жизни в конце концов создается впечатление всеединства в Боге между небожителями и спасающимися на земле чрез взаимное сострадание и сорадование. От освещения картины взаимоотношений членов Небесной и земной Церкви перейдем к наблюдению козней злых духов против земной части Вселенской Церкви.

Неизменная и упорно осуществляемая цель злых духов – разрушать единение христианское с Богом и ближним. "Врата ада, по замечанию Спасителя, силятся одолеть Церковь» Христову (Мф.16:18), желают превратить ее последователей в слугителей самолюбия и постепенно ослабить их любовь. Преодоление демонских влияний с помощью Господа требует и от самих борющихся напряженного сопротивления злым духам. Насколько трудно данное сопротивление, лучше всего показывает описание злобы диавольской против Бога и человека в творениях святых отцов.

Все демоническое царство злобно под влиянием чувства гордости. «По упорству во зле, – свидетельствуют отцы Церкви, – диавольское сердце ожестело, как камень (Иов 41:15)», «твердо, как наковальня». Каждое «демонское существо, напыщенное гордостью, курящееся нечистой любовью к собственному величию, мятется в воздушном небе» от «безрассудной раздражительности, безумной силы пожеланий и опрометчивой фантазии». «Сластию страстей диавол... отторгает нас от любви Божественной... Излив всю к нам ненависть, требует он казни в наказание наше, ибо любезно ему видеть человека казнимым. Подобно буре налетает он на тех, на коих по допущению Божию получил власть, придумывая один за другим произвольные страдания, желая насытить к ним страстную ненависть». «Пакостнейший завидует не только нам

из-за славы нашей у Бога ради добродетелей, но и Богу из-за проявления всепетой любви Его во спасении нашем».

Чтобы помешать усвоению людьми благодати в церковных Таинствах, демоны пред днями Святого Причащения и Соборования, в преддверии Крещения взрослых и во время самой исповеди мысленно искушают и пастырей, и пасомых ими. Тогда «злое летит от бесов, как искры от раскаленного железа; с искрою (нередко) внедряется (в неосторожных) и мысль о злом деле», дабы человек не пришел через благодать в светлое настроение любви. Когда какой-нибудь «народ, убегая... злого греха, нисходит в воду пакибытия... диавол со своими слугами... задыхается от печали и бедствует, почитая собственным несчастьем спасение людей». Он «после получения нами достоинства усыновления... бросает завистливые взоры на красоту новорожденного человека и возбуждает на нас огненные искушения, стараясь отнять и второе украшение, как отнял первое». Всякого демона мучит зрение души, освобожденной от греха. Он рвется злобой, если грешник, исповедавшись, приступает к Богу и «удостаивается такой Его милости, на славу которой мрачный дух и взглянуть не может. Трясется он от ненависти (тогда) и рыкает, как алчный лев».

Воссоединившихся благодатию с Церковью демоны всемерно силятся отлучить от Бога сомнением в Его Промысле, духом вражды и злобы против людей и сильным увлечением земными благами. «Они с любопытством наблюдают всякое наше телесное движение, на все смотрят пристально, «весь день поучаются на нас льстивным" (ср. Пс.37:13)». «Отовсюду пытаются и всё высматривают (они), где низложить, где уязвить, если найдут что незащищенное для удара», даже «и ночью высматривают, каким отверстым входом наших чувств войти» в нас. «Позволим себе увлечься призраками – они тут как тут, и начнут тревожить смелее. Не опомнись вовремя – закружат. А опомнится душа – опять отскочут и издали подсматривают, нельзя ли опять как-нибудь подойти».

Христианской жажде хранить святую чистоту любви злые духи противопоставляют возбуждения ко страстям и

мысленными внушениями стараются омрачить светлость верующих душ, осиянных благодатию Божией. Случаи к севу здесь плевел им дают не совсем строгие временами удовольствия христиан, забвение о Боге и Его законе и оставление молитвы. При подобной «обнаженности» душ бесы «вонзают в них свои стрелы и умерщвляют», то разжигая их нечистой прелюбодейной любовью, то любовью к благам мира сего, то любовью к обольстительным почестям и пустой славе. Святые человеческие подвиги демоны ухищряются как-либо остановить или испортить. Потому всякий злой дух есть вор, обкрадывающий чистоту христианского настроения любви. Он – «враг и мститель» (Пс.8:3) за него. От ненависти к чисто любящим Бога и ближних у демона «взор огненный, дыхание огненное и лицо, подобное ночи». Для таковых он кровожадно-злой «красный дракон» (Апок.12:3, 13, 16), «готовый стереть их, как мельничный жернов стирает пшеничное зерно».

Ниспровергнувши кого-либо из стоящих на высоте чистой любви, диавол «смеется над лежащим, присоединяет к несчастью посрамление и радуется посрамлению обольщенного... Он никогда не бывает союзником и другом людей, но только притворяется другом, когда пожелает надеть на себя личину обольщения». «Много обещает он нам, но не с тем, чтобы дать, а чтобы у нас взять... сокровища небесные... И часто подает нам советы, вреднее всякого яда». «Улыбается, когда наносит вред, завлекает, чтобы убить», «всегда озабочен поражением рабов Божиих, всегда неприязнен».

Наиболее легко чистота христианской любви омрачается с утратой христианами молитвы. Поэтому «все усилие сопротивления в том, чтобы отвлечь ум (их) от памятования о Боге и от любви Божией», дабы, «подавленные мыслями (века сего), ослабели в любви». Начало соборности в земной Церкви враг рода человеческого всегда силится поколебать подстреканиями некоторых верующих на измышление еретических мыслей о догматах веры. Он то располагает неосторожных к легкому взгляду на строгие правила церковной дисциплины, то искушает раздражительностью, то крепит между ними взаимную вражду. Смирение, мир и любовь в домах

христианских злым духам, «непримиримым и неистовым», «как острый нож в горле». Прокравшись в чье-либо сердце, бесы возбуждают искушаемого к нетерпению, злобе и разрушению общительности с людьми. Они представляют пустые и непрестанные предлоги к возненавидению ближних, так что «хоть непрестанно сердись на людей и злобствуй». Когда диавол в нашем сердце, тогда все раздражает душу. Ко всякому доброму делу чувствует она отвращение, слова и поступки других в отношении себя толкует криво и видит в них злоумышления против своей чести и потому чувствует к ним ненависть. Злодышащее разжжение сердца есть дело диавола. Оно распространяется, как антонов огонь, если не остановить его молитвою. Человек, подверженный раздражительности и дышащий злобою, весьма ясно ощущает в груди своей присутствие враждебной, злой силы.

Вопреки милосердию, царящему в истинных чадех Святой Церкви, диавол, сам нося ожесточение и «знание без любви», свой холод навеваает на искушаемых. Оттого многие из них «ожесточаются... все худое делают своим приобретением... и с дерзостью без стыда грешат». Ожесточившиеся, воспринимая злого духа в сердце, иногда бывают им ужасно мучимы. В таких случаях злой дух «поступает с чужим телом, как со своим... извращает язык, искривляет уста, в которых пена бывает вместо слов. Человек (тогда) помрачается: глаза открыты, но ими не видит душа, и несчастный человек ужасно стонет прежде смерти». По своей жестокости злые духи «всех бы низвергли в бездну, если бы Провидение Божие не обуздывало... их стремлений». «Не будучи оскорблены, они причиняют вред даже тем, которые служат и угождают им». От бесов нельзя ожидать ни мира, ни перемирия, ни отсрочки брани. «Бесстыдные и упорные, они не выйдут, если не изгнать их бранью».

Из представленного описания демонических стремлений лишить христиан настроения любви ясно видно, что союз любви в земной Церкви зиждется не только на усладительных воздействиях благодати Святого Духа, но и на свободной, страшно напряженной борьбе их с демонами и страстями. Неусыпное отстаивание всяким из христиан верности закону

истинной любви и решительное отвержение всего не совместимого с ним, если выдерживаются до конца, навеки утверждают претерпевших подвиг в единстве Божией Церкви. Сверх этого, положительными средствами укрепления союза любви в Церкви следует назвать еще молитву друг за друга и благодать церковных Таинств. Христианская церковная практика совершение общественных молитв и Святых Таинств сделала содержанием храмового богослужения. Поэтому рассмотрение в дальнейшем молитвенного и тайнодейственного облагодатствования членов Церкви свяжем с храмом как со школой вселенской любви.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМ КАК ШКОЛА ЦЕРКОВНОЙ ЛЮБВИ

МОЛИТВА ЦЕРКВИ

Церковная молитва в процессе развития христианской любви. – Общие замечания о влиянии обстановки святых храмов и обрядовой стороны общественного богослужения на углубление христианской любвеобильной настроенности. – Благодать православного храма и содержание совершаемого в нем богослужения как условия раскрытия в членах земной Церкви любви: 1) светозарной, 2) чистой, 3) смиренной и 4) милосердующей о целом мире. – Переход к учению о благодати Святых Таинств Церкви.

ВЕРУЮ... ВО ЕДИНУ СВЯТУЮ. СОБОРНУЮ И АПОСТОЛЬСКУЮ ЦЕРКОВЬ. 9-й член Символа веры

Развитие христианской любви до вселенской безграничности и всеобъемлемости тесно связано с непрерывным участием христиан в молитве друг за друга и в молитвенном единении их с совершенными верою членами Небесной Церкви. Такая молитва каждым спасающимся на земле может быть возносима и дома, и на всяком месте. Но удобнее и действеннее всего она совершается за общественным богослужением в православных святых храмах.

Ввиду этого есть полное основание прилагать к храмам название училищ Божественной любви. Уже самая архитектурная своеобразность их внешнего устройства с делением на алтарь, средину и притвор и сведением кровли в купол, венчаемый крестом, напоминает о сочленении под Христовым главенством Небесной и земной частей Церкви и отчасти лиц, только оглашаемых словом Евангелия. Храмовая обстановка одним видом своим внушает христианам много мыслей о любви. Так, здесь возвышение святого креста над иконостасом говорит всем о Распятой Любви; лики святых на иконах оживляют благоговейную память и любовь к первообразам их; горящие лампады, свечи и клубы кадильного

дыма изображают невещественное сияние Божия Существа. Что же касается богослужебных чинопоследований, совершаемых в храме, то они обличают своим содержанием присущее падшему человеку себялюбие, поднимают в молящихся братское сочувствие ко всем людям и призывают к самопожертвованию и любви, сострадающей целому миру.

Богослужебные призывы отвергнуть свое «я» подобны теплым лучам солнца, пред которыми раскрылись для истинной любви цветки уже миллионов человеческих душ. Самое церковное пение, возбуждающее плач о грехах и любовь к Богу, отзывается в молящихся чем-то родным. Оно располагает их отрывать от низменной страстности и оживать для соуслаждения Богом и для ощущения разливающейся в храме спасительной силы Божией. Словом, храм приближает верующее сердце к Богу и людям и отпускает его из своей тишины в мир облеченным светом радости и освящения.

Он [храм] развивает безостановочно христианское настроение любви: 1) **светозарной**, 2) **чистой**, 3) **смиренной** и 4) **милосердующей о вселенной**.

Глава 1

Облагодатствование в храме хотя и не видимо, но сердцем ощущаемо. Оно непрерывно возвращает у молящихся просвещение о Христе. По словам церковно-богослужебных книг, всякий освященный храм «просвещается Небесным светом», его невидимо принимает, им осеняется и венчается. Стоящие в храме, «принимая благодать Святого Духа», в ней «сочетаваются Жениху Христу». Самые простые их действия, вроде коленопреклонений, лобызания церковных святынь или усердного слушания богослужебного чтения и пения, уже привлекают к ним Божие **озарение** и просвещение, возвышающие к любви.

«Видимое... и самый воздух (в храме) только покров Невидимого. Если бы разоблачить тонкое духовное око (наше) от грубого, телесного, то мы здесь сами увидели бы видение, которое изображает церковная песнь: Царя всех. Ангельскими дориносима чинми». Храмовое богослужение предписано, без

сомнения, для возможного приближения наших мыслей, чувствований и воли к Существу Высочайшему. Это приближение поставляет душу нашу пред светом Вечного Солнца и тем светом внутренне оживляет. Даже всякий путь из дома в храм деятельно готовится к общению с Богом. Отсюда «кто любит храм и охотно посещает его... любит дело благодати, посещает обитель благодати. Следовательно, в этой любви носит уже и сам в себе семя благодати». И обратно, если кто «не пользуется благодатию (храма) к своему освящению, (от того) не приемлемая благодать удаляется... Она, не привязанная к храмам, хотя им дарованная... проходит сквозь рукотворенное сокровенно, ища оживить собою (в ком-либо) внутреннего человека, и заперта... для недостойных». Для способных принимать благодатные впечатления храм со своими святынями и богослужениями составляет «священную ризу Христову... проникнутую Его невидимой силою». Церковные святые иконы как бы наполнены Божией благодатью, «кипят ею и светят сияниями Духа Святого» верующим.

Глава 2

Хотя покров страстности мешает «отвержению чувств» у стоящих в храме и мало кто из них способен явно созерцать славу Божию, тем не менее ощущение внутреннего действия благодати может быть доступно всем им. Этим действием они вводятся в любовь Христову и союз со Христом, дабы, по апостолу, «вселился Христос **верою** в их сердца» (Еф.3:17).

Некоторые **чистые сердцем** христиане еще во плоти созерцают очами души богоосияние в храме, особенно во время совершения литургии. Об иеросхимонахе Киево-Китаевской пустыни Феофиле, например, известно, что он многократно видел за литургией крестообразное схождение с высоты луча, осенявшего предстоятеля и служивших с ним, но иногда не всех. От поразительного созерцания старец Феофил приходил всегда в невыразимый восторг любви, и все его существо как бы пронизывалось тогда сердечным восклицанием: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф» (Ис.6:3).

Великий русский подвижник схиархимандрит Илиодор Глинский за первым причащением своим в алтаре, по рукоположении в сан иеродиакона, был удостоен такого же дивного отвержения чувств. «Когда я, – передавал он впоследствии, – стоял за престолом в ожидании преподаяния мне Святых Даров, то вдруг всё, окружающее меня, как бы стусевалось и сделалось невидимо. Внезапно очутился я в каком-то пречудном храме, осияваемом неизреченным светом. На горнем месте того нерукотворенного храма была какая-то светлая возвышенность, но ее скрывала невещественная завеса. Сияние, выходявшее из-за завесы, разливалось по чудному храму. Какой-то тайный голос говорил мне: “Там – Господь”. Вдруг огненная рука простерлась отнять завесу. При виде этого душа моя переполнилась благоговейных чувств, и я громко воскликнул: “О, Господи!”. Протодиакон, стоявший рядом со мною, слыша мое воззвание, толкнул меня. Как бы очнувшись, я вижу, что архиерей, стоя пред престолом, причащается Святых Таин, а прочие священнослужители смотрят на меня с удивлением».

В обоих отмеченных нами случаях созерцания в храме благодатного света характерно переживание богоозаряемыми настроения пламенной любви ко Господу, выражающей церковное единство.

Благодать, проникая души молящихся за богослужением, простирает свое влияние не только на христиан живых, но и на усопших в вере. Что это так, свидетельствует сама Святая Церковь содержанием своих молений за почивших. В этих ходатайствах ее непреложно исповедуется, что по молитвам земной Церкви переселившиеся с верою в горний мир получают Божественное сияние. Им они «очищаются от греховного мрака» и «успокаиваются во свете лица Христова». «Просвещение светом Сына Божия», согласно церковному убеждению, открывает в усопших **«источники любви»**, радуется их общением с Господом, ласкает, «освобождает от злых страстей» и упоет. «Во свете Христовом» они «насыщаются радостью и кротостью» Самого Христа, как бы «держимые Им за правую руку» и «омываемые **росой Его человеколюбия**».

Очевидно, любовь, дышащая в церковных молитвах за усопших, милостиво принимается Господом Спасителем как благовонная жертва. В протоках благодати сила любви объемлет души усопших и умножает силу их наличного развития в любви. Наиболее просветляет настроение почивших в вере литургийное поминовение их с погружением в Христову Кровь просфорных частиц, изъятых при возглашении их имен. Тогда души поминаемых невидимо соприкасаются с Божиим существенным светом. Лучи его проникают в них и «оживляют семя (их) бессмертного человека». Действенно для усопших и внелитургийное церковное и домашнее их поминовение.

Земное христианское общество, носящее сердечно имена поминаемых и молитвенно возносящее их пред Богом, очень похоже на чревоносящую мать, дышащую одним дыханием со своим плодом чрева. Как от матери дыхание передается младенцу, так в церковном единстве дыхание Святого Духа передается поминаемым душам усопших. Братолюбие живых питает в них чувства любви, привлекает к ним благодать Божию и возвращает у них семена добра. Другими словами, теплота нашей братской любви к почившим действием силы Божией проливает свет и радость даже в адские темницы. Так весенняя теплота солнца пробуждает жизнь в растениях, даже сокрытых от солнечных лучей. Это и есть одно из проявлений **неразлучности во Христе** живых и умерших христиан, когда живые молитвою «бросают на могилы усопших зернышко любви».

В связи со сказанным открывается вполне смысл церковного прошения усопшим «вечной памяти». Бог «творит» им память, приобщая их к свету Своего Существа, и память «вечную», когда они от блаженного богоощущения воспламеняются любовью, забывающею о времени.

Церковное поминовение, говоря кратко, возрождает и развивает у поминаемых **святую любовь**. В данном случае проводник любви Божией к усопшим – чистая любовь к ним живых. Нашей любви к (усопшим здесь) – искра, а любви Всеблагого – «пламя необъятное, беспредельное». Но по закону Божественной правды лишь в ответ на нашу «благодетельную

любовь... благодать Божия осиявает душу усопших братьев наших».

Глава 3

Наряду с просветлением естественной человеческой любви, благодать святых храмов усвершенствует в ней еще свойство **смирения**¹³. Самый приступ к молитве побуждает молящегося унижать себя пред Богом и людьми. Никакую молитвенную беседу с Богом нельзя совершить, предварительно не укрепивши себя и не сокрушившись о безмерных грехах своих. За церковным богослужением побуждения смириться постоянны. К смирению склоняют и церковные молитвы («Господи, помилуй», «Поддай, Господи», «Помилуй мя, Боже» и другие подобные), и долг молиться в храме не своевольно слагаемыми молитвами, а мыслями и голосом священнодействующих и клира. Отвержение самочинного обособления в беседе с Богом и старание молитвенно слиться с церковным собранием представляет всегдашнее приношение Богу от всякой стоящей в храме души жертвы смирения. В Церкви именно так надобно молиться, как молится Церковь, о том именно думать, что она делает. В этих-то молитвах и заключается спасительная сила. Дели с Церковью все мысли и чувствования – и ты будешь участником в благодати смирения. На молитве смирение тем и ценно, что оно как бы упрощает молящуюся душу для глубокого общения с Богом и людьми.

Глава 4

О значении храма для развития **милосердия** – четвертого свойства церковной любви – свидетельствует самая **всеобъемлемость** молитвы, приносимой за богослужением Богу о спасении и помиловании всего человечества. Уже в одних богослужебных ектениях постоянно можно слышать приглашение сострадать всему миру, испрашивать милости Божией плавающим, путешествующим, недугующим, страждущим, плененным, где бы они ни жили на земле. Общественными молитвами Церковь располагает

соболезновать о слабых и немощных и всем благожелать, как себе. Оттого в храме оставаться злым прямо неестественно и не смягчаться в своей окаменелости равносильно было бы извержению себя из церковного всеединства. Теплота благодати, дышащая в богослужебных прошениях о спасении всех людей, сильна отогреть и окостенелые в холодном самолюбии души, сильна оживлять задатки братской любви даже у лиц, вовсе замкнувшихся в себе. Внутреннее смягчение в храме взаимно сближает молящихся такой неразрывностью, что они «составляют одного Иисуса Христа... в Его неразделенном Духе». Словом, храм силою Божией любви и узами личного сочувствия, сострадания и сорадования верующих друг другу помогает им вмещать душевно целую вселенную.

Обычно каждый из верующих посещает определенное место церковно-общественных молений и причисляет себя к особому приходскому объединению. Это обстоятельство близко сродняет его с лицами, группирующимися около того же приходского храма. Он может узнавать их нужды и скорби, деятельно помогать им. На этой почве около святых храмов издревле существуют так называемые благотворительные и церковно-просветительные союзы, объединения и братства. Братчики поддерживают самые искренние и любвеобильные взаимоотношения. Взаимная любовь их дает о себе знать и в дни благополучия, и несчастий у кого-либо из них. Иногда официальных братств при храмах не бывает, но взаимопомощь почти всегда есть. Потому нередко в приходах можно наблюдать такие случаи, особенно в селах, когда для заболевшего прихожанина вся приходская община делается родной семьей. К больному многие ходят и усердно о нем заботятся. Если же болезнь угрожает ему смертью, то члены прихода духовно готовят его к переходу в загробный мир. Спрашивается, кто побудил приходское братство к такому милосердованию о болящем и умирающем? Ответ может быть один: здесь сказываются отзвуки смягчающего воздействия на христианские сердца именно приходского храма с его благодатным богослужением.

Всякий храм подлинно скрепляет всех молящихся здесь цементом Божественной любви в малую Церковь Божию – одну из бесчисленных клеточек вселенского церковного Тела, возглавляемого Господом Спасителем. Если теперь возвысить свою мысль к тому, как сращаются все эти малые церковные клеточки со вселенским своим Телом, то окажется, что воссоединение их всецело зависит от единообразного проявления ими в совокупной жизни **любви светозарной, чистой, смиренной и милосердной.**

Всеединная церковная любовь в своей внутренней природе строится на двух взаимно проникающих друг друга началах – свободе человеческой воли и благодатном действии Божией силы. Благодать открывает во всяком христианине свою полноту чрез церковные Святые Таинства. Подробно о действенности Святых Таинств скажем ниже.

БЛАГОДАТЬ СВЯТЫХ ЦЕРКОВНЫХ ТАИНСТВ

Цель совершения Святых Таинств Церкви. – Условия и границы их страстоубийственного воздействия. – Отражение благодатности Таинств на естественной силе человеческой любви. – Излияние тайнодейственной силы одновременно с начертанием образа Креста. – Таинство Святого Крещения и влияние его на настроение крещаемых. – Дары Крещения: прощение грехов, ослабление страстности, возрождение чувства любви к Богу и ближним, освобождение от рабства диаволу и объединение с Телом Церкви. – Таинство Миропомазания и воссоздание чрез него благодатности природного человеческого настроения любви к Богу и ближним. – Действие Святого Духа любви в семи тайнодейственных дарованиях Святого Миропомазания. – Таинство Покаяния и возочищение его дарованием в христианине благодати Святого Крещения. – Двойственный характер благодатного влияния в Таинстве Покаяния. – Значение его в борьбе христианина с диаволом. – Таинство Причащения. – Явление в нем неизреченной Христовой любви к людям. – Характерность его дарования человеку сравнительно с прочими Таинствами. – Создание чрез Святое Причащение в верующих любви в ее четырех главных выражениях. – Таинство Священства. – Дар благодати священства, почивающий на самом пастыре Церкви, и проявление его в деле спасения пасомых. – Таинство Брака. – Его плоды с точки зрения науки догматического богословия. – Основания к определению дарования Таинства Брака в Библии и святоотеческом учении. – Выводы. – Таинство Елеосвящения и возочищение его действием благодати Святого Крещения. – Особенности проявления благодати в Таинстве Елеосвящения. – Заключение. – Переход к учению о любвеобильном действии Спасителя в Церкви.

ИСПОВЕДУЮ ЕДИНО КРЕЩЕНИЕ ВО ОСТАВЛЕНИЕ ГРЕХОВ. 10-й член Символа веры

Нормально духовная жизнь человеческой природы развивается в форме настроения любви, основанного на непременном ношении [этой] природою благодатной силы. Разрыв природы падшего человека с действием Божиим есть нечто неестественное. Это замирание любви, говоря богослужебным языком Святой Церкви, вносит во всякую человеческую личность растление и смерть.

Божественная сила, вновь приводящая человеческое падшее существо в единство любви с Богом, возвращается ему только чрез «оконца» Святых церковных Таинств. Говоря о благодати Таинств, согласно библейско-святоотеческим установкам, мы берем это понятие не просто в смысле силы Троиственного Божества, как трактуется в школьном богословии, а в смысле излияния на верующих силы и действия внутриприродной Божественной любви Святой Троицы.

В Таинствах обычно различают: 1) цель совершения, 2) условия и границы действия, 3) отражение его [Таинства] на естественной человеческой любви и 4) излияние благодати Таинств одновременно с начертанием образа Святого Креста.

Глава 1

Цель Святых Таинств заключается в воссоздании изначального, до падения, естественно-благодатного настроения любви. Священное Писание ясно говорит об этом так:

«И обрежет Господь Бог твой сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты **любил** Господа Бога твоего от **всего сердца** твоего и от всей души твоей» (Втор.30:6).

«Вложу закон Мой во внутренность их и на **сердцах** их напишу его» (Иер.31:33). «И дам вам сердце новое... возьму из плоти вашей **сердце каменное**, и дам вам **сердце плотяное**» (Иез.36:26).

«Когда Я вознесен буду от земли, всех **привлеку к Себе**» (Ин.12:32). «Отец Господа нашего Иисуса Христа да даст вам крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верую вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, **укорененные и утвержденные в любви**, могли уразуметь превосходящую

разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божества» (ср. Еф.3:14, 16–19). «Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим.5:5). «Плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине» (Еф.5:9). «Бог мира да усовершит вас во всяком добром деле к исполнению воли Его» (ср. Евр.13:20–21).

Благодать Святых Таинств совместно с личными усилиями человека к добру распространяет в нем сияние света Божества. Она укрепляет его немощь всегда сообразно со свободным подвигом его воли. «Нужно, – замечает святитель Григорий Богослов, – чтобы Троичный Свет озарял просветляемых постепенными прибавлениями... согласно с силами приемлющих».

Глава 2

Тайнодейственная сила перее всего очищает людей от страстей самолюбия. С этой целью она утончает и разжижает страсти в осияваемых. А чтобы зло или страсть, как подрезанный корень растения, иссохли в них, она невещественно опаляет его. Укрощение страстей придает твердость человеческому завету с Богом и целит слабость самоопределившейся к добру свободы. Ослабление благодатию страстных влечений у возненавидевшего грех похоже на расшатывание каких-либо деревьев, которые нам предстоит вырвать.

Глава 3

Уничтожая родство самолюбию в воле светоозаряемых и непреодолимость их влечений ко греху, благодать Святых Таинств одновременно «снаряжает» их новыми силами любви к Богу и ближним.

Своим «Божественным огнем (она) раздражительную силу их (сердце) соделывает способною противостоять страстям, а желательную (волю) разжигает внутреннейшею любовью к причастию благ вечной жизни». Оттого после Таинств облагодатствованные чувствуют в себе больше сил против

греха при наличии сердечно ощущаемой теплоты Святого Духа. Тогда и плоть их пленяется радостным состоянием души к служению Богу. «Теплота любви... непрестанно притекает в нас именно из бесконечной полноты всеоживляющей любви Божией».

Чрез Святые Таинства «Сам Бог влагает всякую силу и расположение ко благу... в хотение наше, чтобы соделать в нас благую волю. В благой воле вся сила Таинств и новая жизнь». Или еще можно точнее выразиться, что «благодать в души приемлющих Таинства влагает истинную любовь посредством ощущения ими Божественных благ. А наше дело сохранить любовь». «В том цель Таинств и попечения человека, чтобы воля прилеплялась к одному истинно благу». Возбуждение и освящение благодатию Божией чрез Таинства вводит каждого принимающего их действие в себя, дабы он, став **пред Господом в сердце**, все свои дела направлял к угождению Ему. По принятии благодати Таинств «всякий неправедный нрав отпадает и место его заступают праведные и святые расположения... не **воодушевление** только, но и **чувство силы**». Сама по себе «всодержительная сила Божия невидима для глаза» и первоначально «не созерцается как свет какой, а только приемлется в несомненном убеждении, что она есть... Осязательно является действенность Духа только в лицах, долгим трудом и потом очищающих себя от страстей». В момент же принятия Таинства «освятившиеся лишь одним сердечным чувством ощущают теплое веяние любви Господа к ним... Они в объятиях любви Господней».

Собственно, вся сила Таинств – от **сочетания** с Господом Иисусом Христом, в Котором и нисходит на душу благодать. Отсюда установление Святыми Таинствами связи любви с Господом Спасителем прикрепляет человеческое добро к надежному средоточию – Потусторонней воле.

Объединение благодати Таинств с настроением человеческой свободы применительно к ее чистоте и напряжению на добро может то усиливаться, то ослабляться и делаться даже вовсе незаметным. От этого могут возникать неодинаковые ощущения силы Божией после одного и того же

Таинства. В случае нерешительного самоопределения к самоотверженной жизни в любви благодать Таинств не прививается к существу человека. Она, как скользящий по поверхности мутной воды солнечный луч, не проникает в душевную водную глубь. И обратно, на всецелую готовность предать себя богоугождению благодать Таинств отвечает явным положением в природу человека семени обновления. Самое же обновление совершается Духом чрез труды человека в исполнении заповедей.

Все приведенные выше соображения о действенности церковных Таинств могут быть сведены к такому общему положению:

- благодать Таинств в Церкви очищает, освящает, возрождает падшую человеческую природу во главе с волей и воссоединяет любовь с Богом и ближними;

- ослабление и умерщвление страстей и одновременное умножение сил к самоотверженной любви – это суть определенные влияния благодати Таинств. Именно семь Святых Таинств установлены Богом из-за многообразия потребностей Церкви в Божией помощи. Пока тот или иной христианин достигнет меры совершенной любви, Господь многократно целит его слабеющую и падающую природу.

Таинствами каждая верующая личность вводится в сочленение церковного Тела. В Крещении она получает дар приспособления своей падшей природы к жизни в Теле Церкви, Миропомазанием благодатно сражается с Церковью, Покаянием воссоединяется с нею, в Причащении удостоивается особого общения с Главою Церкви – Господом Спасителем, в Священстве озаряется силою пастырства, в Браке отображает святой союз Христа с Церковью и Елеосвящением окончательно прививается ко всемирному церковному сонму любящих друг друга во Христе.

Глава 4

Облагодатствование членов Святой Церкви совершается вместе с начертанием креста и под образом его в Миропомазании и Елеосвящении, чрез крестное благословение

в Покаянии и Браке, чрез крестообразно сложенные архиерейские руки в Таинстве Священства. Воды крещения пред погружением сюда крещаемого знаменуются троекратным начертанием того же креста. Благословением крестным освящаются, наконец, и Святые Дары, предлагаемые к причащению верующих.

Неразрывную связь облагодаствования христиан с крестным знамением Святая Церковь провозглашает как непреложную истину. Вот почему в церковно-богослужебных молитвах и песнопениях весьма часто говорится, что «древо Креста освящает концы мира», всеми дарованиями, «своею светлостью», «Божественным светом» «привлекает к Богу». Видимо он [крест] «маловиден, но своею силою шире небес» и соединяет в себе такое сокровище благодатного освящения, что им в избытке «осиявается и светится вся Божия Церковь».

Низведение светозарной благодати Божией каждым Таинством в изображении креста дает основание дополнить школьное догматическое понятие о Таинстве вставкой подробности о крестном действии. В целом тогда получаем такое определение: Таинство есть церковно-богослужебное священнодействие, в котором под образом креста и в видимом образе креста Самим Христом Спасителем в Отчем Духе изливается на нас невидимая благодать как светозарная сила Божественной любви.

Приступая к ближайшему рассмотрению благодатных дарований в каждом церковном Таинстве, остановим свое внимание прежде всего на действии благодати Святого Крещения.

Святое Крещение

Священное Писание описывает дарование Таинства Крещения следующими словами: «все мы одним Духом крестились в одно тело» (1Кор.12:13). «Во Христа крестившиеся во Христа облеклись»... и суть «одно во Христе Иисусе» (ср. Гал.3:27, 28). «Да крестится каждый из вас для прощения грехов» (ср. Деян.2:38). «Как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!»» (Гал.4:6).

Курсы догматического богословия разграничивают пять моментов в действии Святого Духа на крещаемых: 1) богоосияние, 2) изглаждение следов греховных дел, 3) ослабление многострастной силы самолюбия и одновременное возрождение чувства любви к Богу и людям, 4) изгнание благодатию злого духа из сердца крещеного и 5) усыновление его Богу.

Перечисляя данные моменты, вместе с тем укажем тесную связь между ними. Они органически сращены один с другим, так как выражают единое **воссоздание** для самоотверженной любви падшей человеческой природы.

Глава 1

Первый момент действия Божия на человека в Таинстве Крещения – богоосияние, – собственно, совмещает в себе и четыре остальных момента. Они логически вытекают из первого и мыслимы раздельно только для удобства их рассудочного осознания. В Божием же влиянии все пять моментов мгновенны и единовременны. Крещаемые в сознательном возрасте усвоят дар Таинства по мере предварительного отвращения от телолубия, гордости, своекорыстия и похотливости. Избравши в закон жизни чистое служение Богу любовью от всей души, они приходят к купели Таинства уже с установившимся опытом самоотвержения ради Христа и с определением себя в духе на богоугождение.

Еще до Крещения в них происходит перелом настроения и начало жизни по воле Христовой. Но, чувствуя свою

нетвердость в самоотверженной любви, они естественно ищут опоры в Самом Испытателе. Может ли Господь Спаситель оставить без внимания такое искреннее обращение к Нему? Он Самого Себя предает в Таинстве Крещения жаждущему Его человеческому духу, входит в него светозарной силой Своего Существа и облакает дух Собою в действии Отчего Духа. Другими словами, Христос Спаситель тогда невещественно озаряет во Святом Духе природу человеческого духа.

Такая причина благодатствования крещаемого выставляется и святыми отцами, и многими русскими аскетами-подвижниками, начиная с епископа Феофана Затворника. О необходимости для принимающего Святое Крещение в сознательном возрасте подготовленности духа к Божью светоозарению они учат так:

«Кто не исправил своих нравственных недостатков и не приготовил себя к добродетелям, тот **пусть и не крестится**... Купель омывает грехи, а ты исправь привычку, чтобы... на данную тебе от Бога красоту не положить пятен и язвин». Пред Крещением душа свободными движениями «отдаляется от древнего, привычного образа жизни и вступает на новый путь». «Если ты лицемеришь, то человеки крестят тебя, **а Дух не крестит**». Дух Святой, «подобно солнцу, всецело излился (и изливается) на крещеных. Но каждый из нас просвещается по той мере, как, **возненавидев** омрачающие его страсти, истребляет их в себе. А насколько оказывается любящим их, настолько омрачается».

Если крещаемый тщательно подготовился к восприятию возрождающей благодати и навек ходить в жизни путями самоотверженной любви, то богоосияние обнимает все его существо. Вполне омываемых оно делает «из бранных золотыми, когда Дух, наподобие огня, проникает в... души и, попадая в них «образ перстного», износит как бы из горнила «образ Небесного», образ новый, светлый, блестящий». Но с великими подвигами любви и в первые века христианства редко кто приступал ко Святому Крещению. Вследствие того святыми отцами вынесено суждение о мере богоосияния крещаемых в том общем смысле, что оно обнимает собою лишь область их

духа, если в душе и теле их «остается еще великое пастбище пороку» или если «душа **во власти греха**». Приосенение зарею Божества хотя бы в виде закваски обнаруживает себя Божественным сиянием в сердце.

Сказать, что Святой Дух осиявает сердце крещеного, – то же, что отметить действие благодати Крещения на человеческий дух, поскольку дух находится в душевном сердце.

Церковно-богослужебные книги буквально повторяют святоотеческую точку зрения на осияние по дару Крещения. Во многих случаях они называют местом светоносного запечатления крещаемых именно сердце.

Некоторые из убежденно крестящихся в зрелом возрасте явно созерцают свое сердечное облистание. Так, некоему персу Юсуфу, московскому купцу, «при погружении в Крещении представлялось, что с него как бы спала темная тяжелая одежда. А при возложении креста и вручении горящей свечи» он чувствовал, что «внутри (у него) как бы замок отперся или дверь отверзлась, и **свет**, наполнив внутренность, открывался даже в чувствах».

Описанное отражение (благодатного) света «во плоти человеческой, как в зеркале», есть результат облагодатствования. Крещеный соединяется со Христом во свете Духа и чрез Христа «восходит к Богу» Отцу.

Глава 2

Благодатный свет, соединяясь с духом погружаемого во святую купель, прежде всего очищает его от прародительского греха и от следов греховных дел. Это дарование Святого Крещения на языке церковного богослужения называется «освобождением от греховной тьмы», злобы, нечистоты и от смертных грехов. Оно «убивает вражду», притупляет жало греха и **омывает злой нрав** и «**вредную злобу**». Так как следы греховных дел печатлеются в совести нашего духа, то богоозарением купели «совесть очищается от мертвых дел для служения Богу живому» (ср. Евр.9:14).

Глава 3

Собственно, действие благодати Крещения у святых отцов изображается такими чертами: «Божественная благодать, – по святоотеческому замечанию, – чрез Святое Крещение сочетавает себя в безмерной некоей **любви** с чертами (нашего) образа Божия в залог подобия. (Она) озаряет (нашу природу) в глубочайшем некоем **чувстве**, возгревает в ней теплейшую любовь к Богу». «Сначала восстанавливает она то ее состояние, в коем она была создана». Под влиянием бани освящения, тепло вспоминая о Боге, мы «чувствуем, что Божественная любовь как бы потоком исторгается из самой глубины **сердца** нашего». «Купель влагает в души желание единого Спасителя. Ко вкушению (силы) Его изначально была приспособлена человеческая любовь... Постигшим Христа (во святой купели) ничто не препятствует любить (Его), насколько вложено в душу любви от начала... Потому, когда нисходит на кого-либо Дух Святой и сообщает ему обещанные Им плоды, первое из них место занимает "любовь и радость" (Гал.5:22). «Вооруженные невыразимой радостью и любовью... не могут быть побеждены ни страхом, ни **удовольствием**. Радость умеряет (в них) печальное, а приятное не может ни увлечь, ни ослабить утвержденных и связанных столь великой силой любви. В том и дело Крещения, чтобы (таким способом) **разрешить от грехов человека**». Услаждение чувством любви к Богу крещаемого совершенно уничтожает для него обольстительность сладострастия и себялюбивой жизни. Даже когда благодать Божия вскоре по Крещении скрывает от него свою действенность, одно воспоминание о ней исполняет его «жаром ревности по Боге», «все согревающей теплотой» и решительно ставит выше страстного обаяния греховными искушениями.

Следовательно, Святое Крещение облакает силой отвергать все призывы и влечения ко греху. «**Восхищая в любовь Божию**», оно восчувствованной сладостью ее умерщвляет грех, как грехолюбие и коренную склонность ко греху. После того крещеный выходит из купели, ненавидя грех и любя правду. «Грех не имеет уже для него ничего поработщающего». Умерший греху ненавистью к нему как бы освободился от него [Рим.6:7]

духом. Он властен с помощью благодати отвергать страстные предложения, так как в нем грех из средоточия внутренней жизни отодвинут Крещением к ее окраинам. «Мысленная сила Божества... производит в (крещаемых) такое изменение, что они не имеют уже более любви ни к богатству, ни к славе, ни к удовольствиям», будучи подвижны на добро при неподвижности на зло. Принимающие по дару Крещения «небесную закваску **благодати**» желают лишь одного доброго. Они «живо ощущают Христа и свойств Его» и сильны попираť зло «с горячностью к Богу и сильной уверенностью в великой к ним любви Отца Небесного». «Благодать Духа в Крещении – причина всего благого (в них)... Ибо благий человек не от себя, но «от благого сокровища сердца своего износит благое» (ср. Мф.12:35), – говорит слово Евангелия, разумея под сокровищем Духа Святого, в **сердцах** верных сокровенного».

Глава 4

Возжжение любви к Богу благодатию Крещения связано с еще одним величайшим благом для христианина. Он чрез это выходит из рабства диаволу и освобождается от его страшного и мучительного влияния. После того сатанинские возбуждения уже не влекут его ко страстям принудительно. Диавол имеет возможность внушать зло крещеным лишь извне. Прежде Крещения он «гнездится в самых глубинах (души, а) благодать совне направляет душу на добро. С того же часа, как возрождаемся в Крещении, бес бывает вне, а благодать – внутри», в самой глубине ума (духа). Умерщвляющая страстность благодать Святого Духа закаляет в духе силу самоотвержения. Она нестерпима злым духам и совершенно не попускает им «производить в душах любовь к страстям, втягивать в нее и держать в ней... Не терпя мысленной благодати, они убегают. Тогда христианин делом познаёт свободу, какую дарует Христос», и во Христе «над всем воинством противника господствует, как повелитель».

Глава 5

Избавление воли крещеных от темного вражия насилия и гнета допускает их пользоваться своей властью «быть чадами Божиими» (Ин.1:12). Теперь они, «рожденные от Духа, и сами суть Дух» (ср. Ин.3:6) и без неодолимых препятствий могут быть четою, парюю со Христом путем оставления своей воли ради соблюдения Христовой воли. Слияние со Христом Спасителем «чувствованиями» (Флп.2:5) любви делает их во Христе детьми Бога Отца, усыновляет их Отцу Небесному. О богоусыновлении по дару Святого Крещения в Писании читаем: «Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа предопределил усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа... в похвалу славы благодати Своей, которую Он облагодатствовал нас в Возлюбленном» (ср. Еф.1:3, 5, 6).

Чувство сыновства Богу в христианском сердце то же, что чувство мира с Богом в совести по отпущении грехов и сыновнее дерзновение пред Богом. Усыновленные Богом благодатно переживают соприсутствие им Бога как Любящего Отца и по-детски просто обращаются к Нему в молитве. Они служат Богу, как сыны в доме, разумея все планы Домовладыки – Отца своего, входя в них, сочувствуя им, желая их и любя. Дух благодати дает их духу силу и дерзновение восклицать: «Авва, Отче!» – по-детски вопиют они. «Свидетельствует наш дух, замечает апостол, что мы чада Божии, и сосвидетельствует ему Дух Святой» (ср. Рим.8:16). По словам епископа Феофана Затворника, «если мы за свидетельство духа нашего примем детское чувство к Богу, состоящее в простоте несомненного доверия Богу и предания себя Ему как не могущему оставить нас ни в чем, то за свидетельство Духа Божия можно принять удостоверение, что такое отношение к Богу истинно, необманчиво и Самому Богу угодно». Упоминание святым апостолом Павлом о вопиянии крещеными к Богу слова «Авва» (Гал.4:6) говорит о чрезвычайно искренней, послушной и простосердечной любви их к Небесному Отцу, равно и о непрерывной усовершенности их чувства богосыновства. От начального «присвоения Богу» Христовою благодатию они могут духовно возвышаться до власти сынов Божиих, целящей недуги

и отгоняющей нечистых духов от одержимых ими по дару того же раскрываемого непрерывно всыновления.

Изложенное выше драгоценное мышление Библии и Церкви о дарованиях Святого Крещения являет пред нашим взором Триединого Бога Врачом человеческой природы. В таинственной купели Он возвращает крещаемому естественное здоровое настроение самоотверженной любви к Богу и ближним в **чувстве** и **свободе воли**, отверзает ему слепые от страстей **очи духа** для зрения благодатного света и восстанавливает его **единосущие** с обновленным во Христе человечеством, или с Церковью. Но только это единосущие – первичное в естественно-благодатном порядке.

После того как крещеный получил способность и зреть, и всегда **носить** в себе благодать Живого Бога, нет больше для него никаких препятствий к усвоению семи чудных даров Святого Духа в следующем за Крещением Таинстве – **Миропомазания**.

Святое Миропомазание

Действенность Божию в Таинстве Святого Миропомазания раскрывают такие изречения Библии:

«Дух Господень (есть) дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия, и страха Господня» (ср. Ис.11:2–3). «Как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!» (Гал.4:6). «Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим.5:5). «Вы имеете помазание от Святаго и знаете всё. Помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему... в том пребывайте» (1Ин.2:20, 27). «Помазавший нас есть Бог, Который и запечатлел нас и дал **залог Духа** в сердца наши» (2Кор.1:21–22).

Суммирование по содержанию библейских текстов дает в итоге три руководственные мысли к уяснению дара Миропомазания:

1) Миропомазание есть продолжающееся за Крещением восстановление в падшей природе человека благодатной любви, 2) все семь дарований Святого Духа непосредственно влияют на усовершенствование любви в человеческом естестве, 3) личное раскрытие семи благодатных даров Святого Духа может совершаться безостановочно в зависимости от напряжения человеческой воли.

Глава 1

Благодатию помазания святым Миром человек становится, в полном смысле этого слова, христианином, то есть помазанным. «Печать креста» в Таинстве Миропомазания «излучает пресветлые озарения», и «реки дарований в его сияниях напояют всех». В отличие от Крещения, где возрождается лишь природная жизнь человека, Миропомазание эту очищенную природу облагодатствует по изначальной норме ее бытия. Нисхождение здесь Святого Духа на миропомазуемого представляет собою как бы вхождение души в

душу, или «вметание огня" (ср. Лк.12:49), любви Божественной, в подготовленное Крещением человеческое существо. Святой Дух есть Вдохновитель людей к истинной, деятельной любви. Его силою только и возможно для человеческой природной немощи «удалиться от земных вещей» плотского прельщения и «научиться Божественной жизни». Потому Таинство Миропомазания чудно **освящает** природные задатки наши к любви. Оно сообщает им крепость и просветление самой внутренней основы их проявлений. Как прилив серебра в расплавленную массу меди и чугуна при литье колокола облагораживает колокольный звон и как прививание к дикой яблоне ветви от яблони уже культивированной изменяет вкус плодов, растущих на привитой яблоне, так совершенно изменяется внутреннее качество настроения и сила воли у крещеного после дарований Святого Миропомазания.

Святой Дух благодатию этого Таинства (а) «вводит» рассеиваемый чувствами «ум (наш) в сердце, как в свой орган», чтобы ум всё во внешнем мире и в явлениях незримой духовной жизни опознавал чрез неиссякающе теплое чувство Божества; (б) сердце собирает в Бога, чтобы оно не переставало отражать силу благодати, а волю (в) горением чувств укрепляет к непрерывным трудам богоугождения. Миропомазание, принимаемое в сознательном возрасте, весьма показательно своей действенностью. Оно дарует полноту единения с Богом, укрепляет самособранность души и сообщает Святого Духа в особых Его действиях.

Глава 2

Перечисляемые у пророка Исаии семь даров Святого Духа святой апостол Павел в Послании к Римлянам обобщенно называет «излиянием любви» (ср. Рим.5:5). Отсюда надлежит признавать то или иное отношение к любвеобильному настроению христианина каждого из них в отдельности.

1) Первый дар Святого Духа, по благодати Таинства Миропомазания, есть **дух премудрости**. Премудростью следует признавать благодатное возвышение человеческого духа на основании его наличных катехизических познаний к созерцанию

в Боге любви миротворческой, промыслительной и искупляющей падшее человечество чрез Богочеловеческую Жертву. Форма созерцания является путем внутреннего постижения Бога, исходящего как бы из всей глубины человеческого существа и от всей полноты одушевляющего его силы. Созерцающий силою Святого Духа опознает все окружающее как одеяние Божией славы и Божией любви, осмысливает в Боге как Ему принадлежащее и ставит опознанное в состав сердечного богоощущения. Пусть созерцание у миропомазанного начально, но оно представляет опытное переживание основных догматических умозрений касательно Бога.

Что это так, подтверждают ясные свидетельства Писания. «Любовь к Господу – славная премудрость, и кому благоволит Он, разделяет ее по Своему усмотрению. Начало премудрости – бояться Бога... Страх Господень – дар от Господа и поставляет на стезях любви» (Сир.1:14–15, 13). Премудрость «есть дыхание силы Божией и чистое излияние славы Вседержителя... отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ **благости** Его" (Прем.7:25–26). «Свет сменяется ночью, а премудрости не превозмогает злоба» (Прем.7:30). «Премудрому Господь дает сердце, чтобы разуметь» (ср. Втор.29:4). «Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его... дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которою Он воздействовал во Христе» (Еф.1:17–20).

Приведенные выдержки из Библии позволяют мыслить дар премудрости у миропомазанного как «озарение его ума» животворным и «обновляющим» светом Духа. Это есть отражение мышления в Боге в бездонной глубине любвеобильно настроенных сердца и воли. «Таинство любви возвышает ум превыше всего сотворенного... показывая ему Божественнейшее», так как «Божественная любовь есть опьяняющее устремление духом мыслей к лучшему».

Помазание духом премудрости не расширяет объема религиозного знания человеческого ума новыми откровениями, но изменяет самую природу мышления. Его действием сердца и умы людей шире открываются к восприятию уже преподанного им учения, ощущая его силу, жизненность и истину. «Дело премудрости – **наставить, и научить, и привести к совершенству**».

Применительно к углублению в теоретическое богопознание содержание премудрости человеческой подлежит закону непрестающего развития. Как ощущаемое всеми силами души, оно разжигает волю стремлением к добрым делам, бесстрастию, к возлюблению Христова ига, пощению и утруждению ради Бога, «к желанию (одного) Бога» и обожению.

2) Следующим за духом премудрости дарованием обычно признается **дух разума**. В истолковании этого дара святые отцы и учителя Церкви несколько расходятся.

Одни из них духом разума называют «понимание благого и совершенного хотения Божия» и действия «незаходимого просвещения». И еще дух разума отождествляется с «разумением светлой любви ко Христу» и созерцанием «славы возлюбивших Бога». У носителей дара разума ум, сердце и воля отзывчивы на изучаемое Священное Писание с необыкновенной живостью. Они зрят воспринимаемые истины умом в сердце, хранят их прочувствованными в памяти для соображения с ними своей жизни (Лк.2:51; Притч.10:8). От просвещения сердца любовью их духовное мышление утончается, обостряется, так что можно даже сказать, что «любовь дает им голову». О всяком таком обладателе благодатного разума прекрасно выразился один поэт, говоря:

...Любовью умудренный,
Ты, куда ни кинешь взор,
Всюду мир преображенный
Будешь видеть и простор.
Чуть заметная былинка.
Каждый крохотный жучок –
Все предстанет как новинка.
Тем, кто вникнуть в это мог.

Пораженный красотой.
Блеском формы и тонов.
Светом жизни, теплотой.
Скажешь ты: «Вот мир каков!»...
И кто более вникает,
Кто любить его привык,
Тот яснее понимает
Всех жильцов его язык.
В них он видит отблеск неба,
Через них парит туда...
Вот что нужно «на потребу»,
Вот небесная среда.

Дух разума в отмечаемом нами истолковании зиждется на любви к Богу и миру, мыслимому в Боге. Опора для подобного представления о даровании разума имеется в словах апостола Павла, который пишет братству Колосской Церкви: «Желаю, чтобы утешились сердца, соединенные в любви для всякого богатства совершенного разумения, для познания тайны Бога и Отца и Христа» (ср. Кол.2:1–2).

По другому объяснению, дух разума есть не что иное, как дух премудрости, только действующий в переживаниях одного премудрого и не передаваемый словами учения на пользу Церкви. Мысль о неполном отражении духа премудрости в благодатно-разумном человеке проводится менее ясно в Библии и определеннее у святых отцов. «Бог, по словам святого апостола Павла, «в преизбытке даровал нам богатство благодати во всякой **премудрости** и **разумении**, открыв нам тайну Своей воли» (ср. Еф.1:7–9), «чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви» (Еф.1:4). Некоторые святые отцы, именуя дух разума ведением о его существе, замечают: «Ведение опытно соединяет душу с Богом, к беседе же о вещах духовных не располагает души. Но премудрость с любовью раскрывает самые внутренние воздействия ведения. Ведение обычно просвещает воздействием внутренним, а премудрость – словом... Крайне смиривший себя самоуничижением пусть уступает влечению любви изрекать Божественные слова». «Ведение, будучи **всецелою любовью**, не попускает мысли

нашей расширяться в созерцание Божественного, если наперед не воспримем в любовь и несправедливо гневающихся на нас». Только «любовь и воздержание, очищая страстную часть души, устроят путь к ведению удобным». «Божественное ведение вдохновляемо любовью» и в ней «необходимо имеет нужду». Любовь отвращает следующие за познанием самомнение и зависть, поскольку она «сохраняет ум во всем невредимым».

3) **Дух совета** хотя и является достоянием всех христиан как миропомазанных, но открыт в широте своего действия очень немногим, так как для своего обнаружения требует опытной любви к Богу и людям.

4) Сравнительно с духом совета при большем участии человеческого рассудка проявляется четвертый дар Утешителя – **дух ведения**. Он есть знание Божией воли по поводу отдельных житейских случаев и умение различать достоинство собственных наличных познаний. По дару ведения мы имеем какое-то безошибочное предчувствие воли Божией в разных обстоятельствах жизни. И это не случайно. Истинная любовь к Богу и ближним благодатно чутка к пониманию воли Божией, и христиане «ведаят» ее с помощью Святого Духа. "Любящий, учит и апостол, знает Бога» (ср. 1Ин.4:7). «Кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1Кор.8:3). И еще читаем в Писании: «любовь более и более возрастает в познании» (ср. Флп.1:9).

«Ведение каждого настолько бывает истинным, насколько подтверждает его кротость, смиренномудрие и любовь».

О просветлении и очищении человеческого ума духом ведения по особому дару Святого Миропомазания рассуждают многие святые отцы и учителя Церкви. Печать святого Мира, говорят они, «отверзает ухо для слышания Божественных тайн» (сердцем) и ум просвещает к разумению благих даров Божиих (1Кор.2:12). Духом ведения **завершается** «печатление в совести и сердце (наших) всего **сознанного**, как условие христианской жизни». Ведущий истину видит ее в Самом «Духе истины» (ср. Ин.14:17), и начала мышления его о должном и недолжном состоят под Божественным озарением.

Дух ведения, по счислению пророка Исаии, – четвертое дарование Святого Духа уму миропомазуемого. Далее выясним

сущность духа благочестия и страха Божия – даров сердцу христианина и значение духа крепости – дара Божия христианской воле.

5) **Дух благочестия** есть способность верующего сердца изливаться в сыновне-дерзновенной и духовдвижной молитве пред Богом. Страх Господень и любовь – два состава, из которых состоит истинное благочестие. В подлинно благочестивых Святой Дух усиливает чувство благодатного богоусыновления. Он «приводит их к более полному познанию Бога и к **сознанию** сыновства и усыновления. «Дух движет твою душу, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – когда произносишь первый звук после этих чудных мук рождения, называя Бога Отцом». Теплая молитва в чувстве богосыновства представляет неизменную форму проявления духа благочестия.

Второй вид обнаружения того же дара благочестия есть проповедь примером и наставлением о служении единому Богу с благоговейнейшей любовью. Эту мысль высказывают нередко церковно-богослужебные книги касательно святых, например говоря:

«Как зеркало Святого Духа, ты в облистании принял лучи света и всем радостно показуешь благочестие»; «Осияваемый обильными светоизлияниями, ты явился проповедником о Боге, возвещая всем истинный путь благочестия».

Блаженный Николай Кавасила, архиепископ Солунский, дух благочестия обособляет от молитвы. По его словам, то, «что сообщает Мiro, это есть дар благочестия, и молитвы, и любви, и целомудрия, и иного, что нужно ко благу принимающих». Очевидно, упомянутый святой отец Церкви понимает под благочестием просто жажду миропомазанного с любовью угождать Богу. Но такая точка зрения не противоречит сказанному выше о благочестии.

6) Благоговейное хождение в жизни пред Богом с опасением чем-либо огорчить Его благость составляет в благочестивой душе миропомазанного «страх Господень» (Ис.11:3). В полном своем выражении это есть страх любви богоусыновленного пред Отцом Небесным, и притом «любви **совершенной** от сущего у Бога духа сыноположения». «Страх

Божий... сопряжен с самою любовью, производя в душе благоговение, чтобы она от дерзновения любви не дошла до пренебрежения Бога». «Без страха невозможно прямо перенестись к Божественной любви и, минуя любовь, возлететь к Уповаемому и почить в Нем». «Никто не может возлюбить Бога от всего сердца, не **возгрев** прежде в чувстве сердца страха Божия. Ибо душа в действительную любовь приходит после того уже, как очистится и умягчится действием страха Божия... став вне всех житейских попечений. В полном безмолвии и беспопечении страх Божий начинает спасительно воздействовать на ум, чтоб возвести его в полную любовь ко Всеблагому Богу». «Чистым бывает страх из-за самого добра. Он очищает наши души, будучи равносильен совершенной любви».

Судя по святоотеческим рассуждениям, то, что получает христианин как дар благодати Миропомазания, является умножением благоговения пред Богом и обострением боязни огорчить Его каким-либо невниманием и непослушанием. Сам по себе страх Божий выражает «начало любви» или начало сердечного смягчения любовью. Душа миропомазанного сразу после таинственного запечатления святым Миром бывает полна переливов и переходов от страха к любви и наоборот. По степени ее богобоязненности легко бывает определить, в какой мере она боголюбива, ибо «Божий страх равен любви» и «в средоточии его любовь почивает». Хранящие страх Божий из любви к Спасителю могут обуреваться всякими приражениями страстей, но уступать и подчиняться им никак себе не позволяют. Могучее христианское пособие в сопротивлении страстям дает чрез Святое Миропомазание особый дар благодати, известный под именем духа крепости.

7) **Дух крепости** есть рассудочно неизъяснимый, но ощутительный прилив силы Духа Святого в глубину немощной по природе человеческой воли. Этою силою воля миропомазанного «утверждается в воле Божией» и «показывается сильною» в противостоянии диавольским козням и совершении добра.

Воля наша благодатию Святого Духа приобретает неудобопреклонность на страсти. Кто из христиан бережет дар крепости, тот, по **милости** Божией, всегда стоит в добре и доводит до осуществления все добрые мысли и желания. Терпеть тяготу подвигов и борьбы со страстями помогает ему сладость переживания или воспоминания соприсущей ему благодати и непосредственное благодатное вдохновение на всякое добро. От духа крепости проистекают в христианине душевное равновесие, сдержанность и тяжеловесная устойчивость в добре, несмотря на бури повседневных искушений. «Твердыня сердца» (Пс.72:26) и воли миропомазанного – собственно богоосияние Святого Духа, стягивающее множественность естественных его пожеланий к единству цели – богоугождению.

Глава 3

Бросая общий взгляд на дарования в Таинстве Миропомазания, нельзя не видеть в них особых, Небесных содействий духовно-телесным силам человека. Сочетание их с нашей природой возвышает естественную жизнь ее и приспособляет к развитию настроения любви до высших ступеней совершенства. «Всем приступающим Таинство (Миропомазания) сообщает свои дары, а ощущение даров и ревность о богатстве – не всем. Одни (из миропомазанных) по причине возраста еще не могут иметь разума, другие не показывают правильного изволения... И по принятии дара нет никакой для нас пользы, если мы будем нерадивы».

Понижение уровня духовной жизни христиан последних веков сделало многим из них действие Святого Духа по дару Миропомазания малопонятным. К сожалению, и в наших системах догматического богословия о Таинстве Миропомазания со стороны его даров говорится слишком обще. Здесь мы читаем, что оно «лишь укрепляет» человека в духовной жизни. Эта крепость у миропомазанных в христианском опыте нашего времени является чаще всего одним смутным переживанием сообщаемых благодатию Божиею влечений к добру и заграждений путей порока.

Священное Писание и святые отцы помогают нам, по крайней мере, представить себе то, каковы истинные носители благодати Миропомазания. Богоосияние чрез помазание святым Миром вводит христианскую личность в благодатное единение с Церковью и делает ее по дару Таинства Святыней Господней, смиренномудрою и человеколюбивою.

У некоторых святых отцов действенность Таинства Миропомазания для краткости речи объединяется с действенностью Таинства Крещения и именуется просто «благодатью Крещения». Эту подробность нельзя упускать из виду при истолковании дарований Таинства Покаяния, называемого иногда у святых отцов вторым Крещением.

Святое Покаяние

Дарование Таинства Покаяния называется в Священном Писании силой "прощения" (Ин.20:23), «разрешения» (Мф.18:18) и «заглаждения грехов» (Деян.3:19).

Если принять во внимание церковное учение о первоначальном разрешении человека от грехов в Таинстве Крещения, то повторение разрешения на Исповеди следует называть многократно совершаемым восстановлением дара Святого Крещения.

О действенности Таинства Святого Крещения известно, что в нем Господь Иисус Христос благодатию Святого Духа по Отчему изволению (1) изглаждает грехи крещаемого, (2) отнимает у греховных влечений его силу непреодолимости, (3) изгоняет из его сердца злого духа и (4) восстанавливает в нем настроение богосыновней любви, полное дерзновения в молитве и уповании на Бога.

Это же самое действие благодати Божией соединено с разрешением грехов в Таинстве Исповеди.

Глава 1

Молитвы и песнопения Таинства Покаяния очень часто упоминают об оживлении здесь кающихся «просвещением» «Божества, пополающего согрешения».

Накрывание иерейской епитрахилью главы исповедовавшегося есть не что иное, как образное представление излияния на него незримой светоносной благодати Духа, подлинно изглаждающей в его существе следы всех греховных дел. Благодать в момент духовнического разрешения мгновенно убеляет грешника и уничтожает страшные пятна на белой, как снег, ризе его Крещения.

Прощение грехов в Таинстве Покаяния одновременно с особыми изменениями в настроении человека. Всякий греховный поступок усиливает самолюбие и укрепляет в то же время душевную вражду на Бога. Теперь же, когда грешник еще до Исповеди начинает осуждать себя за себялюбие и решается

относительно быть верным Богу, греховные дела становятся ему ненавистными. Он болеет и мучится, что ими огорчил нежную любовь Бога, оставляет прежний образ греховных действий, оплакивает прошлое и, наконец, исповедуется Богу перед духовником. За этот порыв кающегося к истинной любви Господь Иисус Христос в Таинстве Покаяния прощает грехи и благодатно изглаживает следы греховных дел в его существе, потому что со Своей стороны Он уже искупил мир от греха Крестом.

Глава 2 и 3

Проникая в глубины греховной воли, благодать Исповеди ослабляет здесь непреодолимость стремлений ко злу, или «притягательную силу прощенного греха», а дьявола изгоняет из сердца, возненавидевшего страстность (Лк.11:24).

Глава 4

Она [благодать Исповеди] закрепляет свободные повороты к Богу и людям раскаявшегося. За то, что он смирил себя до алкания и жажды благодати любви, возлюбил много Бога и доказал смирение пред Ним исповедью и отвращением от грехов, «благодать Иисуса Христа восстанавливает в его душе Свой образ» – любовь, чтобы он любовью определил себя на деле по заповедям Христовым. «Благодать Покаяния возрождает чувство сыновства Богу. [Чтобы убедиться в том,] что так бывает, возьмите в сравнение чувства раба, который крайне провинился пред господином и за раскаяние введен в прежний чин. Слуга такой не удержится, чтобы не воззвать из глубины души к господину своему: “Отец мой родной!”. С этим чувством он потом и останется. Так бывает в духе нашем (и) по отношению к Богу». Наша сыновняя сердечная молитва к Богу есть дар, подаваемый чрез Таинство Исповеди и этим же Таинством возогреваемый. Благодать Исповеди примиряет и сближает грешную душу с Богом. Отзывается данный мир в полном успокоении совести. Весь человек ощущает тогда сладкое чувство помилования, силу творить волю Божию,

«получает некую живность», «бодрость в духе» и тверже противостоит греховным искушениям. Изменяясь в отношениях своих к Богу, он преображается вместе с тем и в обращении с людьми.

Черствость, холодность и враждебность к людям сменяются в нем проявлениями теплейшего человеколюбия. «Плоды покаяния (отсюда) суть плоды любви и милосердия друг к другу». Равно и благодать Христова в Таинстве Покаяния «состоит из драгоценной ткани любви, милосердия и воздержания».

Говоря о восстановлении чистого настроения любви в Таинстве Покаяния, мы не должны никогда забывать одной подробности в учении о Таинствах Крещения и Миропомазания, предшествующих покаянию. Крещение в христианской практике неразрывно соединено с одновременным совершением над крещеным Таинства Миропомазания. Оба данных Таинства, взаимно восполняя друг друга, "рождают человека водою и Духом» (ср. Ин.3:5). Применительно к этому Таинство Покаяния восстанавливает в кающемся сразу дарования Крещения и Миропомазания. Раскаявшийся возвращается к оздоровлению не только своего природного настроения любви, но и настроения благодатного. Указание на двойственную силу Таинства Покаяния находим в духовнической молитве, читаемой над кающимся пред разрешением грехов. Заканчивается она словами: «Господи!.. примири и соедини его (грешника) со Святой Твоей Церковью во Христе Иисусе, Господе нашем». Благодатно воссоединяется человек с Церковью именно во Святом Миропомазании. Если же Таинство Покаяния снова приводит его к святости и чистоте, то, очевидно, покаяние обновляет предшествовавшее «рождение водою и Духом».

Таинство Покаяния для христиан – источник благодатной силы. При его посредстве они господствуют самоотверженной любовью над страстями самолюбия и диаволом. Часто диавол поднимает в сердцах и телах христиан бурю страстей, подтачивает сластями и чувственностью самые глубины их воли. Бороться с этим рыкающим львом своими силами всегда

немыслимо, а в наплыве его искушений еще и крайне опасно. Но стоит искушаемому склониться под защиту Христову в Таинстве Покаяния, как напряжение страстей внутри его ослабевает, омрачение рассеивается и он внутренне успокаивается под кровом Господним.

Святое Причащение

Ради соединения всех членов Святой Церкви в единое, многочисленное и самоотверженно-любвеобильное существо Господь Спаситель установил один чувственно осязаемый способ благодатного единения каждого из них с Собою и друг с другом в Себе.

Таким посредством служит Таинство Святого Причащения. По своей действенности оно есть высочайшее выражение благодати Бога к человеку и творчество в падшем человеке любви. Частое приобщение для всякого христианина необходимо. Он постоянно ослабевает духовно и нуждается в непосредственной помощи Христа Спасителя чрез Таинство Тела и Крови Его.

Плоды Святого Причащения описаны такими изречениями Господа Спасителя и Его святых апостолов:

«Сие есть Тело Мое, которое за вас предается» (Лк.22:19). «Сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф.26:28). «Хлеб Божий дает жизнь миру» (ср. Ин.6:33). Он – «пища, пребывающая в жизнь вечную» (ср. Ин.6:27). «Я есмь хлеб жизни» (Ин.6:48). «Хлеб, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (ср. Ин.6:51). «Ядущий хлеб... живой будет жить вовек» (Ин.6:51) "Мною" (Ин.6:57) и "не умрет" (Ин.6:50). «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь во Мне пребывает, и Я в нем» (ср. Ин.6:56). «Один хлеб, и мы многие **одно тело**; ибо все причащаемся от одного хлеба» (1Кор.10:17). «Кто ест и пьет в Причащении недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем» (1Кор.11:29).

Приведенные библейские выдержки отмечают чудесное явление в Таинстве Причащения (1) **любви Христовой**. Со Своей стороны, Господь Спаситель созидает в причастниках все качества истинной любви: (2) благодатную силу, (3) чистоту, (4) смирение и (5) милосердие. В отличие от действия на человека Таинств Святого Крещения, Миропомазания и Покаяния, Святые Таины Тела и Крови Христовых возрождают, развивают

естественно-благодатную любовь с наивысшей силой. Они умерщвляют **самые корни** и **остатки** человеческой страстности. Изречение Господа о причащении «во оставление грехов» (Мф.26:28), изглаженных уже исповедью, явно заставляет мыслить в оставляемых причащением грехах не столько дела, сколько навыки страстей. Их-то постепенно и опаляет огонь Тела и Крови Христовых.

Глава 1

Преподавание Господом Спасителем в Причащении Собственных Тела и Крови обнаруживает Его человеколюбие во всей изумительной и неизреченной полноте. Это – подвиг любви Христовой и постоянное, самое живое участие ее в борьбе с грехом **каждого** христианина. Причастник милостивым Господним сошествием в дом убогой его души, похожей на скотские ясли, совершенно освобождается от скорбного чувства одиночества в противлении страстям. Он в приходящем к нему Искупителе созерцает непосредственного Поборника с грехом, Умилостивителя пред Богом Отцом и ощущает во Святах Тайнах касание глубин собственного сердца Его всеобъемлющую любовь.

«Каждый из нас обычно पहले всего любит себя самого, любит и сродного себе. Чтобы и в этом отношении удержать за Собой лучшее право на любовь и ее от всех получить, Христос сделал нас общниками самого Тела и Крови и Духа» Своих. Он является «для каждого из прилепляющихся к Нему другим “я”». Он Сам присутствует в трапезе, будучи для верующих «снисходительнее друзей, любвеобильнее отца, родственнее членов, необходимее сердца». Не от безмерной ли Своей любви к причастникам Он и учеников Своих, особенно сблизившихся с Ним причащением на Тайной вечери, назвал "чадцами" – детками (Ин.13:33), тогда как прежде не прилагал к ним такой нежной формы зова?

Христос именно для «выражения Своей великой любви к нам смешал Самого Себя с нами и растворил Тело Свое в нас, чтобы мы составили нечто единое, как (бы) тело, соединенное с головой. Это есть знак самой сильной любви, желающей ввести

нас в большее содружество с Собою». Вот почему и христиане «отходят от этой трапезы, как львы, дышащие огнем... (Их) ум тогда светлее огня... душа – чище золота». Господь питает нас в Причащении не избытком природы, не так, как мать, кормящая своего ребенка молоком своей груди, а питает собственным Телом и собственной Кровию. Его Кровь «есть любовь нетленная и жизнь вечная». Через Евхаристию Он «внедряет в нашу природу Свою собственную». Предоставив «желающим не только видеть Его, но и осязать, и есть, и вонзять зубы в Плоть, и соединяться, и исполнять всякое желание», Он соделывает причащающихся Своим Телом. Они суть не много тел, а одно Тело. Всякий из принявших Святые Дары пребывает во Христе, как младенец в утробе матери. Он почивает в любви Божией, словно прекрасный младенец на матерней груди. Эта любовь – кроткая, дружественная и не сожигающая нас огнем при необычайном озарении и светлости. В ее излиянии Спаситель приближается к верующим, как отец, питает их, как мать, и они веселятся с Ним, как с другом и братом, и осеняются Им, как птенцы крыльями птицы. Таковы Христов брак с душами христиан во Святом Причащении (Еф.5:32) и всецелое предание Его человеческому брению на трапезе и вечери любви.

Божественный Человеколюбец творит в нас чрез Святые Таины единство церковной любви чудным образом.

Он Сам находится в видах хлеба и вина, и чрез них «свет Его светит... и огонь испускает теплоту». «Каждая частица Животворящих Таин есть вся свет, теплота... и претворена в жизнь Божества». Она полагает закваску жизни святой в причастнике и проникает все силы души его святыней и любовью. Точнее, Сам Господь Спаситель во всякой частице Святых Таин огнем Божества влагает «великое побуждение к любви в сердце» человеческое и самую любовь, дабы «соделать некое Божественное сердце... из соединения земного сердца причастника со (Своим) – Небесным». После того порыв воспринявшего Святые Таины «не отходит от сердца вниманием и там непрестанно согревается лучами света, исходящего от Господа, (происходит) как бы чрез объятие дланей Господа». Некоторыми даже ощущается по причащении Святых Таин

прикосновение души Христовой к (их) душе... (а отсюда) любовь ко всем, холодность к тленному и сочувствие будущему веку... Эти ощущения насаждаются в души из души Христа, которая «в Крови Христовой». От частого приобщения нельзя изъяснить, сколь много смягчается сердце. Огонь Божественный делает его полным любви к добру и святости или по меньшей мере сильнее и живее в любви к Богу и ближнему. Как в огне сгорает перо, так в пламени Таин Тела и Крови Христовых сердце наше как бы растопляется, и мы имеем побуждение восклицать с пророком Давидом: «Господи! все кости наши, воспламененные огнем любви Твоей, скажут: кто подобен Тебе»? (ср. [Пс.34:10](#)).

Глава 2

Кратко сказать, Господь преобразует всякого достойного причастника «в Собственное свойство». Чрез Причащение «Он так существенно пребывает с нами, что всех нас проникает, и обдержит всю внутренность, и около нас находится... Когда извне бросают стрелы в нас, Он препятствует им коснуться нас, потому что отовсюду окружает нас, ибо Он есть обитель наша... Мы принимаем в свои души не луч какой-либо и свет, а Самое Солнце, так что и обитаем в Нем, и служим для Него обителью, и становимся единым с Ним духом... От этого лучшее в нас осиливает слабейшее и Божественное овладевает человеческим, как говорит Павел о воскресении: «смертное бывает поглощено жизнью» (ср. [2Кор.5:4](#))... Соединяясь и сродняясь с нами, Господь в Себе преобразует нас, как малую каплю воды, влитую в беспредельное море мира... Это одно Таинство есть свет для очищенных уже, очищение для очищаемых еще и помазание для восстающих на лукавого и против страстей». «Поскольку же худое свойство вещества не позволяет печати оставаться неизменною... то художнику всегда нужно приседеть постоянно принимающим врачевство, восстанавливать сливающийся образ, поддерживать ослабевающее и исправлять уклоняющуюся волю, чтобы не похитила нас пришедшая смерть... Ибо истинную жизнь от Божественного того сердца привлекает в нас сила Священной Трапезы... Хлеб жизни Сам движет питаемого, и изменяет, и

предлагает в Себя Самого, вдыхает жизнь и доставляет ее, как сердце или голова, членам. Потому (Спаситель) и назвал Себя Хлебом **ЖИВЫМ**».

Глава 3

Благодать чрез Святые Таины чудным и страшным Божественным огнем опалает в причастниках остатки страстности и умерщвляет их. Грехоистребительная сила Святых Таин Тела и Крови напоминает действие прививки дифтеритным больным. Как противодифтеритная кровяная сыворотка, впрыснутая в кровь болеющих дифтеритом, оздоравливает их, так Христова Кровь уничтожает в верующих микроб самолюбия, и они мало-помалу начинают оживать для чистой любви. Сначала их трогает и потрясает созерцание несоответствия своей холодности ко Господу Спасителю и Его неизреченной любви в Таинстве Причащения. Отсюда они восходят к целому ряду обетов пред Ним оставить страсти и к подвигам молитвы.

Воскресение любви к Богу и людям у верующих в результате Причащения открыто всеобщему наблюдению в Церкви, его может замечать всякий человек, внимательный и чуткий к явлениям духовной жизни. Опытными признаками этого воскресения служат: смолкание в сердце сладковато-ноющего влияния страстей, пробежание вражиих искусительных помыслов лишь по окраинам сердечного храма, без колебания поверхности чувства и воли и жажда участника быть в Боге. Очевидно, Пречистое Божество Христово очищает Святыми Таинами духовную и телесную жизнь христианина.

Глава 4

Наряду с очищением страстности Тело и Кровь Христовы углубляют сокрушение причастников о грехах и утончают их чуткость к прикосновениям греховного жала. Приобщившиеся очень болезненно ощущают грехи (хотя те и сокращаются по силе внутри их), зря в себе грех множась, и с великим самоуничтожением ищут помощи Христовой. По вкушении

Пресвятой Трапезы они всегда испрашивают у Господа своего «спригвождения страху Божию» и «дальнейшей»¹⁴ жизни не для себя, но «для Владыки и Благодетеля». Силу смирения источает причастникам смиренный и кроткий Спаситель от Собственного естества. В этом отношении христианская истинно смиренная любовь должна быть названа гроздом, наливающимся соками Лозы Христа, и ароматом, воспринимаемым от Спасителя. Так могульские козы, щиплющие на пастбище ароматные травы, издают из себя приятный цветочный запах.

Смиренные причастники без труда духовно объединяются любовью с окружающими их людьми. «Единые Хлеб и Чаша» подлинно соединяют причащающихся друг с другом общением одного Духа, разоряя внутри их разобщающие перегородки самолюбия и гордыни.

Глава 5

Причастникам свойственно **милостивое** отношение ко всем, общительность, сердоболіе и оживление какою-то необыкновенною готовностью к добру. Злоба для них отвратительна, и они охотно прощают окружающим обиды и оскорбления. «Внимательные замечают, что (и) младенец, уже начинающий понимать, в день приобщения бывает особенно ласков – готов обнять каждого, как члена родной семьи». Видимо, единение со Святым Духом Христовым чрез Евхаристию вообще у всех неосужденно причащающихся возбуждает братскую нелицемерную любовь.

Обобщая все сказанное о действии Таинства Святого Причащения, находим, что оно подлинно ослабляет согрешения, предотвращает повторение грехов и на расчищенном от страстей поле души человеческой возвращает цветы и плоды святой любви. Действенность Причащения зависит всецело от искренности и полноты обращения человеческой свободы ко Христу. Ленивая к добру душа, как бесчувственный мертвец, не переживает в себе никаких благодатных перемен в Причащении, словно и не причащалась. В образе «Живого Хлеба» Господь открывается одним тем христианам, которые самоотверженно

предают себя молитве и добрым делам. У нерадивых ко спасению, как справедливо заметил блаженный Николай, архиепископ Солунский, Святые Таины «не омывают души от злого навыка, не умерщвляют его, но допускают оставаться (в душе) дерзновению на поступки». Даже больше того: Причащение без оставления страстных дел усиливает страстность грешника, превращая ее в мучительно жгучий огонь. Еще во времена святого апостола Павла, как он сам замечал, многие, «недостойно причащавшиеся, были немощны, больны и немало из них умирало" (1Кор.11:29–30) телесно после предварительной душевной смерти. И во все века бытия земной Церкви позорящие Святину Тела и Крови Христовых страстями суть смертоносны и обманщики Божественной Христовой любви.

В догматическом богословии Таинством Святого Причащения завершается исследование церковных Тайнодействий, учрежденных для духовных потребностей каждого без исключения члена Церкви. Остальные три Таинства – Священство, Брак и Елеосвящение – так же, как и первые четыре, установлены для общецерковной же пользы, но принимаются только лицами, или несущими иго пастырского служения в Церкви, или избравшими образ спасения в брачном состоянии, или болящими и готовящимися к смерти.

Таинство Священства

В Таинстве Священства рукополагаемый получает дар милосердующей о пастве и сострадающей любви, дар быть орудием благодатствования пасомых чрез совершение Святых Таинств и, наконец, дар благодатно учительствовать и руководить паствою.

О действенности благодати священства в Писании читаем:

«Напоминаю тебе, пишет апостол Павел в Послании к Тимофею, возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение; ибо дал нам Бог духа не боязни, но **силы и любви и целомудрия**» (2Тим.1:6–7). «Будь образцом для верных в слове, в житии, в любви» (1Тим.4:12). «Старца увещай, как **отца**, юношей, как **братьев**, стариц, как **матерей**, юных, как **сестер**, со всякой чистотою» (ср. 1Тим.5:1–2). «Цель увещания пастырского – любовь от чистого сердца, и доброй совести, и нелицемерной веры» (ср. 1Тим.1:5). «Вразумляю вас, пишет апостол Павел к коринфянам, как возлюбленных детей моих. Ибо... я родил вас во **Христе Иисусе** благовествованием» (1Кор.4:14–15). «Вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть и жить» (2Кор.7:3). «Я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я **обручил** вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (2Кор.11:2).

Судя по этим библейским текстам, необходимо различать:

- 1) дар благодати, почивающий на самом пастыре Церкви, и
- 2) действие его во спасение верующих душ чрез пастыря.

Глава 1

Лично пастырь носит, по апостолу, «дух силы, любви и целомудрия» (ср. 2Тим.1:7). В церковно-богослужебных книгах названный дух точнее называется «облечением в ризу Божественной благодати», «Божественным помазанием», «просвещением благодати Креста Христова», «Божественным сиянием» и «облечением Божественною силою». Рукоположенные в степень священства озарение непостижимым светом Христа носят на себе и в сердце, как «обложенные

Святым Духом». Достойное ношение дара пастырствования неразрывно с действием в пастыре «Божественной любви» – этой неистощимой струи милования и сострадания.

О приосенении рукополагаемых в священный сан Божиею благодатию свидетельствуют такие молитвы в чине хиротонии: «Да приидет на него (посвящаемого) благодать Всесвятого Духа»; «Владыка всех! Благоволи (ему)... подъять эту великую благодать Святого Твоего Духа». «Наполни его даром Святого Духа, да будет он достоин благовествовать и приносить духовные жертвы». Эти слова говорят о «полагании на душу ставленника “начертания”, или печати, которая отличает лиц священных от мирян». Соответственно данному свидетельству, Иисус Христос Сам Духом Своим Святым чрез архиерейское рукоположение дает пастырю то преимущество, чтобы он представлял Его, чтобы говорил и действовал Его властью и силою. Духовные лица в нашей Церкви преемственно рождаются от Духа Святого с властью и силою Христовою. Благодать священства неотъемлема от рукоположенного. «Она с ним на всяком месте, во всякое время», как сила священнодействия, учительства и управления пасомыми и как свет Божественной любви.

Осенение благодатию при совершении Таинства Священства бывает для посвящаемого озарением с неба, но не сжигающим до конца его человеческого настроения. Благодать только по мере свободного пересоздания пастырского духа вступает в силу свою и лишь постепенно осеняет его до крайних глубин. Пастырскою верою и молитвою дар хиротонии может раскрываться из силы в силу, как яркий свет настроения. Для недостойного пастыря он наказание, огонь, сожигающий душу его, и сила, живущая в душе его рядом с его недостойнством как страшное противоречие. Недостойное ношение дарования священства вводит пастырскую душу в тоску, отягощение и нередко вызывает в ней покаяние, плач и сокрушение о грехах.

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий), известный русский подвижник, во время своего рукоположения в сан иеродиакона, по его словам, ощутил, что через голову в сердце его полилась какая-то сладостная теплота и разлилась по

всему телу. Сердце его исполнилось несказанной радости, так что он даже изменился в лице.

Подобные переживания дарования Святого Духа в Таинстве Священства общи в Церкви для всех чистых сердцем носителей его. Всем им свойственны одинаковое чувство благодатной силы от Бога, чувство сыновства Богу, братства со всеми возрожденными и ощущение в себе духа «здравомыслия, особенно в нужном случае» по поводу того, «что сказать и как поступить, (согласно) обетованию Господа: «в тот час дано будет вам, что сказать» (Мф.10:19). Дарование священства облакает «властью внутреннего просветленного достоинства и всецелой готовностью послужить во спасение другим». Это есть «сила... быть в муках духовного рождения и воспламеняться за каждую христианскую душу». Маленький огонь любви и дерзновения ко Господу пастыря в состоянии поддерживать и в других качества силы, любви, целомудрия и «дух гармонии в Церкви». Вот почему благодать Священства принято называть даром сострадательной любви к пастве. Эта духовная любовь нисходит свыше с неба в **Таинстве Священства**. Но усвоение и поддержание ее зависит и от стремления человеческого. Наитие тайнодейственной благодати сливается с паствой воспринимающего ее достойно. Ему присущи забвение всего, кроме богопреданных духовных чад, опасение за них и неспособность отдаляться душой от них по бесконечной нежности.

Глава 2

Приложение дара Священства ко спасению паствы имеет место обычно (1) в священнодействии, (2) благовествовании слова Божия и (3) руководстве лично каждым пасомым. Со всяким из этих пастырских действий в той или иной степени соединяется явление благодатной силы любви.

1) Совершение богослужения и Святых Таинств прежде всего делает пастыря «светонаставником душ». «Как от светозарной свечи» и «многосветлого луча» чрез него во Христе верующие «принимают зарю благодати» и одеваются в световидную ризу ее. Такое благодатное посредничество

уподобляет священнодействующего пастыря «овце среди волков, претворяющей их расположение к благочестию».

По дару Священства пастырь облечен премирной способностью быть орудием человеческого благодатствования. Сам он иногда может и не чувствовать дышащей чрез него благодати Святого Духа. Тем не менее он носит в себе образ Икупителя Господа, ходатайствующего о спасении людей пред Небесным Отцом. Представительство это рассекает в нем свое – немощное – от сверхземного достоинства и облекает спокойным доверием к благодатному личному полномочию. Некоторые пастыри за богослужением возвышаются до вселенской любви. В чувствах сердца они любят всех людей сердцем Христовым (Флп.1:8) и движениями своего духа уподобляются горним святым. Благодать и сила Господа нашего Иисуса Христа льются из их уст, когда они совершают молитвы церковные, и исходят от их десницы, когда они благословляют во имя Божие. Христос Спаситель – их глас, а они – лишь эхо, повторяющее Божественный глас. Благодатности пастырского священнодействия не препятствует даже собственное недостойнство совершителей его.

2) Несколько иначе проявляется дарование священства в пастырском учительстве и руководстве паствою. Здесь благодатная сила слова соответствует степени развития состраждающей любви к людям самого благовестника и глубине усвоения благодати рукоположения. Если он чист и свят в личном образе жизни, то благодать Божия соединяется с его речью в виде силы, умиляющей человеческие души. Тогда пастырское учение с церковной кафедры или вне Церкви «светлолучно», «зареvidно», сладостно и «растворено солью любви». При надлежащей благодатной силе пастырское учительство «отчуждает (слушателей) от древней вражды» и удалившихся от Бога приводит ко Христу. Не будет преувеличением, если мы скажем, что насыщение пастырской проповеди духом любви отчасти представляет действие собственно благодати Священства. Пастыри, глубоко воспринявшие дар рукоположения путем личного подвига жизни, обычно носят благовествуемое слово «в сердечной

широте». У них это возжженный светильник, просвещающий всех к богознанию. Любовь милосердая у достойных пастырей представляет самый жизненный нерв их проповеднической деятельности.

3) В духовном руководстве верующих дар Священства ярче всего обнаруживается теми пастырями, которые «украсили свою жизнь милостынею, кротостию и истинною любовью». Кто из пастырей сам «незлобив, милостив, братолюбив, смиренномудр и кроток» и «всею любовью прилепляется к воплощенному Божию Слову», того благодать рукоположения разжигает своими блистаниями. Он из своего сердца вносит огонь Христовой любви в руководимую паству. Высшее духовное руководство в Церкви, как известно, принадлежит епископу. Епископ первый выражает в управлении Церковью любовь состраждущую. Архиерейский жезл при рукоположении «дается ему Любовию и для Любви... дабы он, взирая на этот посох, не забывал никогда, что любовь пастырская должна всячески искать овцу заблудившуюся и, каких овец обрящет, вводить во двор овчий».

Истинные пастыри и «свое стадо связывают союзом любви», утверждая его в «нераздельном единстве». Они крайне сострадательны к пасомым сердечно, деятельно готовы излить в них именно свою душу и любят их сердцем пламеннейшим. Христовым. Об этом апостол Павел свидетельствовал, например, такими словами: «из усердия к вам, писал он о себе солунянам, мы восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши» (ср. 1Сол.2:8). Если прислушаться к беседам с паствою разных древних и позднейших пастырей Церкви, то у них найдем однородную состраждущую всем любовь, более или менее выражающую действие благодати рукоположения. Для образца приведем несколько выдержек из святоотеческих творений и пастырских речей, в которых между строками как бы просвечивает и струится благодатное сострадание к руководимому христианскому единству.

«Рана, наносимая стаду, – читаем мы между прочим в отрывках подобного рода, – преимущественно поражает пастыря... Болезнью, братия, болезнью вместе с вами! С каждым я разделяю тяготу скорби и лишений. С плачущим

плачу, с рыдающим рыдаю, с лежащим и себя считаю лежащим... В поверженных братьях и меня повергла любовь».

«Когда прочел я письма Вашего Преподобия, тогда сколько стенал и плакал, что собственным слухом своим услышал о подобных бедствиях».

«Без меры проливал я слезы, и из глубины сердца моего исторгались невежественные вздыхания, потому что горесть, как облако, внезапно объяла рассудок! Но как скоро я пришел в себя, то стал просить себе прощения у Господа в тех чувствованиях, к каким душа моя подвиглась при этих событиях».

«Как бы далеко я ни отбыл, все ваши благие начинания, все ваши добрые действия всегда будут находить отзвук в моей душе, как находили доселе. Всякая радость ваша как была, так и будет вместе и моею радостью. И всякая скорбь, всякая печаль ваша будет вместе и моею печалью. Получу ли известие о чем-либо отрадном для вас – возликую, возрадуюсь, благодаря Создателя, да приумножит Свои щедроты к вам. Узнаю ли что грустное о вас – поскорблю сердцем с вами и о вас, моля Господа, да отвратит гнев Свой от вас и да взыщет вас Своею милостью. Прошу и вас, братие: явите и мне взаимное общение любви».

«Я когда посещаю Церковь, как бы мала она ни была, на то время делаюсь всецело членом ее, так как для меня в то время и всего мира как будто не существует. Естественно, что все состояние той Церкви, со всеми местными нуждами, скорбями и радостями, до малейших частных, – все целиком волеется в душу».

«О, когда бы услышать мне в жизни этой, что моя паства очистилась от самой пагубной язвы – своеверия некоторых, в которой гибнут души навеки! Даже во гробе, кажется, разыграюсь радостью о том. Столько, осмелюсь сказать для некоторых, имел я и имею искренней, как только возможно немощам моим, любви к чуждающимся общению со Святой Церковью!»

«Я желал бы слить весь род человеческий в одно целое, дабы прижать это целое к груди моей и умереть за спасение людей в лютых пытках муки. За души тех, которые мне, как

отцу, доверили себя, я в ад опускаюсь. И нет силы на земле, которая могла бы разорвать мое внутреннее с ними общение. Ничем не дорожу в себе для спасения людей: ни достоянием моим, ни земною честью, ни даже самой жизнью».

«Сердце мое исполнено любви ко всем... Когда вы покойны и веселы о Господе, тогда и у меня бывает праздник на душе. А когда вы пригорюнитесь, тогда и в красный день бывает у меня на душе ненастье-ненастьем». «Всех желал бы утешить. Если бы можно было, самого себя растерзал бы и раздал бы всем по кусочку, и всех собрал, и обнял бы разом».

«Бог сроднил меня с вами. Во всем мире нет теперь людей, которые бы по духу были так близки ко мне, как близки вы. Вы теперь для моего духа все: и предмет забот, и источник утешений. Вашим спасением и я спасаюсь; ваша погибель и мне грозит гибелью. Так вы близки ко мне, так я неразделен с вами».

Представленные образчики излияния в словах к пасомым теплой пастырской любви лишний раз оттеняют наличие сострадающей любви в носителях дарования Священства. Отсюда и Таинство Рукоположения можно назвать отображением в пастырстве Церкви пастырского духа Христа Спасителя.

Таинство Брака

Исследование вопроса о даровании шестого церковного Таинства – **Брака** – представляет некоторые трудности из-за незаконченного взгляда на него в наших научных пособиях к изучению догматического богословия. Но путем сопоставления выводов о Таинстве Брака в научной догматике с учением о том же Библии, святых отцов и учителей Церкви можно ясно определить значение для супружеской жизни благодати Святого Духа в церковном браковенчании.

Курсы догматического богословия в числе плодов Таинства Брака называют благодатное вспомоществование: 1) супружескому единодушию, 2) взаимной верности, 3) благословенному рождению и 4) христианскому воспитанию детей.

Перечисленные научно-догматические определения плодов Таинства Брака оставляют то впечатление, что дарование церковного Брака благодатно напутствует мужа и жену пред началом брачной жизни к свободному творчеству друг в друге и детях **любви**.

Такой вывод слишком общ и не отмечает никаких характерных черт действительности Брака сравнительно с прочими Таинствами. Если теперь за отысканием признаков дарования в Брачном Тайнодействии обратимся к свидетельствам Библии, то неясность в данном вопросе сразу распутается следующими библейскими текстами:

«Если кто приходит ко Мне и не возненавидит... жены... а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (ср. [Лк.14:26](#)). «Мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах» ([1Пет.3:7](#)). «Время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие» ([1Кор.7:29](#)). «Ничто не должно обладать человеком» (ср. [1Кор.6:12](#)). «Мужья! любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее... чтобы представить ее Себе не имеющею

пятна или порока, но дабы она была свята и непорочна» (ср. Еф.5:25, 27–28). «Воля Божия есть освящение ваше... чтобы каждый из вас умел **соблюдать свой сосуд** в святости и чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога» (1Сол.4:3–5). «Жена же спасется через чадородие, если пребудет в вере, любви и в святости с целомудрием» (ср. 1Тим.2:15).

В этих выдержках из Священного Писания ярко просвечивает мысль, что благодать Брака обуздывает беспорядочность супружеского плотского общения и возвышает мужа и жену до господства духа над плотью и до независимости от плотской похоти. Она попускает пользоваться правом супружеского телесного единения лишь в избытке жизненных сил и для деторождения, и в законное время. Сама по себе благодать Брака, судя по библейским воззрениям, есть сила, побеждающая дикие взрывы похоти и ослабляющая их.

О такой действенности брачного дарования свидетельствуют и святоотеческие рассуждения.

По словам святых отцов, «праведники любили своих жен, однако... с закваской любви ко Господу... любовь ко Всевышнему, высшая для них всякой другой любви, научала их, как и в какой мере они должны были любить и быть любимыми». Настоящие супруги-христиане, «уступив немного законам брака, приносят в дар Христу большую часть любви». «Вспомоществуемый Божию благодатию, человек и в брачной жизни преуспевает в целомудрии; благодать же помогает тем, которые приносят от себя доброе усердие». А «увлекшись испытанным удовольствием, (христианин и после церковного венчания) весь сделается плотским, так что будет любить более удовольствие, нежели Бога... Как может любить Бога всем сердцем и силою тот, кто, некоторым образом похищая любовь, одному Богу принадлежащую, иждивает ее на человеческие страсти?».

Благословение Церкви в Таинстве Брака обуславливает передачу зачинаемым детям похоти, значительно обессиленной. Это – великий дар Христов членам Его Церкви. Впрочем, иногда от невозддержности родителей-христиан рождается [дитя]

бывает худого сложения и слабым. «Потому (еще) пророк Иезекииль... поставил (в вину) и это: входить к жене «во время очищения нечистот» (Иез.18:6). И сказал это... (с тем), чтобы родители не соделались для рождаемых виновниками гнусных болезней... Семя мужа, мешаясь с нечистой кровью жены, порождает тела, подверженные разным болезням и некоторым образом отпечатлевающие в себе невоздержность родителей».

Говоря вообще, Таинство Брака полагает в человеческую немощь супругов своего рода закваску благодати для претворения плотской и животной их любви в любовь верную, «Богом благословенную» и «прямо питающую (благословением) души детей». Под влиянием благодати церковного благословения христиане, живущие брачно, поставляются на путь духовной любви, которая служит ко спасению. Дарование Таинства Брака само по себе «возжигается огнем любви Божией» и мужа и жену сочетавает для дел благочестия и на обоюдное служение Церкви. Осеняя будущих супругов в Таинстве Венчания, оно в начатке разлагает их чувственность и изводит к торжеству над сладострастием при засеянии новой человеческой жизни. Не напрасно по древнему церковному обычаю это торжество сразу же обнаруживалось у повенчанных воздержанием от плотского союза в день Таинства, ради его святости. Молитвенное предстояние Богу и ликование духа от восприятия тайнодейственной благодати отрывает их от рабства плотской похоти и вводит в чистое христианское житие, завершаемое целомудрием.

Брачный союз в Новом Завете для того и освящен Таинством, чтобы супруги мало-помалу приучали себя к воздержанию и достигли высшей степени чистоты. Их плотское единение проистекает из общего желания ребенка и любви к нему. Так понимаемый брак требует подвижнического настроения и пресечения взглядов с вожделением даже на собственную жену. Это и есть так называемое брачное целомудрие, или отношение к лицу другого пола как к святому, с отречением от страстности. Только помощью Духа Святого христианские супруги могут не желать друг друга вне желания детей.

Излияние благодати Святого Духа на брачующихся является не только основанием чистоты и духовности их взаимной любви, но и созданием из их объединения малой Церкви и образа союза Христа с Церковью. Потому апостол Павел и внушал «мужам любить своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы представить ее Себе... святой и непорочной» (ср. Еф.5:25, 27). Развивая данные апостольские слова, святой Иоанн Златоуст учит: «Хотя бы надлежало умереть за жену – не отказывайся. Хотя бы ты взял супругу неблагонаправную, исправь ее добротой и кротостью, как и Христос Церковь (Еф.5:25)». «Он сделал ее прекрасною по расположению воли».

Применительно к сказанному дарование Таинства Брака следует считать силой господства супругов над плотскими страстями и силой сочетания их в единую Церковь самоотверженно любящих. В благодатном даре Брака Сам Дух Святой входит в последующую за венчанием жизнь новой семьи. Он присутствует в ней как Вдохновитель мужа и жены к чистой, самоотверженной любви, к переливу из одной половины их Церкви в другую то ума, крепости и силы дарований, то сердца, нежности и чуткости, дабы составила гармония единосущественной любви, утверждающаяся в благодати Божией.

Правильность найденных нами выводов о действенности Таинства Брака легко проверить путем сопоставления их с церковно-богослужебным мышлением на ту же тему, раскрытым в чинопоследовании церковного обручения и венчания жениха и невесты. Судя по чину Таинства Брака, изложенному в Требнике, брачующимся сообщается от Бога: 1) **венец славы и чести**, Небесная **благодать**, 2) **сила пребывания в непорочном сожительстве и чистом, сердечном** исполнении заповедей Божиих, 3) «помощь к совершенной мирной любви», «непоколебимой вере», согласию, «святому соединению и чадородию на пользу и к телесному и духовному единомыслию», а также 4) **благодать на детей**.

По переводе означенных церковно-богослужебных выражений касательно дарования Брака на язык Символа веры

в итоге находим, что облагодатствование брачующихся есть **предочищение** их к страдальчеству за полноту настроения истинной **любви**. Таинство Брака ограждает супругов от рабства чувственности и от наследственной передачи потомству развитых форм первородного греха. После освящения в Браке первородная порча не перестает переходить от родителей к детям, но может передаваться значительно обессиленной в своей ядовитости.

Святое Елеосвящение

Учение о благодатных плодах Таинства Елеосвящения раскрыто святым апостолом Иаковом, первым Иерусалимским епископом, в следующих словах его соборного послания:

«Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак.5:14–15).

В связи с данной библейской выдержкой дар Святого Духа в Елеосвящении служит: 1) к **прощению** грехов болящего и 2) к его **исцелению** и восстановлению от одра болезни.

Как восполняющее отпущение грехов по дару Крещения и Покаяния, Таинство Святого Елеосвящения, очевидно, возочищает благодать Крещения и восстанавливает настроение, свойственное крещеным водою и Духом. Отсюда благодатная купель Крещения с ее очищением грехов, утверждением воли крещаемого в самоотвержении и возрождением у него сыновне-дерзновенной любви к Богу заставляет подобной же действенности искать и в Елеосвящении.

В содержании чина соборования болящих высказывается незыблемая вера в силу благодати. От благодатного действия ожидается в Елеосвящении: 1) омовение и избавление больного от прегрешений, 2) совлечение с него «мирских похотей» и его возрождение к исполнению заповедей и «благоугождению Церкви» и, наконец, 3) **облечение во Христа**. Точно та же действенность, как известно, сопровождает и Святое Крещение. Врачебная сила Божия в Елеосвящении, как и в Таинствах Крещения и Миропомазания, называется **просвещением**, «Божественной печатью», «запечатывающей чувства (больного)... от касания злейших бесов», и «Христовой благодатью».

Разница между Таинствами Крещения и Елеосвящения лишь та, что первое изначально возрождает для любви падшую человеческую природу и очищает ее от всех исповеданных грехов и первородной скверны, а второе изглаждает лишь

неисповеданные грехи по забвению и телесной слабости больного. К числу грехов, изглаждаемых благодатию Елеосвящения, могут, например, принадлежать «священнические и родительские проклятия, вожделенные и грешные взгляды, склонность к прелюбодеянию и всякие греховные побуждения, отчуждающие человека от (Божией) воли и святости». В церковно-богослужебной практике соборованию чаще всего предшествует совершение над больным Таинств Покаяния и Причащения.

Все эти предварительные замечания о Таинстве Елеосвящения позволяют усматривать в его даровании изглаждение забытых и неисповеданных по болезни грехов, что восстанавливает в больном настроение мирной любви к Богу и людям. Больной, грехами «расторгший любовь Божию – эту крепкую связь духа, и ослабевает телесно». Но по дару Елеосвящения он получает в совести «извещение о прощении грехов», «просвещение и очищение омраченных чувств», чем благодатно укрепляет свои духовные и вместе телесные силы.

Потоком целительной благодати Божией душа соборующего явно оживляется чувствами и влечениями истинной любви. Сам он среди родных и знакомых, пришедших помолиться за чинем соборования, слышит о сострадании к его немощам членов Небесной Церкви. Окрыляемый духом, он чувствует себя приподнимаемым к Богу в своем слабосилии любовью окружающих. Уверение в прощении грехов и возрождении чистоты своей слышится ему и от священнослужителей. Они исповедуют по чину Таинства, что всепрощающему милосердию Божию нет конца. В момент подъема душевных сил к Богу и молитвенного слияния с собратиями во Христе соборующий разверзает себя для принятия Божией благодати. Тогда сила Божия немедленно изливается на него, касается его греховных струпов и очищает их. К очищенной от грехов душе особорованного возвращается настроение безмятежной мирной любви. Ей уже не страшна смерть телесная, так как сияющая в ней жизнь вечной любви уверяет ее в бессмертном единении со всей Вселенской Церковью и по исходе за грань земного.

Таким образом, благодать Божия во время помазания святым елеем оживляет соборующих притоком Божественной силы, восполняет собою их природные силы жизни и врачует.

Внутренне она очищает больных от страстей и грехов – знаков вражды на Бога – и соединяет их в сердечных чувствах и расположениях с Церковью святых. Такое воссоединение сопровождается троекратным испрашиванием соборованным прощения у всех присутствующих на Таинстве и сомолящихся.

Исследованием вопроса о даровании Таинства Елеосвящения мы заканчиваем выяснение действенности церковных Таинств. В заключение вместе с апостолом нельзя не сказать: «Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова... дабы мы... истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого все Тело Церкви получает природное приращение для созидания самого себя в любви» (ср. Еф.4:7, 14–16). Чрез Святые Таинства «славою Святого (Господа) наполнилась ныне земля. Блеск ее, как солнечный свет» (ср. Авв.3:3–4). Чувственный взор облагодатствуемых редко улавливает отблески богоосияния. Свет Божества открыт преимущественно ощущению верующих сердец и, по выражению Символа веры, может быть на земле лишь **исповедуем** в своей внутренней силе и сокровенной действенности. Зато наружно у принимающих все церковные Таинства видно проявление единообразной самоотверженной любви к Богу и друг к другу – конечно, в зависимости от их добровольного самоопределения к любвеобильной жизни.

Преподавание благодати Святых Таинств есть дар каждому члену Церкви Самого Спасителя в Духе Святом Отчем. Потому далее проследим связь христианского облагодатствования в Церкви с мановениями воли Самого Главы Церкви – Господа Иисуса Христа.

ГОСПОДЬ СПАСИТЕЛЬ В ЦЕРКВИ

Сын Божий как Созидатель в Церкви христианской самоотверженной любви действием Святого Духа. – Человеческое единение с Богом чрез Сына Божия вне Церкви и в церковном лоне. – Исхождение на членов Святой Церкви Духа любви от Отца непосредственно чрез Лицо Самого Богочеловека. – Беспредельная Богочеловеческая любовь к выразителям церковного единства. – Христовы уроки любви в земной Церкви. – Закон правосудия в мерах Богосыновнего откровения всякой христианской личности. – Творчество Сыном Божиим чрез Отчего Духа трехсторонности личной христианской любви. – Благодатная любвеобильная настроенность истинного христианина во Христе как откровение в его существе Царства Божия. – Развитие Царства Божия в спасающихся. – Совмещение его во Христе. – Христианское переживание Царства Божия под формою пламенной любви к Богу и ближним. – Царство Божие в целом Теле Церкви. – Переход к учению о Царстве Божиим в потустороннем мире.

**ВЕРУЮ... ВО ЕДИНАГО ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА...
И ВО ЕДИНУ СВЯТУЮ, СОБОРНУЮ И
АПОСТОЛЬСКУЮ ЦЕРКОВЬ. 2-й и 9-й члены
Символа веры**

Величайшим сокровищем для спасающихся во Святой Церкви служит обретение каждым из них в своей душе Живого Христа Спасителя. Божеством Спаситель единосущен Богу Отцу и Святому Духу. И где открывается Он, там существенно неразлучны с Ним и Бог Отец, и Святой Дух.

Но как Глава Церкви, Господь Иисус Христос лично обнаруживает Свое руководство в церковной жизни и спасении каждого члена Церкви при содействии Бога Отца и Духа Святого. В то время как Бог Отец благоволит изливать благодать любви в Церкви, а Святой Дух Самоповелительно и Господственно изливает ее, Сын Божий действует в Отчем Духе как светонаставник любви. Лишь при условии такого проведения тонкой раздельной черты, не сливающей и не слишком резко разделяющей Троиединую деятельность во всецерковной жизни, можно вести речь о непосредственном главенстве Сына Божия в Церкви и о спасении чрез Него верующих. Где ни мыслится Христос Спаситель действующим в благодатных уроках, преподаваемых верующим в Него, везде Он должен быть созерцаем пребывающим и действующим непременно во Отце силою Духа Святого.

Воздействие Христова на внецерковное человечество, производимое во Отце чрез Святого Духа, отлично от Христова учительства в сонме членов Его Церкви.

Люди вне Церкви причастны «Богу Слову в разуме и носят как бы внедренные в себя семена премудрости и правды, что и есть Христос». В уме и совести их одинаково находится Христос, почему различие добра и зла и вследствие этого познание греха и виновности обуславливается откровением Сына Божия (Ин.15:22). В отношении к христианам у Господа Иисуса Христа, мыслимого во Отце и Святом Духе, есть некоторое

особенное служение. «Чрез это служение к тому, что́ они есть, дается еще, чтобы они были добрыми».

От живоносной Лозы Христа члены Святой Церкви воспринимают сердцем и духом добрые соки благодати и «вкушают, как благ» (ср. 1Пет.2:3) и «милостив Господь по любви Своей» (ср. Соф.3:17) к ним. Любовию Господь Спаситель связан с каждым христианином более, чем мать с ребенком, как жених с пламенно любимой невестой. И в Церкви дороже всего не духовные блага, если бы можно было их отделить рассудочно от действующего в подаянии их Господа, а единение с Самим Источником их. Как и пророк Давид говорит: «Прильнула душа моя к Тебе, меня же приняла десница Твоя» (ср. Пс.62:9).

Переходя к разрешению вопроса о проявлениях Богосыновнего учительства любви в церковном обществе, необходимо предварительно развить два положения касательно того, что (I) научение это происходит **непосредственно** от Лица Господа Иисуса Христа по Отчей воле в Духе Святом и что (II) оно запечатлено **личной Богосыновней любовью**.

Раздел I

Лично Господь Иисус Христос есть Пасха¹⁵ Церкви Своей, Превращение ее от смерти самолюбия к жизни самоотверженной любви. Добро настоящим образом можно полюбить лишь в Нем. В сочетании с Ним и состоит надлежащее принятие Евангелия любви. Так как Он заслоняет Свое учение собственным Лицом, то прилепиться жизнью к Его учению нельзя без того, чтобы прежде не возлюбить Его Самого и не искать ежемгновенно до гроба Его непосредственной охраны нашей добродетели. В христианстве вместе с Христовым учением пред очами верующих всегда стоит Сам Христос, учащий самоотвержению в любви и пребывающий в верующих. Эта истина исповедуется в Писании Нового Завета бесчисленными его местами.

"Я дверь, читаем мы здесь слова Христовы о Себе, кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет... Я даю жизнь вечную, и не погибнут овцы Мои вовек» (ср. Ин.10:7, 9, 28). «Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Кто пребывает во Мне, и Я в Нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего» (ср. Ин.15:4–6). "Бог, свидетельствуют и апостолы, определил нас к получению спасения через Господа нашего Иисуса Христа, чтобы мы – бодрствуем или спим – жили вместе с Ним» (ср. 1Сол.5:9–10). «Он – посетитель¹⁶ душ наших» (ср. 1Пет.2:25). «Дом Его – мы, если только упование и **дерзновение**, которым хвалимся, твердо сохраним до конца» (ср. Евр.3:6). «Благодать и истина произошли чрез Иисуса Христа» (ср. Ин.1:17), и мы «Им укрепляемся в благодати» (ср. 2Тим.2:1), «будучи укоренены и утверждены в Нем» (Кол.2:7). Мы – «письмо Христово, написанное Духом Бога живаго на плотяных скрижалях сердца» (ср. 2Кор.3:3), и "званы к Иисусу Христу» (ср. Рим.1:6) «облечься в Него» (ср. Рим.13:14). «Бог облагодатствовал нас в Возлюбленном» (ср. Еф.1:6). «В Нем мы сделались наследниками» (ср. Еф.1:11). «В Нем имеем

полноту» (ср. Кол.2:10) и «искупление» (ср. Рим.3:24). С каждого человека греховное «покрывало снимается Христом» (ср. 2Кор.3:14), и как «закон духа жизни во **Христе Иисусе**» (Рим.8:2), так и «слава Божия – в **Лице Иисуса Христа**» (ср. 2Кор.4:6).

Судя по этому библейскому учению, «Церковь на земле есть во все времена продолжающий жить Христос», учащий нас жить и действовать любовью и Собою нас осиявающий в Отчем Духе. Его силою и по Его образу преображается в церковных недрах всякий христианин без исчезания собственной личности, но с сознательным и свободным предаванием себя «Христову вседействию». И Христос вседействует в душе по желанию, исканию и **любовному** восприятию Его вседействия. Выходит, будто душа сама действует, тогда как «"не без Него делает" (Ин.15:5), ибо без Него таких дел никто и делать не может». Божественно наполняя Собою весь мир, Господь Спаситель Своим вездесущием неотлучен ни от какого места вселенной. Потому христиане по вере в Его сопричастие и вследствие получения от Него явно ощущаемой благодати Святого Духа говорят с Ним молитвенно как с неизменно живым. Он – «Восток востоков», или богоозаренных благодатию человеческих природ. Его сокрытие из сердца вследствие какого-либо греха сразу заметно христианину, и тот делает все зависящее, чтобы возвратить в дом своей души Источника благодати и любви, если только не вознерадит о спасении.

Раздел II

Отношения Господа Иисуса Христа к членам Церкви Своей должны быть названы по справедливости сочувственно-любеобильными, снисходительными, но вместе с тем и правосудными. Библия, святые отцы, учителя и пастыри Церкви часто оттеняют в названных взаимоотношениях личный характер Христова сострадания ко грешным людям. Описывая их, они сплошь и рядом изображают их человекообразно. Хотя Господь Спаситель Божественен и бесстрастен, но человеческий ум без земных сравнений и уподоблений не способен понять черты личного единения Богочеловека с Его чадами в Церкви.

Еще святой апостол Павел говорил, что «Иисус, Сын Божий, может сострадать нам в немощах наших, будучи подобно нам, во всем искушен, кроме греха» (ср. Евр.4:14,15), и что Он «скорбит за тело... Церкви» (ср. Кол.1:24). Подобные изречения высказаны по снисхождению апостола к немощному пониманию его слушателями благовестия о любви Христовой. Но за покровом человекоуподоблений, применительно к Личности Господней, скрывается то зерно истины, что Богочеловеческая любовь к спасающимся полна глубочайшего сострадания, Божественной нежности, силы и стремлений привести их к настроению всецелой, естественно-благодатной **любви**.

Святые отцы, учителя и пастыри Церкви в своих трудах постоянно касаются вопроса о проявлениях Господом Спасителем трогательнейшего попечения о всяком человеке и особенно о каждом прилепляющемся к Нему в Церкви. По их словам, «Господь терпит нас, ежечасно ожидает нашего покаяния и обращения к Нему... не гнушается грешным человеком...», но все любит его и «весьма милосерд». «Он всех желает спасти и поставить сынами Божиими», «все наше приспособил к Себе Самому, чтобы в Нем одном могли мы радоваться всецелым удовольствием». Живущих в Нем «Он во всем обращает к Себе Самому и не допускает уму (их) обращаться к чему-либо иному, ни воспламеняться любовью к чему-либо существу». Покой Его «состоит в том, чтобы

(христианин) был мертвым для всякого рода злых дел». «Он – Жизнь, как Податель душам, возлюбившим Его, подобающего движения в области Божественных вещей. Он – Воскресение, как возбуждающий ум от мертвого пристрастия к вещественному, и Истина, как дающий достойным неизменное расположение к делам благим». По Своему неизреченному человеколюбию Он «жаждет, чтобы Его жаждали... приемлет за благодеяние, если просят у Него благодеяния, с большею приятностию дает, нежели иные приемлют сами».

Окруженный в небесах неизреченною славой, Спаситель любит нас, как любил, висая на Кресте. «Переход Его с древа Крестного на престол славы нисколько не изменил Его расположения к нам. Он, говорит апостол, есть «Тот же вчера, сегодня и во веки веков» (ср. Евр.13:8), то есть Друг грешников, всегда сострадательный, всегда готовый помогать всякому».

Ему несравненно прискорбно видеть мало возрастающих в духовной жизни. И Он иногда позволяет сатане являться в Его стадо, рыкать на Его овец, подобно льву, и разверзть пасть свою на них, как бы в готовности поглотить их (1Пет.5:8). Но это для того, чтобы овцы, пугаясь этого страшного чудовища, бежали к своему Пастырю и соединялись с Ним теснее. «Любовь и сострадательность Пастыря Иисуса к Своим агнцам удивительно нежны. Он понимает (на молитве) их слабый лепечущий язык; внемлет тому, что они произносят пред Ним, окружает их Своими Ангелами и умудряет их действиями Своего вездесущего Духа. Младенцев в духовной жизни Он носит, так сказать, в Своем лоне, дабы согреть их Своею любовью и укрыть от опасностей. Он сносит их слабости и недостатки, щадит их в падениях и заблуждениях, утешает их со всею нежностью в скорбях, не поступает с ними по той строгости, какой требует Его правосудие, дабы не повергнуть их чрез то в отчаяние». Он «сильно трогается бедствиями наших душ» и «сильно страдает в лице верующих» при их «воспитании в Духе и охранении от вражеских действий. Сердца верующих болят, бывая поражаемы (грехом)... с ними и Господь болит». Он утомлен исканием входа к нам, все время ищет нас и, захватывая где-нибудь, становится у дверей сердца и толкает,

чтобы отворили. «Толкает словами истины, тревогами совести, внешними скорбями». «Болезненны должны быть для Божественной любви раны, наносимые ей чрез грехи наши». «Никакая мать столько не может скорбеть, видя недостойнство своего сына, сколько скорбит Спаситель наш, когда замечает недостойнство Своих братьев-христиан». Он «оскорбляется каждою мыслию, двоящуюся туда и сюда». И наоборот: «видя плодоношение душ, Он веселится».

Все необъятное Христово сострадание верующим в Него и Его ищущим преимущественно сводится к научению их самоотвержению и воспламенению их природных расположений (1) любить "огнем Святого Духа» (Лк.12:49). Упомянутое учительство (2) протекает в Церкви соответственно Божественной правде и (3) развивает у обучаемых чистоту, смирение и милосердие – эти основные выражения истинной любви. Такова постоянная действительность в Церкви и содержание благодатной жизни всякого христианского сердца во Христе.

Глава 1

Уроки любви в светоозарении Духа почерпываются христианами от Самого Господа Иисуса Христа. «Мы все от полноты Его приняли и благодать на благодать» (ср. Ин.1:16). «Бог озарил наши **сердца** познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (ср. 2Кор.4:6). Что путем благодатного осияния "Сам Господь является" (ср. Ин.14:21) верующему, «пребывает в нем» (ср. Ин.15:4) и "укрепляет его в благодати» (ср. 2Тим.2:1) любви, об этом свидетельствует и церковное богослужение в таких словах.

«Многомилостивое Слово! Ты воспламенило нас к Твоей любви». «Христе! Ты сообщаем нам Духа, Подателя благодати, происходящего от Отца Тобою», «озаряешь тварь (как бы) красотою к совершению добра». «Благодать Духа Христова есть как (бы) искра Слова», Ею-то «всесильный (Христос) возжигает Божественное желание», «просвещает милосердием» и «исцеляет окамененное ожесточение (человеческого) сердца».

«Как Начальник и Виновник всего доброго». Он «претворяет в Свою благодать одичавшую от греха душу», «сообщает ей Свою любовь» «одним и тем же по природе Божественным огнем». Он «Сам и возвращает ее, пока не восприимет она совершенной меры любви к Нему». «Христос Господь для всякого верующего в Него бывает основой любви, действием всякой святой заповеди и отвращением от всякого греха... Преуспевшие в любви к Нему находят и Самого Его внутри себя, потому что Он входит в того, кто возлюбил Его», и «посредством любви **преимущественно** должен напечатлеваться в душах наших... знак родства с Ним добродетельных – постоянное пребывание в любви друг к другу». «Христиане от Христа принимают силу живительного добронравия, прицепившись (к Нему), как к Лозе, покаянием и слезами». «Нежно касаясь сердца, посвященного любви... Иисус Христос» Своею любовью зиждет спасение его. «В ком Христос живет... в том и свет Его является... теплота любви и милосердия чувствуется». Господь Иисус Христос на место нашего бессилия творить добро вводит силу Божию, рождает мысли и желания творить дела добрые охотно и постоянно.

«Воображается Христос в сердце нашем бестелесно. Движения и взыграния Его – суть осияние и облистание Его». Поскольку Он облистывает нас всех, объемлет и покрывает Божественною славою Своею, то называется Одеванием. И мы говорим, что облакаемся в Него. Его свет бывает невидим нами, когда мы подавляем в себе любовь к Нему любовью к твари.

Наслаждение светом Спасителя не привязано необходимо к тому, видит ли к то Его образное явление телесным очами или не видит. Важнее то, чтобы «Он узрел нас светодательным оком благодати, пламенным и воспламеняющим оком любви, которым Он взирает по выбору... Из этого выбора Он не исключает никого... только (бы сам человек) имел кротость, сокрушение духа, страх Божий (Ис.66:2)».

Глава 2

В мерах откровения Себя верующим Господь Иисус Христос строго правосуден. Он требует от ищущих Его предварительного

труженичества в посте, молитве и борьбе со страстями не как несения просто известного рода подвигов, а как подвигов, совершаемых пред Его лицом, в присутствии Его, с мольбою к Нему о помощи, с обращением к Нему несмежаемых сердечных взоров. Тогда сила любви Его не медлит открываться в подвизающихся. Восход к духовным трудам ради стяжания духа самоотверженной любви обычно начинается у христианина с того, что он испрашивает у Спасителя самое хотение творить добрые дела, следит за чистотою помыслов. О прогнании их [худых помыслов] он взывает к своему Защитнику при всяком случае их возникновения, целый день время от времени то ограждает себя крестным знамением, то совершает внутренне молитву. За таким преданием воли Христу следует и явление Иисуса «желающим по мере хотения каждого» и сообразно теплоте любви к Нему. Как некогда святым апостолам Луке и Клеопе и святой Марии Магдалине, любившим Учителя, но сомневавшимся в Его Воскресении, Он «Господь совне [явился], и присущ был им, и не открывал, кто Он», и как «любовь Петра в затмении отречения не нашла во гробе Господнем света Воскресения, а любовь Иоанна обрела внутренний свет веры в Воскресение Христово, так и всегда по мере деятельной любви ко Христу человек делается способным... к принятию особенных Его явлений и откровений». «В сердце, отверстое покаянием, верою и любовью, Иисус Христос вселяется и преображает любовь человеческую в Божественную».

Ощущение в душе нашей Учителя любви Господа Спасителя, как сказано выше, есть итог подвижничества каждого верующего. Оно – высшее дарование в порядке христианской жизни, и довольно частое среди членов земной Церкви. Жаждающего взаимной любви Христовой и подчиняющего Его воле глубины собственной воли Господь Спаситель не оставит без Своего благодатного обучения любви. И теперь «не обеднел Господь Иисус и не обессилел, чтобы даровать и нам такие блага, какими обогатил Он святых патриархов, если бы видел, что мы во благо себе и славу Его пользуемся тем, что уже даровал Он нам. Но как видит, что мы

по своей неустроенности во вред себе обращаем данные уже Им нам невеликие и немногие дары, то, как Человеколюбивый, и не вверяет нам больших, чтобы мы не погибли вконец». «Он мог бы силою преложить нас на благодать, но не хочет этого (также и потому), чтобы наше произволение не лишилось похвал Его».

Способы, какими наиболее удобно христианская душа почерпает от Господа Спасителя благодатную силу любви, суть (а) Святые Таинства и упражнения в: (б) молитве, (в) чтении Священного Писания, (г) непрестанном противлении страстям и склонении себя к благодетворению ближним.

а) О проявлении действенности Святых Таинств Церкви достаточно уже сказано нами прежде. Теперь следует лишь упомянуть кратко, что благодать любви во всяком Таинстве сообщает верующим Сам Господь Иисус Христос во Святом Духе Отчем. Он входит в души благодатствуемых как некая премирная сила любви и добра и заполняет Собою сердечные их глубины. После того к ним хотя и приражаются вражьи внушения, но боязливо, воровски, на поверхности сознания и в Божий храм сердца врываться не смеют. Самим Господом Иисусом Христом в Таинствах мы и помазуемся, и омываемся от грехов. «И Он же есть наша вечеря» и свет любви, который мы «носим и в душах, голове, очах, в самих внутренностях и во всех членах».

б) Во время молитвенных упражнений благодатная сила любви Христовой изливается на молящихся в потоке их теплых мыслей, чувств и стремлений. От оживленного чувства сопричастующего им Господа они мало-помалу восходят к христолюбю, а во Христе соединяются любовью с Троицей Богом. Светоозаря ревнителей молитвы, часто вращающих Божественное имя в уме и сердце, Господь Иисус Христос в знак оживления у них истинной любви дает им слезы умиления. При этом Он как бы касается их очей, прилепляется к разумению душ их и делается с ними одним духом (1Кор.6:17). Кроткие движения умиления их на молитве суть прикосновения Господа «кротким лучом Его... Это Жених душ послал «руку сквозь скважину сердца, и чрево вострепетало от Него» (ср.

Песн.5:4)». Здесь «Христос зрит в самое средоточие сердца и помазует его благостью, кротостью и любовью». Человеку своими трудами можно только навыкнуть повторять молитву непрестанно, а укореняет ее в самом сердце Господь.

в) При чтении кем-либо Священного Писания или духовных книг со смирением, верою и молитвою Спаситель опознаваемые рассудком истины «пишет трижды на широте сердца» (ср. Притч.22:20–21) читающего. Равно слово говорящего истину только располагает слушателя учиться. А истинно ли говорит тот или другой – этому научает единственно «Христос, обитающий во внутреннем человеке». Он же тогда возжигает небесным огнем слышащих читаемое и Сам «посредством слова воображается в нас, а мы образуемся по Нему».

г) Всякие нечистые помыслы у верующих Христос «Иисус легко посылает, будучи призываем», дабы «Ему одному печатлеться и светописаться в душевном зеркале».

Глава 3

Описанные благодатные воздействия Христовы в Церкви имеют конечной целью своей творчество в христианах любви. «Полноту любви христианин почерпает из Христа», именно во всех сторонах ее.

Православное богослужение начертывает целую картину постепенных Христовых впечатлений благодати внутри каждой верующей личности для претворения ее настроения в **чистую, милосердную и смиренную любовь**.

По выражению церковных песнопений, Христос Спаситель благодатным озарением влагает в христиан то «мысль обращения», то «отверзает им сердечные очи», то учит понимать добродетели, то «омывает их от злобных нечистот», то понуждает их «желать восприятия будущих сокровищ». Его волею и силою все, отдающиеся Его защите, находят в Нем привлечение от страстей к жизни бесстрастной и укрепление немощи своей в борьбе со страстями.

Милосердию Христос Спаситель научает сообщением верующим умиления – слезного, полноводного, как река, и уносящего из их сердец «потoki (ожесточающего) беззакония».

«Мытаревое смирение» Он углубляет возбуждением в поучаемых сокрушенных воздыханий и вызыванием у них «тучи слез» покаянных. Само уничтожение учеников Спасителя с помощью благодати делает покаяние их теплым, сильным и «совершенно присвояет их Христу».

Переживание каждым христианином благодати Христовой непосредственно как настроения любви есть то, что Евангелие назвало «Царствием Божиим внутри нас» (ср. Лк.17:21). Здесь мы подходим к важному догматическому пункту и попытаемся осветить его подробнее.

Царствие Божие совмещается в Самом Господе Спасителе, неотлучном существенно от Отца и Духа Святого. Открывается оно внутри только той христианской души, которая представила себя Христу как бы «неомраченным зеркалом Божественных явлений», которая оставила мирское пристрастие и до конца претерпела страдания при умерщвлении страстей и слезном покаянии. Усиленные подвижнические упражнения ради единения с Женихом душ Христом в конце концов венчаются достижением искомого Царства Божия, то есть всецелого проникновения Христовою благодатию. Полное облагодатствование христианина равносильно воцарению в нем Самого Господа Иисуса Христа со Отцем и Святым Духом в награду за его подвиг.

Эту мысль богослужебные книги передают такими выражениями о святых.

«Мудрый! Обнищав духом, ты обогатился Царством» как воцарившийся над страстями. «Ты, твердый¹⁷ в чистоте, достойно получил воспеваемое Царство и Божественное сияние». «Как истинно потекшие к любви Создателя... вы, вместо болезней, обогатились Царством Божиим».

«Блаженная Дева! Удостой меня получить Царство Господа возвышением к добродетелям и умерщвлением страстей». «Христе! Ты украсил венцом Твоего Царства весьма возлюбивших непостижимое величие Твоей красоты».

Судя по означенным выдержкам из церковно-богослужебных молитвословий, Царство Божие следует понимать как «возвышаемое благодатию Царство Христа» со

Отцем во Святом Духе. С наступлением его в человеческой личности преобладает самоотверженное настроение над самолюбием. Воля человека тогда склоняется к истинно богоугодной любви более, чем к самолюбию. Постепенно Царство Божие может стать внутри христианина всеобъемлющим и всецелым. Начало, продолжение и полнота воссияния Божия Царства в христианской личности зависят от подкрепления ее природной способности самоотверженно любить Самим Господом Иисусом Христом в Духе Святом. Отсюда, кратко сказать, Царство Божие есть Царство Господа Спасителя, или оно есть Сам Господь, действующий в членах Своей Церкви невестственными светоизлияниями любви Своей.

Правильность данного определения свидетельствуется Священным Писанием в словах: «Сын Человеческий грядет во Царствии Своем» (ср. [Мф.16:28](#)), «преобразившись... и просияв лицом, как солнце» (ср. [Мф.17:2](#)). «Если Я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие» (ср. [Мф.12:28](#)). «Христос-Агнец соделал нас царями и священниками Богу нашему» ([Апок.5:10](#)). «Господи, Ты принял силу Твою великую и воцарился» (ср. [Апок.11:17](#)). «Приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа» ([Рим.5:17](#)).

Подобным же образом рассуждают о Царстве Божиим и святые отцы, учителя и пастыри Церкви и светские богословы, говоря:

«Нам вожделенно Его (то есть Господне) ежедневное присутствие, и мы просим, чтобы Он вскоре явил нам Свое Пришествие (как)... Царствие Божие». Само по себе «Царствие Божие есть пребывающее внутри сердца Божество», «есть свет» и Христов Дух. Оно то же, что «принятие Божественного притечения, которое восполняет недостающее в нас и усовершенствует».

Приближение (к душе) Царя Небесного Царства с Его спасительными действиями есть то же, что приближение Царствия. Апостолы «Петр, Иаков и Иоанн увидели Царствие

Божие, пришедшее в силу, когда Божество Иисуса... в Его славном преображении просияло сквозь Его человечество». С нашей стороны, «взыскание того, чтобы проникла все наше существо Божия благодать, есть то же, что взыскание Царства Божия или возлюбление... единого на потребу». «Вхождение в Царство Божие» зависит от того, что, например, в молитве «Бог Слово всегда благодатию Своею отзывается в сердце нашем на сердечные наши к Нему слова».

Если в смысле производящей Первопричины Царствие Божие «есть Сам Христос» и есть союз Бога Любви с членами Церкви во Христе, то в смысле человеческого богоощущения оно есть переживание самой высокой пламенной любви к Богу и ближним. Господь Спаситель называл его Небесным и приближающимся к людям в значении наступающего среди них порядка Небесных любвеобильнейших взаимоотношений. Отождествление Божия Царства с упрочением благодатной любви в человеческих сердцах встречается, например, в ответе Господнем книжнику: «недалеко ты от Царствия Божия, сказал ему Спаситель на его утверждение, что любить Бога и любить ближнего есть больше всех всесожжении и жертв» (ср. Мк.12:34, 33). Подобный смысл имеют и другие Христовы слова: «Отец ваш благоволил дать вам Царство... Давайте милостыню. Приготовляйте себе сокровище неоскудевающее на небесах» (ср. Лк.12:32–33). В истолкование этого места Евангелия можно привести такую параллельную выдержку из церковно-богослужебных песнопений: «В Царство Божие войдут не богатые, но те, кои свои сокровища влагают в руки нищих».

«Достигшие степени полной любви уже имеют вполне Царствие Божие внутри себя, не нуждаясь ни в чем более». И «в ком сильнее желание совершенства, те ближе к Царствию Божию, (как)... одушевляющие бессильную волю любовью к невидимому».

Возлюбить Бога всем разумением, вести жизнь разумно, стать достоянием Божиим и отображением святого единства – это и есть то Царствие Божие и правда Его, которых мы прежде всего должны искать для себя и для ближних наших (Мф.6:33).

Благо царственного общения и любви в Боге "уготовано человеку от сложения мира» (ср. [Мф.25:34](#)) чрез Святого Духа во Христе. Человек, усваивая их, лишь постепенно входит в Царство Божие, по мере развития в себе настроения любви ко Христу. Чем пламеннее кто возлюбил Господа Иисуса Христа, тем более имеет оснований на ношение имени «сына Царствия» (ср. [Мф.8:12](#)) Христова, поскольку «Христос, Который всегда в нас обитает... и мы в Нем пребываем ([Ин.15:4](#)), и есть Царствие Божие».

Ради единения членов Церкви друг с другом во Христе все единство их также представляет Царство Божие, сплоченное цементом благодатствованной любви их. Это необъятно великое Царство Божие организовано в Тело Церкви, и, по апостолу, из Главы Христа каждый член Его получает единообразное «приращение для созидания самого себя в любви» ([Еф.4:16](#)).

На земле церковное общество носит сияние славы Божией сокрытым «в глиняных сосудах» ([2Кор.4:7](#)) телесности. На небе же, вне телесной оболочки, оно разливается по всему существу благодатствованных. Явно [же] облистает оно некогда одухотворенные тела всех без исключения истинных сынов Церкви [во всеобщем] воскресении.

О чаянии в Церкви наступления Царства славы во вселенской широте после всеобщего воскресения мертвых скажем ниже.

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ И ВЕЧНАЯ СМЕРТЬ

Взаимоотношения Царства Божия на земле и на небе. – Христианская кончина в настроении любви. – Неприступность для демонов христианских душ по разлучении тех с телом в состоянии богоозарения. – Догмат Церкви о воскресении мертвых. – Связь его с законом мировой любви. – Встреча праведными в воздушных сферах Господа Судии, грядущего для Суда над миром. – Страшный Суд. – Явление на нем славы любви Божией во святых. – Завершительный приговор Господа Судии над любящими Бога и носителями закоснелого самолюбия. – Вечная жизнь и вечная смерть по окончании Страшного Суда в разумно-свободных существах. – Начало вечной жизни любви на земле. – Раскрытие ее за гробом. – Рай и небо. – Вечная смерть но ее существу. – Явление ее на земле. – Черты вечной смерти в загробной области бытия. – Местоположение ада. – Возможность вечных мучений по рассудочным домыслам и их сокровенные основания в состоянии человеческой свободы. – Заключение к первой части исследования Божественной любви.

ЧАЮ ВОСКРЕСЕНИЯ МЕРТВЫХ, И ЖИЗНИ БУДУЩАГО ВЕКА. АМИНЬ. 1-й и 12-й члены Символа веры

Царство Божие в земной и Небесной частях Христовой Церкви едино уже в том отношении, что оно и на земле, и на небе **Божие**, благодатное. Между земной и Небесной формами жизни носителей Царства Божия неразрывной связью служит их настроение однородной любви. На земле любовь находится в стадии более или менее развивающегося семени, на небе вступает в полосу вечного раскрытия, по слову апостола: «Любовь никогда не перестает» (1Кор.13:8). Поэтому для христианина, «одетого в доспехи Божественной любви», совершенно естественно преставление от настоящего благодатного осияния в Церкви к невечернему и незаходимому озарению. Он от приближения и вхождения в область Божественного переходит к «нахождению Источника благ», от разобщения со всяким вещественным желанием – ко «всецелому присвоению Христу» за гранью гроба. Разлучаясь с телом, он, выражаясь церковно-богослужебным языком, «как порфиру несет в горнее Царство любовь и совершенное милосердие» и незлобие.

Так, о предсмертных часах известного русского аскета святителя Игнатия (Брянчанинова) передают, что их угасающий старец проводил в одушевлении необыкновенной милостью ко всем и жалостью. Состояние духа другого русского подвижника, Валаамского игумена Ионафана († 20 января 1891 года), излилось пред его кончиною в такой речи к валаамским инокам: «Молю вас, возлюбленная моя чада, всех и каждого, – говорит здесь приснопамятный игумен, – покройте мои великие недостатки вашею любовью. И Бог любви и милосердия за ваши усердные молитвы подаст мне отраду и милость. Во всю жизнь мою в обители я любил Валаам, любил и каждого из вас по мере моих сил и разумения. От всей души старался я о спасении каждого сына обители. Но я был человек простой, грубый, необразованный. Очень естественно, что искренняя моя

любовь к вам иногда не находила себе приличных внешних выражений. Молю вас, будьте ко мне снисходительны. Простите меня. Прошу: храните послушание, веру и любовь к настоящему и взаимное братское единомыслие и согласие. Не ищите каждый своего “я”, себялюбия».

Обилие христианской любви при кончине чрезвычайно важно. Оно (1) выражает живое общение умирающего с Богом и (2) неприступность его [т.е. умирающего] для демонов по причине настроения любви.

Глава 1

На исполненной любви душе, по словам святых отцов, «восседает неизреченная красота славы света Христа от Его лица... Сам Христос и носим бывает (такую) душою, и водит ее». Ей радостен названный свет вследствие ее утверждения в добре и преодоления жестокости самолюбия. И Господь в благодатном осиянии подобных душ сообразуется с их «верой к Нему, соблюдением (ими) заповедей и любовью (их) ко всем. И это-то будет во (всякой) душе признаком и пометкою, когда изыдет она из тела. "По тому, говорит, разумеют все, что вы Мои ученики, если любовь имеете между собою» (ср. Ин.13:35)». Все христиане, «умирающие в Господе, без сомнения, уготовляют Господу в себе обитель любовь к Нему... В след душ их ходят дела любви к Богу и ближнему». А телом они до времени упокоиваются в могиле, как в колыбели. Благодать любви делает их преставление радостным. Она-то налагала печать тихого мира и радости на древние христианские катакомбы, где большей частью покоились тела святых мучеников. Она же обвеивает привлекательностью кладбища христиан и позднейших веков бытия Церкви, вплоть до нашего времени. По умершим с благодатною любовью ко Господу действительно «не траур надо надевать, а праздничные наряды, и не заунывные песни петь, а служить благодарный молебен».

Глава 2

Душа каждого из них, образываемая любовью Божиею, в час разрешения от тела бывает **окрылена** этим утешительным настроением. «Имея в любви полное, без всякого недостатка, исполнение закона, она с Ангелами мира несется выше всех темных полчищ». «Враги наши, на ком увидят напечатленным этот знак любви, от тех отступят со страхом. Все же сонмы Ангелов восприветствуют их». Земная Церковь эту тайну действия любви в христианах иносказательно изображает возжжением свечей на гробах усопших. Свечи на гробах и означают Божественную неприступность для бесов лиц, удостоенных светоозарения за полноту любви к Богу и в таком состоянии отшедших ко Господу. Обоснование данного положения имеется между прочим у митрополита Московского Филарета. По его мысли, наш земной мир «по дару творения и благодати искупления пронцаем благодатною светлою атмосферою неба, но в силу повреждения грехом он не совсем заперт для расширившейся в нем темной атмосферы ада. Облагодатствованные души по исходе из тела отражают эту атмосферу вселившимся в них благодатным светом. Они, не ощущая нападок темной силы, беспрепятственно идут на небо. К душам же менее очищенным и менее просвещенным она приражается. И вот – мытарства».

Богоозарение, почивающее на усовершившихся подвигом любви, важно для каждого усопшего не только в час кончины, но и при (а) **всеобщем воскресении мертвых** и (б) **во время Страшного Суда**.

а) Нужно заметить, что догмат Церкви о воскресении мертвых и сам по себе опирается на учение о действии закона любви как в Боге, так и в человечестве. Бог и Творец мира, подчинив закону любви все мировое бытие и внесши сюда непрерывную связность причин и следствий, некогда воскресит все человечество ради "Первенца из мертвых – Христа" (ср. 1Кор.15:23) – и во исполнение того же единства мировой любви. Подобно тому как падение первого человека, этого малого мира

и носителя первооснов мирового бытия, в целом повлекло за собой падение всего земного мира, так воскресение из мертвых воплотившегося Сына Божия, воспринявшего в Себя весь мир в малом виде, прострется на все человечество во имя мирового порядка всеединой любви. Разница воскресения праведных и грешных при этом будет лишь в том, что Божественная сила воскресения коснется животворно одной телесности всех людей, а самой свободы и направления любви лично у каждого человека не затронет. Подтверждение тому находим в ясных словах Писания.

«Наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия... и, услышавши, оживут. И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения» (ср. [Ин.5:28, 25, 29](#)). «Если мы веруем, что Христос умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним» ([1Сол.4:14](#)). Когда же «Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, тогда-то вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» ([1Сол.4:16–17](#)).

Восхищение к небу, навстречу Господу, всех воскресших христолюбцев будет представлять чудное зрелище. Бесчисленное количество их, похожее на собрание лучезарных светильников, силою Божиею поднимется от земли и на облаках понесется вверх. «Быстрота движения... любящих Господа будет соответствовать неудержимому **желанию** их быть с Ним... Господь сойдет с неба взять Своих; а они потекут с земли в сретение Ему, как девы в притче ([Мф.25:1–6](#)). Место сретения только и возможно на воздухе, наверху, при переходе в Небесные жилища ([Деян.1:9](#)). Но здесь только встретятся, а не пребудут. С Господом – будут, но не на воздухе, а там, где Он. Он – одесную Отца, а они окрест Него... Встретившись с Господом, став близ лицом к лицу, в блаженном обращении уже не разлучимся с Ним». Нечто подобное наблюдается в семейном быту. Когда возвращается из путешествия какой-либо нежный отец, дети и домашние выезжают к нему навстречу,

чтобы видеть и приветствовать его. Так и мы понесемся на колеснице Небесного Отца. Как Господь на облаках вознесся на небо, так и мы на небе встретим Сходящего с его кругов.

б) Целью второго Пришествия Господа Судии на землю будет (1) явление пред всем миром славы любви Его во святых и (2) произнесение конечного приговора над всеми людьми, избравшими себе в наследие или жизнь любви, или смерть самолюбия. Об этом в Библии читаем:

«Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира»... Тогда скажет и тем, которые по левую сторону Его: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его». И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (ср. Мф.25:31–34, 41, 46). «Готовится венец правды... всем возлюбившим явление Господа» (ср. 2Тим.4:8). «Грядет Бог, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядующий» (ср. Пс.49:3), «за Ним, возгораясь, – пламень» (ср. Иоил.2:3). «Престол Его – пламень огненный, колеса Его – огонь палящий» (ср. Дан.7:9–10). Господь Иисус «в пламенеющем огне совершает отмщение не познавшим Бога и не покоряющимся благовествованию. Они подвергнутся наказанию в вечной гибели от лица Господа и от славы могущества Его» (ср. 2Сол.1:8, 9).

1) На основании приведенных библейских изречений можно выразуметь то, что качество душ подсудимых на Страшном Суде Христовом изоблится действием богоосияния Судии. Оно, проникая чрез прозрачные тела праведных и их просвещая, тем отобразит твердость самоотверженной душевной любви их к Богу и людям (Мф.13:43). Наоборот, его отсутствие в грешных и оттого телесная их омраченность выявит сложившееся в них самолюбие. «Пламя любви Божией и разлучит праведников с нечестивыми» в день Суда. Оно

поставит обвинителем у каждого подсудимого, свидетелем его памяти – совесть, осудителем – разум его. Тогда грешные вострепещут от подобных условий судопроизводства Божия, а праведные ими будут приведены в блаженное обрадование. Отвержение на Страшном Суде грешников «совершится будто мимоходом... Все же внимание Господа будет обращено на то, чтобы удивить милость Свою в прославлении верных Своих... Их слава будет часть некая славы Божией – Божеская слава». По единообразности неизреченного воссияния они соделаются богами, соединенными любовью со Всевышним Богом – Судией мира.

Прекрасное замечание, применительное к этой мысли, высказывает второй канон на Преображение Господне в словах: «На Фаворе Ты неизъяснимо воссиял пред апостолами с тем, чтобы ясно показать Твое неизреченное второе Пришествие, как Ты явишься Всевышним Богом, стоящим среди богов». Восседая на престоле Суда, Господь покажет, какую благодатную силу носят в себе святые на земле, какую духовную славою облечены души их под покровом брэнного тела и неслетлого внешнего положения. Что теперь сокрыто, то тогда явлено будет всем. Господь облечет их славою, какую Сам облечен. Тогда пред всеми воссияет свет славы благодати Божией и явно будет, какие совершенства кто стяжал трудами на земле и в каких проявляется Божеская слава. «Ибо слава та не внешне будет одевать их, а проторгаться изнутри, из тех святых качеств, какие составляют строй души их». Другими словами, она изойдет из настроения самоотречной любви, одушевляющей праведные сердца.

Соответственно сказанному Страшный день Господень называется днем Суда не потому, что в нем имеет быть суд. Но Господь наш Иисус Христос имеет тогда воссиять сиянием Божества. Он все исполнит светом Своим и станет для святых Своих днем невечерним, а для грешников – совершенно неприступным. «Явление Божества Его **бывает судом** для тех, кому являемо бывает. ...Если бы Божество явилось кому когда без веры (того), то будет **страшно и трепетно**. Ибо в таком случае Оно не просвещает, а мучит, сожигает... Для тех, которые

показывают достойное покаяние и начинают исполнять заповеди Господни с верою, страхом и трепетом, благодать Святого Духа бывает зримою. Она сама собою производит в них Суд, какой имеет быть, или бывает для них днем **Божественного Суда**. Кто всегда освещается благодатию, тот... видит тонкочастно все дела свои!.. При этом он судится и воссуждается Божественным огнем... мало-помалу крещается (им) весь... и становится весь чистым. Таковой не будет уже судим на будущем Суде, не обличается тем светом, потому что осветился им здесь прежде. (Он) не войдет в тот огонь, чтобы быть жегомым вечно, потому что вошел в него здесь прежде и был судим. (Таковой) и думать не будет, что тогда только явился день Господень, потому что давно уже стал весь днем светлым... День Господень... внезапно откроется для тех (одних), которые находятся во тьме страстей... и любят блага мира сего. Для них он явится вдруг и покажется им страшным, как огонь нестерпимый и невыносимый. Огонь этот явится не весь духовно, но, как бы сказать, бестелесно-телесно».

Лица, «не ставшие сами светом», на Суде Христовом «окажутся обнаженными, придут в великий страх и трепет, в великую отовсюду тесноту... Каждое дело доброе и худое, каждое слово и каждый помысл наш, со времени рождения до смерти, – все, собравшись, будут тогда явны во всяком человеке... Какое другое мучение может быть больше того стыда и страха, каким будут поражены тогда находящиеся ныне во тьме и не просвещенные Духом Святым!».

2) Разделение на всемирном Суде праведных и грешных Судиею будет произведено не просто по светоозарению и омрачению тех и других. Нет, сама по себе степень богоозаренности покажет меру развития их в любви к Богу и ближним и предопределит левую или правую сторону их поставления. Признак той или иной зрелости в самоотверженной любви, приложимый одинаково к лицам всех национальностей и к представителям всех народов, как нераздельно великой семьи Его, и избрал Господь в главное и всеобщее основание к изнесению Своего окончательного приговора над всякой человеческой личностью. Упомянутый

приговор на Страшном Суде, даже в форме чистого правосудного воздаяния, не изменяет в Боге лика пламенно любящего Отца. И в конечном приговоре над праведными и грешными Бог не перестает быть существенно неизменною **любовию**. Если бы Он не ставил границы злу и не сдерживал необузданности самолюбия, то Его любовь, равнодушная к свойствам человеческого настроения и деятельности, не была бы совершенством. Сверх того, конечное определение человеческих судеб на Страшном Суде прежде объявления их Господними устами каждому подсудимому начертывается собственной волей каждого и буквами личных греховных навыков и дел. А Праведный Судия со скорбью уступает свободному избранию людьми началом жизни самолюбия. В земном бытии людей Он всеми способами промыслительно заграждает им такое падение вниз, в круг бытия низшего и худшего. На Страшном же Суде уже судит. Переживание грешными чувства грозности и беспредельности силы, карающей их в лице Господа Судии, возникает от добровольного их погрязания в страстях. «Но То же Самое Лицо и Та же Самая Сила будет разливать (во второе Пришествие) неизъяснимую отраду в сердцах всех, пребывших верными вере» и действовавших любовью (Гал.5:6).

За Страшным Судом для человечества наступит бесконечная блаженная жизнь будущего века, а для отпадших от Бога тою же свободой – вечная мучительная смерть. Содержание вечной жизни состоит в бесконечном развитии благодатной самоотверженной любви, а содержание вечной смерти – в развитии самозамкнутого от Бога самолюбия. Оба эти положения рассмотрим ближайшим образом.

О вечной жизни в любви Библия и Церковь согласно учат так. (I) **Ее начало с помощью благодати Божией полагается человеком еще на земле.** (II) **За гробом она лишь полнее и беспрепятственнее раскроется в тождественном своем содержании.**

Раздел I

Библейское учение о начале вечной любвеобильной жизни на земле высказывается, например, в таких изречениях.

«Сия есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (ср. [Ин.17:3](#)). «Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» ([Ин.3:36](#)). «Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» ([Ин.5:24](#)). «Вы не хотите придти ко Мне, чтобы иметь жизнь» ([Ин.5:40](#)). «Вода, которую Я дам, сделается в пьющем источником воды, текущей в жизнь вечную» (ср. [Ин.4:14](#)). «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную» ([Ин.6:54](#)). «Мы перешли из смерти в жизнь, потому что **любим** братьев... Всякий ненавидящий брата... не имеет жизни вечной, в нем пребывающей» ([1Ин.3:14–15](#)). «Наша жизнь на небесах уже есть» (ср. [Флп.3:20](#)). «Благодать воцарилась через праведность к жизни вечной» ([Рим.5:21](#)).

Содержание вечной жизни на земле в любви отметил Сам Спаситель. На вопрос книжника: «что делать мне, чтобы наследовать жизнь вечную? – Он ответил: **возлюби** Господа... и ближнего» (ср. [Лк.10:25, 27](#)). «Хорошо и приятно жить братьям вместе, ибо в этом Господь обещал вечную жизнь», – повторяет за Спасителем и Церковь в одном богослужебном песнопении.

Продумывая изложенные выше библейские воззрения на сущность вечной жизни в нашем временном бытии, находим, что признаками ее раскрытия во всякой человеческой личности служат: изглаждение здесь всякого своекорыстия, своеволия и вообще самолюбия, посвящение себя богоугождению и чрез то непрерывное умножение в себе благодатных Божиих впечатлений, воспламеняющих истинную любовь. Исполненное любви благодатное единение с Богом и ближними составляет самую основу вечной жизни.

О таком содержании вечной жизни на земле говорят святые отцы и учителя Церкви. По их словам, еще здесь «пребывающие в мире Христовом и в любви Духа перешли от смерти в жизнь». Всякий из них, «облекшийся в одежды неизреченного света, подлинно живет вечной жизнью». «Любовь

– самая жизнь, ибо она есть единение с Богом» в противоположность «смерти – удалению от Бога. Если же жизнь есть сила, то что движет истинно живых людей, как не самая любовь, которая легко выводит их из самих себя и оказывается сильнее жизни? Жизнь не позволяет живущему умереть. А это и есть любовь. Ибо одной любви достаточно будет для жизни будущей во Иисусе Христе». По сильной любви «нет ничего несообразного узнать чад Живого Бога. В них благоговение пред Живым Богом и любовь к Нему служат очевидным указанием того, что они живы по причине любви».

Библейское и святоотеческое воззрение на сущность вечной жизни в настоящей форме нашего бытия повторяется буквально церковно-богослужебными книгами. Они изображают вечную жизнь именно как общение с Богом во Христе и непрерывное пребывание в добре и истине. Достаточно в виде иллюстрации обратить внимание хотя бы на такие, нередко повторяемые в храмах, богослужебные молитвенные выражения: «Причащается раб Божий... в жизнь вечную»; «призови, Господи, оглашенных в жизнь вечную»; «верою и любовью приступим, да будем причастниками вечной жизни»; «мы празднуем начало иного – вечного жития» и др.

Обобщение библейских, святоотеческих и церковно-богослужебных мыслей о вечной жизни приводит к бесспорному выводу, что земная жизнь есть время и место вступления христианина в вечную жизнь любви. Последняя за гробом расцветает лишь удобнее и полнее, чем на земле. «Бесконечно проявляющееся бытие любви» и «вечная жизнь» суть равнозначные понятия. Они применимы к человеческому существованию – настоящему и будущему. Состояние благодатно любящих на земле **вечно** по своему выходу из закона временных отношений и в своей вечности заметнее более у лиц высоко облагодатствованных. Переживания духовно совершенными лицами союза с Богом и людьми столь сильны, что не знают дробления на временные моменты и сливаются в одну сверхвременную беспредельность. Остальные же христиане, чуждые высоких благодатных ощущений любви, но неустанно борющиеся со страстями,

обладают нераскрытым явно зачатком вечной жизни. Им приходится более водиться верою в **вечность** любви на основании чувства бессмертия души своей и Богооткровенного учения о беспредельном бытии Бога. Блаженными или несчастными по смерти нас делает раскрытое или нераскрытое здесь настроение бесконечной святой любви. Вечное блаженство обнимается на земле самыми любвеобильными переживаниями, будучи неотделимо от них. «Чем ближе мы душою (к Богу) и друг к другу, тем ближе мы к Царству Небесному. Чем мы способнее (здесь) жить в любви со всеми, тем мы способнее к вечному блаженству... и райской жизни».

На небе люди просвещаются лучами того же Трисиянного Света любви, только непрерывнее и лучше.

Раздел II

В связи с этим апостол Павел писал некогда ученику своему Тимофею: «Богатых увещевай, чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни» (ср. 1Тим.6:17–19).

Существенное единство содержания вечной жизни на небе, сравнительно с земною, определяется в Писании такими словами:

«Бог Царство обещал любящим Его» (ср. Иак.2:5). «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог **любящим** Его" (1Кор.2:9). «Любящие имя Бога будут поселяться на Сионе» (ср. Пс.68:37). «Верные в любви пребудут у Него» (то есть у Господа) (Прем.3:9). «Я верую, что увижу благость Господа на земле живых» (Пс.26:13). «Вот, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними. Они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их» (ср. Апок.21:3).

Чем сильнее и чище человеческая любовь к Богу на земле, тем выше будет в связи с ней блаженство на небе. Удостоившихся здесь развития Божественной любви Христос обещает увенчать на небе «превышающими слово дарами...

световодя их во всем нужном и неизреченными некими светочами в умах их являясь и открывая им Себя».

Нынешняя «любовь есть предвкушение вечной жизни, в которой одна только будет любовь другу к другу». По настоящему взаимному любвеобилию христиан, например в Пасху, отчасти можно гадательно проразумевать, какова любовь на небе. Там «рай и древо жизни есть любовь Божия... Обретшие любовь на земле питаются небесным хлебом – Христом (Ин.6:33), хлебом любви. Любви же вкусят и в Царстве Христовом (Лк.22:30)». Там «Сам Христос Бог будет вкушаем и прием... будет видим всеми, и Сам будет видеть все бесчисленные мириады святых, ни с кого глаз не спуская... Каждому из святых будет казаться, что Христос на него смотрит, беседует с ним и приветствует его». Райская любовь и есть евангельский брак душ со Христом (Мф.22:1–9), «разумение Сущего... созерцание первообразов вещей», «ощущение по умному действию Святого Духа» вследствие «видения во свете Господа».

Если райское видение Бога во Христе переживается каждым блаженствующим по мере «озарения единым мысленным Солнцем», то «благоволение любви любимого Господа и любовь, дышащая любимым Господом, – это и есть рай» в смысле содержания жизни его обитателей. Короче, «рай есть Божественная любовь» и Царство.

Узы любвеобилия в горней области между святыми Божиими угодниками и Ангелами налагают на их взаимообщение печать особого дружества. Оттого и пророк в объяснении связи на небе человеческого естества с Ангелами говорит: "Хвалите Господа на звучных кимвалах» (ср. Пс.150:5). «Один кимвал есть премирное естество Ангелов, а другой кимвал – разумная тварь (из людей). Человеколюбие Божие обалика снова сопряжет между собою воедино, и они возгласят победную песнь». Причина же пения – возвышеннейшая радость любви всех в Царстве невещественного света. Там все «объемлются сладчайшею любовью и, осияваемые светом Божиим, восхищаются в радость неизреченную».

«Ищущим света Бог наперед приготовил свет, желаемый ими», чтобы в силе его они виделись, объятые любовью и говорили от любви. Это есть подлинное "видение в себе и вне себя благодати Господа» (Пс.26:13).

Неравномерность совершенства в любви небожителей будет причиной их неодинакового райского блаженства. Там «Господь всяческих каждому по мере сил его, как бы в малое отверстие, показывает красоту сокровенного существа Своего... Его сияние с любовью озаряет всякого: малого – слабым мерцанием, совершенного – лучами света... В какой степени очистил кто здесь око свое, в такой и там возможет созерцать славу». «Для низших Бог назначил низшую часть рая, для средних – среднюю, а для высших – самую высшую». Различие нравов у граждан горнего Божиего мира облекает их славою соответственно произволению – «подобно солнцу, луне, подобно светлости самых блистательных звезд и менее светлых», только вообще световидно.

Ликование в горнем мире святых и Ангелов, при всем различии их благодатной восприимлемости, проистекает от одинакового стремления к высшему познанию Бога во Христе любовью и от переживания любви на молитве при свойственных Небесному гражданству богопреданных действиях.

Говоря о содержании вечной жизни и блаженства, Библия, святые отцы и учителя Церкви приурочивают раскрытие его к определенному пространственному месту во вселенной. Место вечного соприсутствия Божия святым и Ангелам в загробной области называется в Писании то раем, то небом (см., напр.: Лк.23:43; Мк.16:19).

Слово «рай», однозначное санскритскому «ра» – «свет, огонь», включает в себе мысль о богоозаренности обители праведных, известной под упомянутым именем. Епископ Игнатий (Брянчанинов) в своем знаменитом «Слове о смерти» достаточно убедительно показал, что, судя по библейским, богослужебным, святоотеческим свидетельствам и житийным сказаниям, рай есть низшая обитель неба, расположенная на востоке. Изречение книги Бытия о поставлении на востоке у

Едемского сада Херувима – хранителя пути к древу жизни (Быт.3:24) и церковно-богослужебное утверждение об отступлении Херувима от едемских врат после Христовой крестной Жертвы ясно говорят, что первобытный рай не исчезал в волнах Всемирного потопа как находящийся в надземной области.

По словам преподобного Григория Синаита, «рай – двоякий: чувственный и мысленный, Едемский и благодатный. Едем – место, в коем Богом насаждены всякого рода благовонные растения. Он – ни совершенно нетленен, ни совсем тленен. Поставленный среди тления и нетления, он всегда обилен плодами и цветущ цветами. Падающие (в нем) деревья и плоды зрелые превращаются в благовонную землю, не издающую запаха тления, как деревья мира сего. Это – от преизобилия благодати освящения, всегда там разливающейся». «Земной рай, в котором обитал Адам на востоке, – выше всей земли. Он и ныне цел и неразрушен. Кроме него, Богом созданы в упоение душ праведных и другие пресветлейшие места, более близкие к Небесной славе и высоте, ибо в Евангелии говорится: «Многи обители суть у Отца Небесного» (ср. Ин.14:2). Не все праведные по разлучении с телом тотчас приняты бывают на небеса... Души праведные с недостатком в совершенной правде отделяются от Небесного Царства некими обителями. Исшедшие же из плотских уз в совершенной правде тотчас же приемлются в Небесные селения».

По поводу описанной выше точки зрения на местоположение рая и неба следует сказать, что она наиболее тверда и основательна из всех святоотеческих мнений по данному вопросу. В связи с нею рай должно представлять областью менее светоозаренной Богом, чем небо. Но и в раю, и на небесах – светлых, светлейших и пресветлейших – действует закон любви к Богу и ближним. И собственно там «Святая Любовь, соединяясь с любителями Своими, осиявает их обильно и делает бесстрастными». Состоянию вечной жизни любви в земной и загробной областях мироздания, как известно, совершенно противоположно состояние вечной смерти,

присущее некоторым разумно-свободным существам на земле и за гробом.

Что такое (А) вечная смерть, (Б) как она являет себя на земле и (В) на небе и (Г) каково обиталище за гробом подверженных вечной смерти – об этом ясные ответы находим в Библии и ее святоотеческих и церковно-богослужебных толкованиях.

А

Определение вечной смерти со стороны ее содержания дают, например, следующие изречения Писания:

«Не любящий брата пребывает в смерти. Всякий ненавидящий брата своего... не имеет жизни вечной, в нем пребывающей» (1Ин.3:14–15). «Помышления плотские суть смерть и вражда против Бога, ибо закону Божию не покоряются, да и не могут. Если живете по плоти, то умрете» (ср. Рим.8:6–7, 13). У рабов греха «такие дела, каких конец – смерть» (ср. Рим.6:20–21). Вы «были мертвы во грехах» (Кол.2:13). «Посему сказано: «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос»» (Еф.5:14).

Соответственно этим богооткровенным мыслям, вечная смерть есть свободный разрыв человека с Богом и ближними по самолюбию, боговраждебности и человеконенавистничеству. Описанным направлением своим душа человеческая сама выводит себя из покрова благодати Божией и погружается во тьму богоотчужденности, полную скорби, тоски, отчаяния и ожесточенной злобы. «Если оставите Господа, предостерегает Писание, Он оставит вас» (ср. 2Пар.15:2), и может «оставить навсегда» (ср. 1Пар.28:9). Полное оставление грешника Богом за непримиримое коснение его в боговраждебном настроении и есть **вечность** духовной смерти. «Так как вы оставили Меня, – говорит Господь упорным богоборцам, – то и Я оставлю вас. Просящих у Меня милости не помилую». «Вы как бы не Меня оставили, а вас самих» (3Ездр.1:27). «Отыметесь рвение Мое от вас, и почию, и ктому не попекуся» (ср. Иез.16:42), «оставлю вас упорству сердца, ходите по своим помыслам» (ср. Пс.80:13). Так «удаляющие себя от Бога погибнут» (ср. Пс.72:27).

Б

В условиях земного бытия, при удалении любви от Бога и ближних, в воле человека себялюбивые влечения преодолевают самоотверженные. Утверждение такого перевеса многократными грехопадениями в угоду страстям коренным образом извращает жизнь человеческой природы. Она постепенно умирает для истинной любви. В ней появляются зачатки (а) **гееннского огня** и (б) **мучений**, наподобие грызения неумирающим червем, и (в) **внутренней тьмы**.

а) Каждый наш грех, умаляющий доброту наших расположений, есть, можно сказать, своего рода огонь. Библия и Церковь давно узаконили учение об огнеобразной действительности страстей самолюбия в людях. По словам Библии, грешники чрез «коварство делают сердце свое подобным печи: горят, как пылающий огонь, распаляются, как печь, растопленная пекарем» (ср. Ос.7:6,4). При озлоблении они носят в себе «печь злобы» (Притч.16:30). За то, восклицает псалмопевец, во «время гнева Твоего, Господи, Ты сделал их, как печь огненную. Во гневе Своем Господь погубит их, и пожрет их огонь» (ср. Пс.20:10).

Церковно-богослужебные книги, следуя библейским воззрениям на пламенный и воспламеняющий характер страстности, также употребляют подобного рода выражения хотя бы в таких молитвенных воззваниях:

«Господи! Восстанови мою душу, разжигаемую и палимую похотениями». «Богородица! Во мне возгорелись угли моих страстей», ибо «по семи раз седмикратно лукавый страстями разжег во мне пламень». «Душа! Ты возжгла гееннский огонь, в котором имеешь сожигаться». «Бегай воспламенения всяким грехом, бегай пламени всякого животного стремления». «Огонь моего греха образует во мне пламень более гееннского».

В истолкование библейских и церковно-богослужебных взглядов на природу греха святые отцы, учителя и пастыри Церкви говорят:

«Страсти суть горящий огненный пламень», «клокочущий в членах». «Насколько отымешь вещества, настолько грех угаснет; и насколько прибавишь, настолько он больше

разгорится». Особенно это нужно сказать о сладострастии, как жжении неугасимого огня.

Отсюда ад и самый огонь гееннский не в полноте, а в начатках есть внутри человека, когда в нем живет грех. Этот скрытый огонь непрестанно возжигает в душе его желания к новым грехам и жжет совесть (1Тим.4:2) темным, но всегда мучительным сознанием зла, при особых обстоятельствах разгорающимся в пламя отчаяния. «Для угашения неестественного огня греховного в душе нужны слезы... и скорби покаяния, вода Святого Крещения, осененная Духом, и по Крещении (опять) врачевство покаянных слез». Иначе «чувственное вожделение, в высочайшей степени возбужденное и оставленное без малейшего удовлетворения, должно (вечно) палить, как огонь». Огонь злобы против Бога и святости существует далее и в других страстях, разумею: гордость, корыстолюбие и чревоугодие. Под их влиянием сердце, ищущее изысканных яств, земных приобретений или ненавидящее, «есть ад на земле, пламя гееннское». Говоря вообще, «воля, непокорная Богу, (сама) возжигает в человеке адский огонь и (приготавливает) ему пищу в вечности».

Самопроизвольное возжигание пламени страстей греховными поступками и есть первый вид «сева смерти» людьми на земле. «Как семя тления, так и семя вечной смерти кроется в страстях и самоугодии. Они вносят и в душу, и в тело разъедающий яд» и огонь. Человек, полюбивший страсти, безостановочно влечется ими к чувственному, земному, а для любви Бога и ближних мертвеет или начинает их чуждаться и ненавидеть.

б) Обличительницей нарушения закона любви к Богу и людям время от времени выступает в грехолюбце совесть. Из ее глубины поднимаются иногда грозные и страшно удручающие укоры, напоминающие грызение неусыпающего червя. В упреках совести нельзя не усмотреть боли внутреннего человеческого чувства, отвергшего любовь Всеблагоего Бога и избравшего предметом любви себя или чувственность.

в) Так, чрез грехолюбие падает всякая ревность человека о богоугождении и братской любви к людям и утрачивается самое

желание жить для Бога и людей. Отсюда замыкание в себя и злость становятся обычным состоянием самолюбивой личности. «Злая воля его делается тьмою кромешною, где нет Бога», где «полное отсутствие любви к другим... Самость же сама себя пожирает и терзает», находясь во власти непрерывно текущего, страстного томления и удовлетворения страстям.

В

Переход человека с резко выраженным себялюбием в загробную область бывает причиной загробной муки его (а) **жгучей**, (б) **язвительной** и (в) **омрачающей**. За гробом страшнее всего огненные муки за отрицание Божественной любви и озлобление против Бога.

а) Бог – неизменяемая любовь. Переломы в свободе избрания волей предметов любви свойственны одним людям и отчасти бесплотным духам потому, что у них богоутвержденность свободы для любви есть еще нечто искомое и предмет подвига. Но у Бога нет и тени изменения в любви. Божественная любовь не разобщает Себя и с адом, как об этом ясно говорят слова Писания: «О, дабы во аде меня сохранил» Бог (ср. Иов.14:13). «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? если сойду во ад, Ты там» (ср. Пс.138:7–8).

«Мучимые в геенне как раз поражаются бичом любви. И как горько и жестоко это мучение... Печаль, поражающая сердце за грех против любви, страшнее всякого возможного наказания. Отсюда мысль, что грешники в геенне лишаются любви Божией, неуместна. Любовь есть порождение ведения истины, которое дается всем вообще. Но силою своею любовь действует двояко: она мучит грешников раскаянием... и веселит собою соблюдавших долг свой.

Нераскаянным грешникам «нет никакой пользы от человеколюбия Божия, потому что нравами они далеко отстоят от сродства с человеколюбием». Их постольку «не щадит око Божие и не милует» (ср. Иез.7:9), поскольку никто из них «не обращает взора к лучшему, а все наклонны к худшему». «С жестокостью несоединима и капля милосердия... Уважал ты жестокость – имей при себе, что любил». «Не допускавшие в

сердце свое любви будут преданы на мучение жестокое» от собственных их страстей. И страсти свяжут их узами «не из железа, но **из огня, никогда не угасающего**». Совместное пребывание во аде миллионов душ, опаляемых своими страстями, какой даст океан огня и пламени! И вот стихия, в которой будут обитать духи и души отверженные. Геенна и ад заключаются в грехе, как дерево в семени. Огонь страстей, обычно на земле связанный многими узами, однако же и теперь иногда «бывает как яростен, что иные не могут его перенести и умирают, как от удара молнии... Им растлевается весь состав человека... любострастного, завистливого и скупого». Во аде же разжжение пламени страстности достигает неопишуемой силы и жгучести. Там каждому самолюбцу злобному самая злоба его есть биение и адское мучение. Он и сам себя ненавидеть будет, сам на себя гневаться, сам собою мерзеть, гнушаться будет, самого себя окаявать, осуждать, проклинать час зачатия, рождения, время и случаи ко греху, проклинать будет лиц, которые ко греху подавали случаи.

б) Вечное горение грешников после Страшного Суда в огне неудержимых, ненасыщаемых и неудовлетворенных страстных навыков осложняется адскими угрызениями совести за греховно прожитую жизнь и пренебрежение закона Божественной любви. Непрерывно созерцая личные нераскаянные грехопадения и опаляясь огнем страстей, всякая содержащая во аде «душа уже и самой себя узнать не может». От невыразимой болезни и тоски грешник там «скрежещет зубами», безутешно сожалеет о допущенных на земле грехах и бесплодно раскаивается с плачем и мучительным стенанием. У особенно погрязших в богоненавистничестве и вражде к людям страдание за гробом превращается в какое-то самораздираение от ненависти к Богу, людям и лично к себе. Претерпевание ими мук бывает «до последней меры терпения – такой, что если еще немного прибавить, то все естество разлетится в прах».

в) Грешные души во аде вне благодати. Для них наступает тьма, прежде всего внутренняя, выражающаяся непостижимой безутешностью и тоскливостью до ужаса отчаяния. Омраченные внутренне жаждою независимости от Бога, они получают

излюбленную ими ужасную, противоестественную свободу и погружаются всецело во тьму озлобления против всего в мире.

Г

За описанным душевным страданием адских узников после Страшного Суда имеет последовать и телесное их страдание в одухотворенной плоти воскресения. Именно они и телом будут мучиться в вещественном огне, проходящем в душе (Мк.9:43), будут терзаемы чувственным «червем неумирающим» (ср. Мк.9:46, 48) и окружаемы «тьмою внешнею» (Мф.8:12, 22:13, 25:30).

О мраке в месте мучения грешных говорит самое имя его – «ад», что по переводу с греческого языка (ᾍδης) значит «место, лишенное света». Пространственно ад, как полагают, находится где-то вне этого мира, в низшей области мироздания. Священное Писание местоположение ада связывает «со внутренностью земли».

Все раскрытое выше о рае, аде, вечной жизни и вечной смерти, по видимости, ставит христианское сознание пред зрелищем какой-то двойственности добра и зла. Ориген для примирения этой мысли Писания с требованиями своего сердца высказывал было взгляд о конечном возвращении всех разумно-свободных тварей к Богу, да «будет Бог все во всем» (1Кор.15:28). Но Святая Церковь решительно осудила Оригенову точку зрения.

По общецерковному мнению, основывающемуся на Священном Писании (Мф.25:46), злые духи и закоснелые во зле грешники сами не пожелают вступить в Царство вечной Христовой любви и предпочтут богоотчуждение радостному единению с Богом. И рассудочно можно допустить, что некоторые люди и духи злобные «так и не захотят отказаться от своей гордости, от своего себялюбия, от своих мечтаний и полюбить просто и смиренно чистого и смиренного Христа». Свобода людей может ожесточиться на зло до того, что ни за что не согласится отречься от него, даже зная, что в этом ее пагуба. Пример – сатана. Может осатаниться и человеческая свобода. Сколько примеров нераскаявшихся грешников? В рай злых принять нельзя, а измениться они не хотят. И на

мытарствах под влиянием бесовских козней пропитанная страстями душа усопшего «сама бросается в ад». Вырвавшись от небожителей, она «как вихрь несется к тем духам, с которыми имеет одинаковые свойства».

Следовательно, не вечная Любовь – Бог – мучит во аде грешных, но собственный их грех, злонравие, самость. А «Бог смерти не сотворил» (ср. Прем.1:13). Он есть лишь Бог милости и правды, а не Бог мучения. Страдания и смерть естественно следуют из природы греховности и свободы ее избрания человеком. Когда сама по себе свобода не принимает в начало жизни закон самоотверженной любви, тогда принудительные меры к оздоровлению не усваются ею внутренне и ее не исправляют. Наказание и страдание лиц крайне порочных не смягчает, а ожесточает до непримиримой злобы и бешеного богохульства. Со своей стороны, благодать Божия может оставить им одно бытие, которое они произвольно наполняют муками бессильного озлобления.

Учением о жизни будущего века православный Символ веры заканчивает раскрытие основных положений христианского вероучения. Поэтому нам, по выяснении смысла вечной жизни и вечной смерти, остается бросить заключительный взгляд на всю систему догматов, рассмотренных применительно к их жизненному значению. Развернутые нами церковно-библейские суждения о всех догматах христианской веры дают право сделать три основополагающих вывода:

1) Первообразная Божия любовь существенно светозарна, чиста, смиренна и милосердна в Своих мировых обнаружениях.

2) Богоподобная любовь разумно-свободных Божиих созданий проявляет себя тремя качествами: чистотою, смирением и милосердием. Она усвершенствуется под осенением богоосияния.

3) Человеческие природные задатки к самоотверженной любви развиваются сочетанием человеческой свободы с благодатию путем упорного, целожизненного напряжения. Хотя подвижничество христиан идет под содействием благодати, но все же оно, особенно в начале спасительного пути, есть

страдальчество, ибо «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» ([Деян.14:22](#)).

При волевым напряжениям людей к делам любви Сам Бог совершает их спасение. Своим действием Он перерождает всякое человеческое сердце, окаменевшее от самолюбия, и делает его покорным Богу и размягченным любовью, как и Писание говорит: «явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие» ([Ис.40:5](#)).

Часть вторая (нравоучительная). Нравственные понятия христианства в связи с догматами **ПРЕДИСЛОВИЕ** ко второй части

Настоящую часть своего труда мы посвящаем рассмотрению и определению пяти нравственных истин в связи с догматами: **добродетели, греха, спасающей веры, мученичества и воли Божией.**

Слова «грех», «вера», «спасение» буквально повторяются Символом веры. Понятия же «добродетель», «мученичество» и «воля Божия» вытекают из догматов об единстве Божиим, крещении и жизни будущего века.

Как вся система христианских догматов находит свое объединение в учении о Божественной любви, так и средоточие всех нравственно-христианских понятий составляет та же любовь. Под углом зрения Божественной любви можно рассматривать каждую нравственную истину. Такой опыт выяснения смысла указанных выше нравственных понятий и делается нами ниже.

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Значение догматов православной веры о Божием Триединстве и Богосыновстве для правильного понимания существа добродетели. – Совладение содержания добродетели с истинно христианской любовью. – Единосущественность естественно-благодатной христианской любви, лежащей в основании добродетели. – Чистота, смирение и милосердие как три родовых обнаружения любви в добродетели. – Многокачественность единосущной любви христианина. – Образчики святоотеческого построения лестницы видов добродетели из начала любви. – Соотношение частных видов добродетельности с любовью по линии чистоты, смирения и милосердия. – Выводы из учения о Триединстве Божественной любви как содержания христианской добродетели. – Ошибочность представлений о возможности «нравственно безразличного» в жизненных проявлениях христианской свободы. – Существо нравственности и нравственного для христианина в самоотверженной любви к Богу и ближним. – Развитие христианской любви в целом с помощью усовершенствования преимущественно в одном или нескольких видах добродетельности. – Преподобие любви у спасающихся в Церкви и его ступени. – Переход к учению о грехе.

ВЕРУЮ ВО ЕДИНАГО БОГА ОТЦА... И ВО ЕДИНАГО ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА, СЫНА БОЖИЯ... И В ДУХА СВЯТАГО, ГОСПОДА. 1-й, 2-й и 8-й члены Символа веры

Всякое положение христианской нравственности опирается на тот или иной догмат веры как на свою предпосылку. Первое нравственное положение, или понятие, с которым приходится столкнуться при углублении в область христианского нравоучения, есть добродетель.

Определяя догматическую основу этого понятия, следует сказать, что первообраз человеческой, равно и ангельской,

добродетели есть Бог **Троица**. По словам церковных песнопений, «простая и нераздельная Троица» в тождестве хотения действует любовью. В Лице воплотившегося Сына Божия любовь Богочеловечна, то есть обнаруживается как сочетание человеческой природной силы с Божественным незримым светом.

Применительно к учению о любви в Троицином Боге и во Втором Лице Божества, воплотившемся Сыне Божиим, человеческая добродетель должна обладать тремя признаками: а) единосущественностью, б) триединством проявлений и в) двусоставностью, или естественно-благодатностью.

Наконец, если для христианина, живо и ощутительно соединенного всегда с Богом, понятие добра становится в Боге вполне олицетворенным, а Бог есть любовь, то и человеческая добродетель может быть по содержанию только любовью.

Полученные нами нравственные выводы из учения о Боге Троице касательно добродетели легко проверить сопоставлением их с церковно-библейскими, святоотеческими воззрениями на добродетель.

В целях такой проверки шаг за шагом рассмотрим каждый из отмеченных выводов, придерживаясь следующей последовательности: предварительно скажем, что (I) **добродетель есть любовь** (II) **двусоставная**, а отсюда перейдем к опознанию в добродетели (III) **триединства** любви и (IV) **единосущей многокачественности**.

Раздел I

Что добродетель есть добрая деятельность или, что то же, **возлюбление Бога и ближних** от всей души, на это определенно указал Господь Спаситель в Своем ответе законнику на вопрос его: "что мне **делать**, чтобы наследовать жизнь вечную?" (Лк.10:25).

Святые отцы, учителя и пастыри Церкви, развивая своими суждениями Господню мысль о добродетели как о выражении любви, говорят:

«В виде и образе любви возглавляется и исполняется вся добродетель... Как некоторый венец, (любовь) возлежит на всех

добродетелях». Она «корень всякого добра», «по достоинству – первая из всех добродетелей», а по порядку их рождения – «конец добродетелей». Больше того, «нет ни одного вида добродетели, сочетавающей человека с Богом, которая не была бы связана с любовью и от нее не исходила, ею объемлемая и охраняемая».

«Божественная любовь есть начало и источник добродетелей. (Или) она есть добродетель, объемляющая все добродетели». «Сущность человеческой добродетели состоит в том, чтобы сообщаться с Богом волею... Те, кои, преуспевая в добродетели, не ради нее самой любят ее, но... по любви к наградам... те, слишком мало ненавидя сущность греха, не совсем удаляются от него расположением воли». Любовь – «предел доброт... У любви много имен, и дел много, и признаков обилие, и свойств премногое множество. Но существо ее одно и для всех совершенно непостижимо».

«Любовь – душа всех добродетелей» и основа всем им. Где нет души всех добродетелей – любви, там вражда против Бога, «ибо пред высочайшим Благom нет места равнодушию». И «бесстрастия... никакая добродетель не может доставить душе, кроме единой любви» – главы добродетелей. Говоря кратко, лишь «там познание добродетели, где любовь и согласие».

Из сводки общепринятых в Церкви изречений о добродетели, сделанной нами, следует, что простая и единая, как Божество, душа человеческой добродетельности есть любовь. В любви находят свое существенное выражение все добрые расположения и добрые дела всякого человека. Противное любви оскорбляет и христианскую добродетель. Потому добродетель с полным правом можно назвать обнаружением и видимостью любви, как и апостол говорит: «Не любим словом и языком, но **делом** и истиною» (ср. 1Ин.3:18). Любовь – содержание добрых дел, двигатель к их совершению и, сравнительно с деятельными своими воплощениями, бесконечно разностороннее и богаче их. Принимая во внимание отношение добродетели к любви, при последующем выяснении сущности и явлений добродетели в жизни мы вправе прямо говорить о содержании любви, не называя ее добродетелью.

Первоначально коснемся вопроса о двойственности добродетели.

Раздел II

Признаком добродетели, или любви, как отмечено выше, является ее двусоставность, то есть объединение в ней природной способности любить с благодатию любви.

«Добро» и «детель», или богоосияние и восприятие его путем добрых дел, в личности человека сочетаются при подвиге воли. Они – два момента, взаимно привходящих в добродетельное настроение.

Благодатные осияния окрыляют движение человеческой свободы к делам любви. Указание на это можно найти хотя бы в следующих библейских изречениях: «Когда творишь милостыню, то пусть левая твоя рука не знает, что делает правая. И Отец твой, видящий тайное, **воздаст тебе явно**» (ср. Мф.6:3,4). «Господь да исполнит и преисполнит вас любовью друг ко другу и ко всем» (ср. 1Сол.3:12).

Более ясное развитие евангельского и апостольского учения о привхождении в природную любовь человека богоосияния было уже дано в первой части нашего исследования, когда говорилось о единстве Бога по существу и о сочетании человеческой воли с благодатию. Теперь достаточно лишь сказать словами святых отцов, что «в душе есть любовь естественная и есть от Святого Духа. Та, если захотим, приходит в соразмерное движение и от нашей воли... А эта так пламенит душу любовью к Богу, что все части души прилепляются к неизреченной сладости Божественного возлюбления».

Двусоставность человеческой любви нисколько не нарушает ее простоты и органического единства в душевном настроении. Напротив, благодать Божия, изливаясь на человека, творит в нем простую настроенность этого рода.

Раздел III

Единая в себе, добродетель, или любовь наша, троична по своим родовым проявлениям. И в этом отношении она определяется самым главным догматом христианства о Троице-едином Боге. Как Бог мировые действия Своей любви направляет к воспитанию в людях качеств чистоты, смирения и милосердия, так и каждому человеку свойственно являть богоподобие своей любви чистотой, смирением и милосердием. Названные признаки любви буквально противоположны трем родовым проявлениям самолюбия: «похоти плоти» – чистота, «похоти очей» – милосердие «и гордости житейской» – смирение (ср. 1Ин.2:16). О них упоминает и апостол Павел в словах: «Более всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. Облекитесь в милосердие, благодать, смиреномудрие, кротость и долготерпение» (ср. Кол.3:14, 12).

Церковно-богослужебные книги отмечают троичность содержания любви, например, в таких выражениях:

«Сочетавшись любовью, вы, святые, пожили боголюбно, сохранивши смирение, пощение и подавая милостыню». Чтобы приступить к Богу, предмету «истинного желания, ты поистине явился воздержником (то есть искателем чистоты), смиреномудрым, долготерпеливым и милостивым». «Приидите, все верующие, будем воспевать преблаженного Феодора – правило воздержания, сокровище чистоты, обильную реку смирения, утешение нищих, поистине искреннего исполнителя (закона) Христовой любви». «Славная! Ты приобрела воздержание, смирение сердца, бодрствование с милостынею и совершенную любовь».

В целом смирение, милосердие и чистота выражают собою свойства любви самоотверженной и всецелой. Смирение являет жажду прилепиться к предмету любви с забвением о себе, милосердие сливается с ним, а чистота – знак полноты слияния. Смиряться, мы настраиваемся на самоотвержение ради блага других, милосердием тепло им сострадаем и, храня чистоту, способны безраздельно любить Бога и угодное Ему. Смирение, милостивость и чистота, вместе взятые, послушно воспроизводят и отражают в соответствующих делах волю

любимого. Еще более проясняется наличие в любви трех свойств, если мы рассмотрим содержание каждого из них отдельно.

а) **Чистота любви** – то же, что бесстрастие или очищенность от самолюбия. Чистый душою беспрепятственно соединяется с Богом путем восприятия в себя благодати Божией. Он парит выше земных пристрастий и всегда насыщен сердечной добротой. В душевной и телесной чистоте человека отпечатлевается своего рода ангелоподобие. Он любит Божественное цельно – со всей нетронутой свежестью и теплотой – и способен всего себя предавать Богу и ближним до положения за них своей души.

К христианской борьбе за расцвет личной чистоты побуждает людей обычно стремление благодатно соединиться с Богом навеки.

«Блаженны чистые сердцем, учит Господь, ибо они Бога узрят» (Мф.5:8). От зрения Бога они приходят в настроение любви, что прекрасно изображает преподобный Ефрем Сирин, говоря: «О чистота, родоначальница любви!.. Ты отвращаешь от лукавства и прилепляешь к добру». Церковно-богослужебные песнопения и молитвы, развивая ту же мысль, часто свидетельствуют, как чистая любовь к одному Богу разжигает и уязвляет многих теплейшими чувствами. «Обручившие себе чистоту в качестве сожительницы», по словам того же церковного богослужения, «деятельно живут в Божественной любви», нелицемерны в ней, «объяты Божественным усердием» и ревностно обращены к Богу. С любовью у них органическая «срастворенность». Они дышат возжеланием края ее по горячей привязанности к ней, пламенеют ею и кипят.

Очевидно, христианская чистота есть фон, храм и совершенство истинной любви. «Любовь – единственная подпора нравственной чистоты... Хочешь быть чистым – взыщи и вымоли себе любовь совершенную». «Предел чистоты – чувство, непрестанно прилепленное к Богу».

б) **Смирение** – второе слагаемое любвеобильного настроения. Ему присуще радостное послушание воле любимых, искание Бога и Его благодати и отказ отличных

пожеланий ради пользы других. Глубокое смирение, вмещающая обилие благодати Божией, вместе глубоко и любовь к Богу. Любовь беспрепятственно пускает корни в глубине смирения принимающего в закон своей жизни Божию волю и благодатную волю ближних. Лица со смиренным устроением духа жаждут всецело прилепиться ко всебогатому Божеству. Они в мнении своем о себе, так сказать, самоопустошены и открывают тем безграничный простор действию в себе богоосияния. Оставление своеволия и самонадеянности движет их повергать свою пустоту в лоно спасающей милости Божией. Через это вся их жизнь превращается в единое устремление к Богу и боголюбию. Отсюда тождество любви со смирением бесспорно.

По апостолу, «любовь не превозносится, не гордится» (ср. 1Кор.13:4). И в самом деле, «кто богат любовью, как не смиренный?». Его «смиреномудрие востекает к любви и блюдет ее, а любовь содержит смиреномудрие и утверждает». «Смиреномудрие – входная дверь любви ко Христу Богу». «Никто не может искренне любить иначе, как если он не имеет себя самого осудителем себя». «Видел я некоего, – рассказывает блаженный Диадокх, епископ Фотики. – Он все печалился и плакал, что не любит Бога, как бы желал, тогда как так любил Его, что непрестанно носил в душе своей пламенное желание, чтобы один Бог славился в нем. Сам же он был как ничто. Таковой в великом возжелании смирения не понимает своего достоинства, но сильным неким расположением к любви Божией окрадывает память о своем достоинстве». Подобно этому боголюбцу, и всякий «боящийся Господа по напоминаниям смиреномудрия восходит к любви». «Смирение есть отречение от своей воли для того, чтоб не отделиться от возлюбленного Господа своего». По мере «познания своих мер и немощи человеческого естества (у смиренного) увеличивается любовь к Богу и ближним... Ничто так не окрыляет души к возжеланию Бога и любви к Нему, как смиреномудрие».

Выходит в итоге, что «любовь Божию приобрести, кроме смирения и смиреномудрия, невозможно», так как «любовь от смирения. То – корень, а это – произрастание». Говоря яснее, любовь истинная бывает от сознания своей греховности.

Смиренный, видя вокруг себя все доброе, себя почитая хуже всех, проникается к другим святой любовью. «Он, как получивший от Бога помощь в своих немощах и сознавая, сколько болезненно быть мучимым страстями, исполняется милосердия к каждому обладаемому от страстей, помогает ему словом, и молится с ним Господу о помощи, и всем существом своим милует такового». «Любовь не может быть без смирения. Сама высшая Любовь облеклась во смирение нашей плоти». Далее, «кто больше имел любви к Богу, как не святые? Но все они вменяли себя в ничто». «Знак любви – покрыться смиренномудрием». «Если "любовь, по слову апостола, долготерпит, не завидует, не превозносится, не раздражается» (ср. 1Кор.13:4–5), то это потому, что ее поддерживает смирение». «Истинно смиренный... от всего сердца любит Господа и Бога, всегда будучи "нищ духом" (Мф.5:3)» и «живет, движется и действует все в Боге». Смирение объединяет любовь и людей. Его покорность другим – черта чисто детская, открывающая, в свою очередь, простор нелицемерному братолюбию.

в) Восполняет смирение третье свойство христианской любви – **милосердие**. Связь милосердия с любовью самоочевидна, и много говорить о ней излишне. Достаточно в подтверждение ее сослаться прежде всего на слова апостола Павла, учившего, что «любовь милосердствует» (ср. 1Кор.13:4). У любви истинной – неистребимая потребность сострадать и сорадоваться другим, изливаться на любимых всеми силами доброты и неутомимо им оказывать добро всем чем можно. Милосердующий о ком-либо имеет живое общение с ним, согревает его теплотою собственных душевных чувств и свои расположения выражает деятельной благотворительностью. «Милость есть плод любви, неотлучный и всегда соединенный с нею, как теплота с огнем. И как огонь производит теплоту, так любовь – милость». «Любящий желает благодетельствовать любимому». «Стань благотворить – и восприимешь зачатки любви. Продолжай обогащаться добрыми делами – и воцарится любовь». «Любовь друг к другу понуждает непрестанно делать что-нибудь для других – и по силе, и сверх силы... и носит в

сердце готовность на все дела любви». Потому милосердие есть частный вид любви. «Это любовь, перешедшая из оборонительного в наступательное положение по отношению к злу и ставшая действительною силою». Чаще же всего это «любовь к бедствующим и нуждающимся».

Сводя к единству все рассуждения наши о выражении любви чистотою, смирением и милосердием, получаем общее представление троичности любви при единстве ее существа. Любовь-троица в единице и единица в троице. Три ее стороны – чистота, смирение и милосердие – суть, по апостолу, «высота, глубина и широта» (ср. [Еф.3:18](#)).

Раздел IV

Чистота, смирение и милосердие, в свою очередь, рожают множество более частных проявлений. Выходит, что любовь есть начало всех добродетелей, продолжение и завершение их. Она – корень и вершина, начало и конец всех добродетелей. Все добродетельные разновидности входят, как drobные черты, в картину единого настроения любви.

Такое совмещение изображает прежде всего Библия, говоря о любви.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» ([1Кор.13:4–7](#)). «Покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь» ([2Пет.1:5–7](#)).

Согласно учению Библии, любовь многокачественна и едина существом. В ней – все звенья цепи христианских добродетелей. Разновидности добродетелей отчасти свидетельствуют о победе любви над какой-нибудь страстью, отчасти выражают ступени приближения падшего человека к Богу и людям. Любовь – это малое горчичное семя, возрастающее до размеров громаднейшего многоветвистого

дерева добродетельности. Она никогда не стоит на одном и не падает, но непрестанно множится и растет, «прилагая стремление к стремлению и рвение к рвению». «Добродетель по существу одна, но видоизменяется в силах душевных, подобно тому как свет солнечный не имеет фигуры, но обыкновенно принимает фигуру отверстий, чрез которые проходит». В цепи добродетельности «одна добродетель тесно сочетается с другою и все сгармонировываются воедино как бы соединительными кольцами – призыванием имени Иисуса Христа, миром и любовью». «Как все страсти – от самолюбия, все к себе стягивающего, так все добрые расположения – от любви и, последуя за нею, указывают лишь ее разные стороны». «С любовью тесно соединены все совершенства, и в ней сосредоточиваются все обязанности».

Чтобы нагляднее представить себе «кровное родство» такого сочетания, предварительно (1) примем во внимание несколько святоотеческих построений лестницы добродетелей из начала любви и (2) выясним органическое соотношение с любовью ряда более частных добродетелей.

1

По словам святых отцов, «безмолвие рождает подвиг, а подвиг рождает плач, плач – страх, страх – смирение, смирение-прозрение, прозрение-любовь. Любовь же делает душу здоровою и бесстрашною. И тогда человек познаёт, что он недалек от Бога». «Если (кто) желает стяжать любовь Божию, то должен возыметь страх Божий. Страх же рождает плач, а плач рождает мужество. Когда все это созреет в душе, то Бог привлекает ее к Себе... Этою силою привлечения человеку сладко Божественное. Сладость любви Божественной далеко слаще сота медового». «Любовь рождается от бесстрастия, бесстрастие – от упования, упование – от терпения и великодушия. Эти последние – от воздержания во всем, воздержание – от страха Божия, страх – от веры». «Верующий Господу боится адских мук, воздерживается от страстей, терпеливо переносит скорби, имеет упование на Бога. Упование на Бога отрешает ум от всякого земного пристрастия. Отрешенный от сего ум исполняется любви к Богу». Или: «вера

рождает страх Божий. Страх Божий научает соблюдению заповедей и произращает бесстрастие. А отрощение бесстрастия – любовь».

Судя по этим перечням, добродетельные состояния человека родственны одно другому и любви, как ветви дерева, сросшиеся со стволом своим. Любовь движет свою естественно-благодатную силу в трех ветвях: чистоты, смирения и милосердия. От них протягиваются более мелкие ветви расположений любви.

2

Упомянутые ветви и разветвления добродетелей на дереве любви составляют в целом дивный «союз совершенства» (ср. Кол.3:14). И какую бы разновидность добродетели мы ни назвали, она непременно выражает какую-либо сторону любви: или чистоту, или смирение, или милосердие.

Если рассматривать христианскую любовь в смысле души всех добродетельных переживаний, расположений и чувств, то все они окажутся совмещенными в своей всеобъемлющей душе. Связью же их с первоисточною душою любви служат то чистота, то смирение, то милосердие.

Например, чрез смирение от любви исходят самоосуждение, сокрушение о грехах, плач пред Богом и при взаимоотношениях с другими – простота, кротость, молчаливость и способность отзываться благодарностью на всякое внимание окружающих. Милосердие соединяет с любовью нестяжательность, срдоболие, неосуждение и долготерпение, а чистота покоит в себе окрашенные любовью мир, радость, страх Божий, ревность по Богу, благочестие и правду.

Для большего оттенения всеобъемлющего значения любви проследим связь с нею каждого из поименованных выше добродетельных состояний чрез органическое отношение к (а) **чистоте**, (б) **смирению** и (в) **милосердию**.

а) Лик любви ясно светится сквозь присущую людям чистоту их мира, радости, страха Божия, ревности по Богу, благочестия и правды.

Мир сердца, очищенного от страстей, и мир непорочной совести неотъемлемы от любящих Бога и ближних. На почве умиротворенности свободно расцветают человеческие тяготения к Богу и Божественному. Души, успокоенные во Христе, бывают, так сказать, растворены любовью к Богу, людям и окружающей природе. На этом основании «любовь есть мать мира» христиан, поскольку их мир носит в себе «след сокровенного чувства блудного сына, принятого Отцом опять в полное сыновство». Умиротворение христианских душ вследствие принятия их в любовь Божию отмечает и богослужение Святой Церкви в словах молитвы ко Христу: «Христе! Содержа всех в любви, обильно ниспошли нам мир, который Ты даровал ученикам».

Единство с любовью христианской чистой радости указывается в ясных словах апостола Павла: «Любовь сорадуется истине» (ср. 1Кор.13:6). Радостное чувство истинно возлюбивших Бога и ближних переливается чрез край их сердца и движет их к дружелюбию и общительности со всеми, сближая взаимно. Сама же по себе радость «сродни любви», так как любовь Божия производит радость. «Любящему (Бога) необходимо радоваться не только о Любимом, но и о тех, о ком радуется Он». Где чистая любовь к Богу, там радость всегда обильная и непрерывно умножающаяся от приращения благодати. Там «светлое веселие», «великая радость и утешение в любви» (ср. Флм.1:7).

Страх Божий связуется с любовью побуждениями к богобоязненности. Не желая оскорблять и огорчать Всеблагого Господа своего, христианин удаляется от всего Ему неугодного, «от всякой злобы» и старается не сходить с пути «богоугождения». «Страхом (он) срастворяется с совершенною любовью к своему Создателю». В описываемом нами роде страха Божия мыслится не страх, похожий на трепет раба пред Господином, а страх сына пред крайне любимым Отцом. Рабски «боящийся несовершен в любви» (1Ин.4:18), а сыновняя боязнь Бога «к концу сама собою естественно оказывается любовью». В подлинном значении своем «страх Божий есть принадлежность праведных, в коих являет себя средняя (и

высшая) мера любви». Он «пережигает душу действием обличений. При этом в душе сколько прилагается любви, столько же умалется страх (рабский), пока придет в совершенную любовь». Лицам, «достигшим чрез добродетель до созерцания славы Божией, сопутствует... страх чистый, который и содействует им неуклонно пребывать в любви Божией, так как они боятся поскользнуться от нее». «Преложившись в возжелание Бога и сочетавшись с сердечным расположением к Божественным вещам, (страх Божий) соделывает душу... полною любви». Ввиду рождения страха Божия из боголюбия можно с полным правом сказать, что страх есть детоводитель любви.

Ревность по Богу тождественна любви ко Господу. «Ревностные по Богу всю природную силу любви сосредоточивают на богоугождении и действуют двумя силами: мудростью, светящей в уме, и любовью, согревающей сердце. Видя возлюбленные творения Божии на пути к аду, святая ревность с избытком растворена любовью (и) готова бывает разделить даже адскую участь с теми, по которым ревнует, дабы... своею опасностью исхитить их от опасности. Бог, установив между Собою и человеком союз любви, желает, чтобы любовь эта исключила всякую другую любовь, ей не подчиненную, или, что то же, Он открывает Свою ревность и ревность нам заповедует». Нарушения воли Божией заставляют ревностных по любви их к Богу негодовать и гневаться на согрешающих. В глубине их гнева таится глубокое сожаление к личностям гибнущих от нечестия и в то же время непримиримое отрицание допускаемого ими зла и беззакония.

Благочестие соединено с любовью нитями благоговения пред Богом и сыновней любви к Нему. В благочестивом настроении человек молитвенно предстоит Богу с умиленными и благодарными чувствами. Поэтому один русский святитель справедливо заметил, что «благочестие... совершает служение» Богу «на жертвеннике, где пылает огонь чистейшей любви к Богу... Сколько оно должно быть исполнено живой веры и любви, столько же должно быть и постоянно. Ибо с обязанностью – «возлюбиши Господа Бога твоего от всего

сердца» (Втор.6:5) – соединена другая, равно необходимая обязанность: «да будут слова эти – слова любви – и в сердце твоём, и душе твоей» (ср. Втор.6:6)».

Чистое равенство любви к ближним с любовью к себе составляет так называемую правду, или явление должного ближним. Правда обнаруживается нашей свободой и есть справедливый любовный ответ свободы на Божие человеколюбие. Короче, правда в людях есть независимость от извращенного самолюбия и прямота расположений любви. Об этом и Писание учит словами: «Желание праведных одно добро» (ср. Притч.11:23). И еще: «Любовь не радуется неправде» (ср. 1Кор.13:6).

б) Чрез смирение разные проявления добродетели так же тесно примыкают к любви, как и чрез чистоту. Смирение объединяет собою в любви покаянные выражения человеческой души, каковы самоосуждение, сокрушение о грехах, плач о них и кротость. На почве взаимоотношений с людьми оно обнаруживает любовь в молчании, простосердечии и благодарности за воспринятые благодеяния.

Под смиренным самоосуждением явно кроется хотение добра, сознание его необходимости, любовь к нему и обращение на путь его. И не будет натяжкой признать самоосуждение одной из начальных форм любви, строящихся на сознании и чувстве безусловной обязательности добра.

Мерцание любви в смиренном сокрушении и плаче особенно заметно при решительном обращении к Богу грешников.

«Умиленное сокрушение... делает сердце мягчайшим воска. Оно есть некий огонь Божественный, [который] мало-помалу жжет и опалает страсти и, наконец, совсем их уничтожает... Стяжавший умиленное сокрушение горит сильным желанием совершенно избавиться от страстей» ради свершившегося в нем самоопределения к любви Божией.

Сокрушение о грехах по большей части плачевно, слезно. Проливающие слезы обычно горько оплакивают свое удаление от любимого Бога. Они желают снова быть Божиими в чувстве

сердца. Оттого «начало плача есть как бы некое искание обручения Божия... Плачут, раздираясь пред Женихом и призывая Его рыданиями. Конец же плача – брачное в чистоте совершенное сочетание», когда плачущий – "един дух" (1Кор.6:17) бывает с Богом.

Чрез очищение сокрушением и плачем о грехах в душе христианина воцаряется тихая кротость. Она укрощает и обессиливает восстание гнева в душе. Кроткий «все случающееся сносит без смущения», так как исполнен любви к ближним. Признак кротости состоит в том, чтобы к раздражающему и в присутствии его «сохранить залог любви в тихом сердце».

Возможное смиренное молчание в обществе ради сосредоточения силы любви на одном Боге и Божественном есть полезная экономия душевной энергии. При устремлении души к Богу молчаливость бывает причиной быстрого возвышения человека к настроению любви. Душевная простота смиренных сама по себе есть уже цельность и единство их характера. Часто она – явный признак благожелательности к людям, искренней и бесхитростной сердечности и проникновенности в духовный мир.

Чрез смирение сочетается с любовью также и человеческая благодарность. Живейшая благодарность основывается на благородном прочувствовании кем-либо Божественной и человеческой доброты, на растроганности ею и отклике на нее всю сердечную любовь. С благодарением часто соединяются созвучные чувству слова, обращенные к благодетелям и «намащенные благоуханием любви бескорыстной». Видимо от благодарного неотъемлемы тонкое переживание своего недостойнства пред благотворящими и ценение получаемой от них милости.

в) Третьей стороной христианской добродетели – милосердием – входят в единство любви, как мы заметили прежде, нестяжательность, сострадание к другим, неосуждение их, долготерпение ко всем и иные подобные разновидности христианского сродоболия о ближних.

Нестязательность характерна духовной расширенностью, чрез которую обильно изливается на других доброта ради Христа.

Мостом к деятельному состраданию нерасчетливому составляет все та же любовь. Потому славянский язык обозначает сострадание нежным словом «милование». Понятия «милование», «помилуй» выражают «самую нежную, ровную любовь, исключаящую всякие недочеты любимого».

Сверх благотворения сострадание находит свое приложение в неосуждении людей. По апостолу, неосуждение любовью «все покрывает» (ср. 1Кор.13:7). Оно не смежает глаз на недостатки ближних, но их самих не лишает своей любви, снисходит к их немощи и верит в возможность для них исправления.

Следующий вид милосердного сострадания есть всепрощающее долготерпение. Оно охотно переносит прискорбности жизни с поразительной стойкостью воли – из побуждений братолюбия. В долготерпящем, по словам апостола Павла, «любовь долготерпит» (1Кор.13:4). Она-то и содействует ему быть неослабно братолюбивым. Правило долготерпения несложно: «Ты перенеси недостаток ближнего, а он пусть переносит твой. Таким образом исполняется закон любви». «Долготерпение единообразно пребывает в любви к тому, что любовь нашу привлекает». По отношению к борению со страстями «оно есть трудолюбие души, изгоняющее сластолюбие» со всеми остальными страстями.

Рассмотренное нами содержание разных видов добродетели в их единстве с любовью чрез чистоту, смирение и милосердие позволяет мыслить то, что и все существующее богатство порождений добродетели в целом может и должно быть представляемо во всеобъемлемости любви. Любовь – основа всех без исключения простых и сложных добродетельных проявлений, навыков, расположений и чувств.

Установка такого взгляда на любовь троичную и вместе многокачественную дает возможность сделать три вывода: 1) по связи с любовью всей жизни человека до последних мелочей свободные проявления его воли всегда нравственно не

безразличны; 2) вся нравственность людей – в сущности, выражение любви и; 3) развитие в человеческой душе преимущественно одной родовой добродетели – то есть или чистоты, или смирения, или милосердия – одновременно сопровождается развитием любвеобильного настроения в целом.

1) Невозможность бытия нравственно безразличных поступков, движений и состояний человека – благодаря единству настроения многосторонней любви – есть самоочевидное положение. Как бы ничтожно и незначительно ни было то или иное движение человеческой воли, оно непременно затрагивает настроение души в целом и влияет на него или согреваяще, или охлаждающе. Мнимо безразличное, по суду некоторых светских и духовных моралистов, на самом деле или развивает душевную любовь, или подавляет, хотя бы и малозаметно. Так называемые безразличные поступки и положения людей в нравственном отношении вернее следовало бы назвать слабо воздействующими на волевую жизнь и едва определяющими человеческие волевые колебания между самоотверженной любовью и самолюбием.

Считать что-либо нравственно безразличным и дозволенным значит присоединяться к языческому взгляду стоиков и последователей Аристотеля, признававших добродетель серединой между крайностями. По христианскому же, чистому воззрению на добродетель движения воли действующих лиц не могут быть ни средними, ни лишенными значения. Напротив, они малозаметно, но действительно или отвечают, или противоречат общему складу личности, крепят или ослабляют ее, возвышают или принижают любовь и самолюбие. Священное Писание, называя нравственно безразличное «теплохладностью», противною Богу (Апок.3:15–16), внушает, что мы всё «должны творить во славу Божию, едим ли, пьем ли или иное что делаем» малое (ср. 1Кор.10:31). И видимо ничтожное в наших действиях запечатлено окраской и характером нашего общего настроения. Оно вредит нам или оказывает пользу, порабощает чувственности или возвышает над нею.

В соответствии с учением о единосущии любви недопустимо в жизни что-либо нравственно безразличное.

2) Между словами «самоотверженно любвеобильное» и «нравственное» есть полное основание ставить знак равенства. В понятии «нравственное» или «нравственность» явно выступают два признака: природосообразность нравственного и углубление его корней в волю. Нравственность – или истинный образ мыслей, святые вкусы сердца и добрые навыки воли – короче следует мыслить как природосообразную расположенность души человека. Если же природосообразная расположенность души в нравственном смысле может быть окрашена только господствующим цветом самоотверженной любви, то «нравственность» и «самоотверженная любовь» по содержанию тождественны. Нравственною с христианской точки зрения может быть только та видимость мышления, чувства и дел, которая являет собою искреннее проявление разумной любви к ближним при свете любви к Богу всем разумением. Любовь к Богу и ближним и стремление к блаженству, правильно понимаемые, представляют самую сущность нравственности и одну основу, так как блаженство – это торжествующая, удовлетворенная любовь к Богу.

3) Первоисточное значение начала любви в содержании добродетели и нравственности и вмещение им в себе полноты нравственных и добродетельных проявлений весьма облегчает человеческую задачу безостановочно усовершенствоваться во всем многообразии свойств любви. Какую бы кто родовую добродетель ни развивал в себе, он вместе душевно раскроет и прочие добродетели, входящие в состав всеобъемлющей любви. В процессе духовно-телесного очищения от страстей, смирения, милосердия совершается созревание одного и того же настроения любви, и чрез то осуществляется задача земного бытия.

Члены Христовой Церкви, окончательно порвавшие связь со страстями и поднявшиеся до чистейшей любви к Богу и вселенского братолюбия, говоря церковным языком, преподобны. Так как с первых веков христианства преподобия достигали чаще всего иноки, удалявшиеся от многострастного

мира, то имя «преподобный» навеки осталось символом высоты естественно-благодатной иноческой любви.

Но существо преподобия может и должно быть достоянием всех спасающихся в Церкви независимо от принадлежности [или непринадлежности] их к иноческому сословию. Ступени, по которым каждая верующая душа возвышается к преподобной любви, таковы: покаяние, молитва и пост с противлением страстям и понуждением себя к самоотвержению. Эти подвиги вводят христианина в чувство присутствия Божия, благоговения, сыновнего страха пред Богом и смиренномудрия. Они раздвигают границы его милосердия до беспредельности и делают смирение глубиной его мысли, чувства и убеждения, а благодать – огнем его природной способности любить. Тогда он достиг желанной пристани святого преподобия. Подобно основополагающему значению любви в добродетельном устройении человеческого духа, самолюбие составляет душу греховного настроения людей.

К раскрытию этого вопроса перейдем в следующей главе.

ГРЕХ

Выяснение содержания греха путем противопоставления его содержанию добродетели. – Отождествление греха с самолюбием. – Обнаружение в самолюбивых действиях извращенного направления воли. – Самоутверждение носителя самолюбия. – Характер разложения, вносимый самолюбием в общечеловеческую жизнь и в жизнь каждой человеческой личности. – Злобное самолюбие в отношениях к Богу и людям и его пламенность. – Содержание самолюбия в трех родовых отрождениях: плотской похоти, своекорыстии и гордости. – Влияние похоти плоти, корыстолюбия и гордости на погашение духа самоотверженной любви в самолюбце. – Основополагающее значение в страстях гордости. – Единство самолюбивой многокачественной страстности. – Первородный грех в праотцах и их потомстве. – Заключительное определение первородного греха. – Переход к учению о спасающей вере.

ИСПОВЕДУЮ ЕДИНО КРЕЩЕНИЕ ВО ОСТАВЛЕНИЕ ГРЕХОВ. 10-й член Символа веры

Содержание добродетели, полагаемое в любви к Богу и ближним – двусоставной и вместе триединой, заранее предопределяет точку зрения на содержание и проявление греха. Сущность греха составляет (1) **самолюбие**. Признаками же самолюбия служат (2) вражда к Богу и людям (3) в трех формах: гордости, корысти и плотской похоти – и (4) существенное объединение в самолюбии его более частных и многовидных обнаружений.

Для лучшего уяснения природы и содержания самолюбия предварительно определим смысл понятия «грех», в оболочку коего одевается самолюбие. Корень слова «грех» в санскритском языке (garh, garhati и garhajati – «хулить», «презирать») свидетельствует о наличии в грехе чего-то хульного, презрительного и враждебного по отношению к Богу и людям в силу подмены любви к ним самолюбием.

Глава 1

Тщательное продумывание особенностей самолюбивого настроения открывает в нем: а) **извращенность воли**, б) **самоутвержденность**, в) силу, разлагающую единство взаимоотношений, и г) **озлобление** против Бога и людей.

а) Наподобие добродетели, углубляющейся в волю, самолюбие также есть «греховная воля... или худое произволение». Оно склонно избирать страстный образ действий вопреки всем сдерживающим побуждениям. Человек и в состоянии самолюбия любит, но не Творца, а себя и тварь, худшее предпочитает лучшему и земное Небесному. Чрез это у самолюбивого возникает разномыслие с Божественным разумом, противоречие Богу, разъединение с Его любовью и измена требованиям Божией любви. Страстно созерцая видимое, самолюбивый загорается сладострастием от созерцания чувственных благ, заражается любостяжанием и впадает в гордость от исключительного внимания к

собственным мнимым преимуществам. Потому-то святой апостол Иоанн Богослов такими словами определил главные черты себялюбивой жизни: «всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (1Ин.2:16).

Движения призрачной, обесцененной духовной любви сохраняются и при самолюбии, но они здесь заполняются непостоянным вместо самобытного. В минуты просветления всякий самолюбец мог бы описать свое состояние следующими словами преподобного Ефрема Сирина: «Подчиняться не хочу, а **люблю**, чтобы подчинялись мне. Трудиться не хочу, а **люблю** утруждать других. За делом быть не люблю, а **люблю** присматривать за чужими делами... Не хочу, чтобы унижали меня, а **люблю** унижать. Не хочу, чтоб гордились, а **люблю** гордиться... Не хочу слушать выговоров, а **люблю** делать их. Не хочу, чтобы обижали меня, а **люблю** обижать других... Не хочу, чтоб наговаривали на меня, а сам **люблю** наговаривать... Не хочу, чтоб властвовали надо мной, а **люблю** властвовать». «Как возлюблю Тебя, Владыка, потому что полон я страстей?». «Отъяли мы. Господи наш, у любви Твоей и достояние ее, и лихву».

б) Направление воли при самолюбии выражается самоутверждением, или свободным избранием независимости от Бога из-за ложной надежды жить полноценно по природе. Между тем всякий человек несамобытен. Утверждая себя в себе при несамобытности, он отрывает свою личность от Бога любви и делается неспособным к облагодатствованию. Средством самоутверждения для самолюбивого служат греховные действия, почему «грехом и входит смерть» (ср. Рим.5:12). При духовной смерти вместо самоотверженных стремлений человека начинают обуревать «всякие пожелания» (ср. Рим.7:8) страстного характера. Рычагами, поднимающими данные пожелания со дна грешной души, являются «самость, самоугодие и сласть». Самоугождение «лежит в глубине греховности... и рождает похоти страстей». Оно от Бога низводит волю человека к собственной личности, грехопадениями наносит удар за ударом его духу и обольщает сладостью греха. Об иссякновении любви от действия

самоугождения возвещает евангельское слово, говоря: «По причине умножения беззаконий во многих охладевает любовь» (ср. Мф.24:12). Чем больше человек грешит, тем сильнее расслабляет свою способность самоотверженно любить. В конце концов он вовсе замыкает себя для облистаний Святого Духа и внутренне погружается во мрак ожесточения, чернее ночи, и весь охватывается неумеренными влечениями самолюбия.

в) Само по себе влияние самолюбия на человеческое существо обратно влиянию любви. Любовь самоотвержением своим и самопреданием Богу и людям стягивает всю естественную человеческую жизнь к единству в Боге. Самолюбие же есть сила, разлагающая единство любвеобильной жизни (α) в личности самолюбца и в отношениях его (β) к Богу и (γ) к людям.

α) Тело объятого самолюбием от повышенной возбужденности некоторых телесных отправлениях в ущерб другим быстро дряхлеет. Его быстрому ослаблению и ветшанию много содействуют «склонности питание доводить до излишества, отдых обращать в негу» и с головой погружаться в омут чувственных наслаждений. Самолюбие в душе восстанавливает одну способность против другой, подымает «войну неумеренных пожеланий» (Иак.4:1–2) и вызывает ненасытную жажду без конца их удовлетворять.

β) Оттого самолюбец стремительно опускается в гибельную бездну богоотчуждения, привыкает обожать себя, любить независимость от воли Божией, а к ее требованиям начинает относиться неприязненно. Непослушание Божией воле есть уже отречение от Бога делами (Тит.1:16), враждование против закона Божественной любви. «Легчайший предел враждования на Бога есть нележание души к Божественному... средний – понуждение делать в противность Божескому только при столкновении с ним... крайний – тягчайший – предел есть деятельное с яростью восстание против Божеских порядков». Вслед за отягощением хранить волю Божию самолюбие незаметно переводит человеческую душу к враждованию с Самим Законодателем и подстрекает на тайное или явное

богоборство и богоненавистничество. Бог препятствует самолюбию шириться и процветать в людях Своими заповедями о самоотвержении. За то самолюбие всей исключительностью отвращается от Бога, противодействуя Его воле, и в этом отношении доходит до прямого безумия. Избрание свободою независимости от Бога влечет за собой у самолюбивых яростную борьбу за существование при неверии в попечительную Божию любовь о мире. Они изменяют любви к Богу и на все, до чего прикасаются, накладывают позорное клеймо своей нечистоты. В результате получается многобожие самоопределяющихся личностей, которых бог – чрево и у которых беспросветная борьба всех против всех.

у) Явным и ощутительным знаком разрыва самолюбцев с Богом является их «обнажение от благодатной славы» и омрачение страстями с последующим безмерным окаменением сердца. От окружающих самолюбцы обычно сердечно отчуждаются и обособляются. Если им присуща естественная любовь к другим, то не иначе как растворенная пристрастиями. Они в мнимолюбимых и в единении с ними ищут личных интересов, пользы и удовольствия, за свою любовь к ним требуют от них жертв. Такая любовь деспотична, тяжела и обременительна. Ею разрушаются союзы крови и дружбы в общезжитии, и любимые превращаются в слугителей прихоти любящих. Из этого понятно то, насколько самолюбие уродует человеческие взаимоотношения. Из людей оно творит каких-то замкнутых в себе безумцев, извергающих себя из мирового единства и согласия. Оно препятствует им укреплять и одухотворять братскую связь с ближними. При самолюбии всякий человек, считая себя самоцелью, а других всех – для себя средством, так и обращается с ними. Он часто замыкается ото всех, навязывает окружающим свои желания и этими желаниями их связывает. Здесь причина того, что от всех самолюбивых веет холодом. По замкнутости в себе они не разливают лучей теплой жизни вокруг себя.

Неспособность зараженных и подавляемых самолюбием найти удовлетворение вне Бога и самоотверженного общения с людьми делает их злыми. Злое мышление, злость чувств и

злобность воли движут их деятельно углублять противоречие с Богом и окружающими.

г) Описанная природа самолюбия изображается многими местами Библии, вроде следующих.

Мир «Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы» (Ин.7:7). «Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего» (Ин.15:23). Пред концом мира, во время расцвета самолюбия «люди друг друга будут предавать и возненавидят друг друга» (ср. Мф.24:9–10). «Вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим» (Мф.7:11). «Весь мир лежит во зле» (1Ин.5:19). В развитие библейского учения о злобности самолюбия святые отцы и пастыри Церкви говорят: «Самолюбие все ненавидит». Объятый им грешник «воздаст Богу за благое злым, за возлюбление ненавистью, отвращаясь от Того, от Кого получил бытие и дыхание». Кто из грешников «следует собственной воле, тот даже с добрыми не имеет мира, ибо презорство, гнев и зависть процветают в сердце его». Обычны ему слова, «когда кто из-за него скорбен и смущен: “А мне что? Мне какое дело до него?”. Они означают жестокость сердца».

Потомство самолюбивых имеет злобу в качестве некоего родового и наследственного свойства. «Каин произошел от Адама, напоенного, так сказать, свежим ядом греха, – и как он был зол! Сварливое расположение духа, в котором была Агарь по зачатию Измаила, делается (и) его наследием». Причастные всеобщему падению, все мы теперь как бы злы по естеству. Сила ненависти раскрывается в нас и восходит до крайности в одну минуту, а холодность и равнодушие к ближним есть наше обыкновенное свойство. «Сами чувствуем, что это свойство нам в тягость... Все хотим любви – и все чувствуем недостаток любви... из-за уклонения от Бога. Ибо сердце без любви есть сердце без Бога». По мере умножения грехов ожесточение и злоба в согрешающем усиливаются. Грешить для него то же, что «враждовать на Бога» и людей с возрастающим напряжением воли. От усвоения страстных мыслей и образов он весь опьяняется озлоблением, но тайно. И сам он не понимает часто того, что после омрачения грехопадениями ему

думать о Боге стало тяжело и противно, а люди сделались для него чужими и обременительными. По-видимому, яд страстей шаг за шагом поражает, так сказать, самые нервы человеческой способности любить Бога и ближних.

Глава 2

На усиление огня злобы в душах самолюбцев много влияют злые духи. Повторением в сознании искушаемых одних и тех же соблазнительных внушений они возжигают постепенно их чувство и волю огнем какой-либо страсти и приращением злобы против Всесвятого Бога и людей.

Ярче всего злобность самолюбия обнаруживается в свойствах главных отрождающихся из него страстей.

Глава 3

Нужно заметить, что само по себе самолюбие паразитически внедряется в настроение триединой самоотверженной любви человека-христианина и благодаря тому неизбежно становится своего рода троицей во едѣнице, или «похотью плоти, похотью очей и гордостью житейскою» (ср. 1Ин.2:16). Или проще: «от самолюбия рождаются три первых родовых помысла: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие... а от этих рождается все племя страстей».

Теперь, если мы обратим внимание отдельно на проявления каждой разновидности самолюбия, то окажется, что всякая из них питает огонь человеческой злобы и разрушает любовь сердца к Богу и людям, хотя и с неодинаковой силой. Ядом разрушительной для любви злобы насыщены проявления и (а) плотской похоти, и (б) корысти, и (в) гордости.

а) Плотская похоть двойственна: сладострастна и чревоугодлива. В ней прежде всего сказывается природа самолюбия «страстным расположением и любовью к телу с исполнением плотских пожеланий».

«Неразумная любовь к телу» и «начало порочных страстей» у чревоугодников Самим Господом отмечены в соединении со злобою. О приточном чревоугодливом рабе Спаситель сказал:

«Раб тот, будучи зол, начинает бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами» (ср. Мф.24:48–49). Воспламенение злобных вспышек чревоугодливой души подготавливается обильным брожением крови в ее телесной оболочке и подавлением здесь равновесия упитанной плотностью. Угождение чреву отнимает у души силу легко воспарять молитвою к Богу, чувствовать Божию любовь и братолюбно тяготеть к людям. Оно буквально **отклоняет** от любви к Богу и ближним, делает человека наглым и пренебрегающим любовью Духа Святого, по слову Писания: «не вечно Духу Моему быть пренебрегаему этими людьми, потому что они – плоть» (ср. Быт.6:3).

Сладострастие еще нагляднее чревоугодия обнаруживает кипение в себе злобы. Библия не без основания определила злобу сладострастных содомлян выражением: «Жители Содомские были злы и весьма грешны пред Господом» (ср. Быт.13:13). А описание беззаконной любви сына Давидова Амнона к своей сестре Фамари та же Библия сопровождает замечаниями: по изнасиловании Фамари «Амнон возненавидел ее величайшей ненавистью, так что ненависть, какую он возненавидел ее, была сильнее любви, какую имел к ней» (ср. 2Цар.13:15).

Сладострастным лицам их «нечистая любовь» дается дорого. По осквернении духовно-телесной природы своей и соучастников в грехе они разъединяются со Христом и Отчим Духом. «Сласть плотская... производит в них смятение и ожесточение», «горечь неудовольствия... и скорби». По смерти человека «любовь земная, нечистая (уже явно) превратится в адскую злобу». Сладострастную «плотскую любовь, которая **жестока** и в сладных ощущениях скоро угасает, живописцы изображают поэтому с пламенниками и крыльями, потому что иногда она разжигает, воспаляя страсти, а иногда улетает по причине пресыщения». «И привязанность не сохраняется при оскудении того, что воспаляло ее». При удовлетворении плотской похоти сладострастные – рабы своих неумеренных желаний, обособляющие себя от всего мира. Тогда для объятого похотью мужа лицо жены как бы проваливается куда-то и на лицо Божие набрасывается как бы покрывало. Все

живущие на земле как бы погружаются во мрак небытия для кипящих страстью похоти и становятся ненужными им.

б) Похоть плоти, собственно, должна быть признана поверхностью самолюбия. В ней злость по большей части залицована равнодушием к Богу и ласкосердием к предмету страсти. Ниже плотской похоти лежит у человека второе детище самолюбия – похоть очей, или корыстолюбие с более откровенным ликом злобы. У корыстолюбцев нагляднее, чем у сладострастных, выступают наружу каменносердечие, жестокость, «отвержение присвоения Христу» и бессердечие для Бога и ближних. Они металлически холодны и черствы к нуждам и страданиям собратьев своих, равнодушно проходят мимо картин вопиющей людской нищеты и почти не трогаются рыданиями и воплями о помощи. Скупость превращает всякого корыстного богача в беднейшего человека, в нищего любовь, в омертвевшего богоугодными добрыми расположениями. Потому и апостол сказал: «корень всех зол – сребролюбие» (ср. 1Тим.6:10). Ненасытное искание «злата (и вообще материальных благ)... отрывает мышление сребролюбивых от сладчайшей любви ко Господу Иисусу» и «изгоняет из сердец (их) чувства любви, жалости и сострадания». «Сердца их от сребролюбия становятся холоднее мрамора (и) крепче металла» и запираются для сочувствия к людям с утратой ключа от сердечного замка.

Злость корыстолюбцев обнаруживается при утрате ими своих сокровищ и при необходимости уделять нечто от них другим. Корысть, или «любовь к деньгам, никто не осмеливался изобразить и представить на картине, может быть, потому, что это не любовь, а какое-то неизлечимое бешенство». У корыстолюбия «все злые качества, а именно: оно зверообразно, неприятно, дышит пламенем, ненасытно, слепо, глухо, человеконенавистно, скверно, богоненавистно, непримиримо, неприступно, неукротимо» и «нудит плененную душу идти до крайнего предела зол». «Те, которые из корыстолюбия высоко ценят богатство, слабейшую имеют любовь к Богу и людям. «Дать им всегда бывает жаль».

в) Таков облик корыстолюбия, этой середины самолюбия. Глубже корысти – на самом дне самолюбия – находится гордыня. «Гордость есть любовь к собственному превосходству» и «шумной... мирской славе». За нею следуют гнев, печаль, бешенство и злоба. Гневом разражается жестокость надменной души. «Из всех страстей едва ли не более всего иссушается любовь гордостью и честолюбием. Роскошный легко дружится с роскошным; корыстолюбивый, если не в сообществе с корыстолюбивым, то убегает его. Но честолюбивый честолюбивого старается унижить и истребить. Он не оставляет в мире и покое никого, потому что последняя цель его – видеть всех под ногами своими». «Как в помойной яме нельзя найти ароматов, так и в злопамятной душе (гордого) – благоухания любви». «Сердце гордых, по природе мягкое, жестеет от неправды. Они сами претворили мягкость его в грубость, ибо сердце... холодеет, жестеет и мрачится, когда примешивается в него порок. Неправда сжимает его, и, вместо приятного доброхотства, оно исполняется горечью недоброжелательства».

Сопутствующие гордости наглость, дерзость, панибратство, злоба, ярость, зависть, исключительность, тщеславие, уныние и отчаяние представляют собой бушующие или слабо подавляемые кипения самовлюбленности, высокомерия и необузданного упрямства. Личность гордого обычно крайне независима от мнений и желаний других лиц, зверски тяжела и несносна в обществе. По характеру она напоминает тигра в клетке, надувшегося индюка и нахохлившегося павлина. У гордого и взор часто воспален от внутреннего воспаления своеволием, самоценом. Он неуживчив, требует себе униженного почтения от других, желчно критикует негодных ему лиц и безжалостно убивает в осуждаемых остатки приязни к себе. Когда же лезвие человеческого суда касается личности его самого, тогда он, при мысли о подрыве своей чести, положительно умирает в огорчении, смущении и стыде.

Отмеченные особенности гордости позволяют назвать ее злобною и нервною. Она, подобно безумному музыканту, чрезвычайно возбужденно играет на клавишах нервной системы

своей и окружающих и болезненно ее расстраивает. Гордый постоянно на всех раздражается, злится и склонен обижать и оскорблять других дерзкими речами. «Есть опасность, что частые серчания (его) могут превратиться в постоянную злую ненависть», от чего Святая Церковь всех предостерегает словами: «Примера злобы высокосердого убежим», «возненавидим фарисейскую злобу», «далеко отвергнем (от себя) злобный, горделивый и дерзкий нрав фарисея». Выказывания злобы гордыми наиболее часто проскальзывают в: а) осуждениях, б) зависти, в) злопамятстве, г) обидчивости, д) гневе и е) ропоте на Бога.

Всякое осуждение есть начало зла и утрата всепокрывающей любви (1Кор.13:7). Оно ведет осудителя к желчным замечаниям в адрес критикуемого и часто к дерзкому воспалению собственного духа. Зависть равным образом подавляет доброту у завидующего и «не может что-либо иное родить, как только злобу». Злопамятство носит в сердце злобу, точно вколоченный гвоздь. Обидчивость гордых обнаруживает их злобу решительно по всяким поводам: не так посмотрели на гордого, не тут встали, не то сказали, здесь допустили неосторожность в резком тоне разговора, там обратились невнимательно или совсем позабыли его – все это злобно будоражит, оскорбляет гордую душу и тревожно расценивается ею в каждой мелочи. От напряжения хранить видимую порядочность гордый всегда нервен. Одна искра – и он загорается злобой, ненавистью или злобно всегда молчит. Гнев его вспыхивает из-за ничтожных мелочей. Он нетерпим к чужим мнениям, заносчив, избегает слушать замечания в свой адрес, легко обижает и оскорбляет других и первый ждет от оскорбленных им униженного испрашивания прощения.

Верхом горделивой злобы служат ропот и хула на Бога, выражающие собою противление Богу и враждебное восстание на Его заповеди.

Приведенная характеристика трех разновидностей самолюбия – плотской похоти, корысти и гордости – выставляет их в чертах мрачной злобы и отрицания самоотверженной любви. В целом тройственное самолюбие представляет своего

рода очаг, пламенеющий страстным огнем. Основанием трех родовых страстей самолюбия должно считать гордость. Гордостью более всего держится сила человеческой похотливости. При удовлетворении похоти гордость поощряет человека насыщать себя чувственно. По словам святителя Епифания Кипрского, у соделывающего блуд становится плотью и душа вследствие **отпадения от духа Церкви**. Корыстолюбие, подобно телесной похоти, от гордости принимает непрерывные возбуждения копить материальные ценности и с помощью их стоять на высоте земной славы и чести. Когда же человек ради Христа умерщвляет в себе похотливость и корысть, то последней наиболее живучей страстью остается в нем гордость. Она умирает у христианина последней в длительной агонии и долго показывает себя в нем «характером злым... и нелюбовью к другим». Под влиянием гордости многие преждевременно ищут дарований благодати и «скорбят, что нет умиления в их молитве и слез». Надменные волнения свои они считают любовью Божиею. Подобные лица ищут «в утешительных чувствах не Бога, а **своего утешения**, уклоняются от прискорбного пути соблюдения заповедей Божиих и молятся фарисейски, не замечая того».

Глава 4

Напряженное борение христианина с гордостью по ослаблении прочих страстей косвенно утверждает мысль о положении гордости, так сказать, в фундаменте самолюбия, а похотливости и корысти – в более поверхностных частях его.

Из трех главных разновидностей самолюбия отражаются все именуемые человеческим языком страстные расположения. Мы их не будем перечислять излишне и вдаваться в утонченные уяснения того, как всякое из них происходит от своей родовой страсти и чрез нее входит в существо самолюбия. Неразрывное родство страстных расположений с самостью очевидно уже по одному тому, что самолюбивая жизнь есть противоположный полюс самоотверженно-любвеобильной жизни. А последняя многокачественно единосущна. Для нас интересна и важна другая сторона самолюбия – обособление его от светоносной

любви Божией и наследственное восприятие его в душевно-телесном происхождении нашем от родителей. Начиная с первой на земле четы, поврежденной самолюбием, родители зачинают своих детей в похоти. Эта родительская похоть начинает расти губительно в существе зачинаемых детей, как семя всех страстей самолюбия. Вот почему Библия говорит о колоссально великом потомстве первых людей, что оно в силу падения тех рождается по «их подобию и образу» (ср. [Быт.5:3](#)) и «рожденное от плоти есть плоть» ([Ин.3:6](#)).

Для полного представления изначального происхождения самолюбия нам необходимо сказать несколько слов о сущности первородного греха: а) самих праотцов и б) их потомства.

а) Праотцам Адаму и Еве при самом творении их были даны силы осуществлять закон самоотверженной любви на земле путем соответствующего образа жизни и деятельности. Силы эти происходили от сочетания их естественной способности любить с благодатию Святого Духа. Прародители обязаны были всегда сознать себя лишь несамобытными носителями силы Божией любви и ничтожными вне Бога. Утверждало их богоподобие отрицание своей воли и утверждение в себе воли Божией. Это был путь смиренного послушания Богу и личной богопреданности. Деятельное послушание Богу постепенно укрепило бы волю первых людей в самоотречном предании [себя] благодати Божией и утвердило бы их самих во вседушевной любви к Богу.

Описанный порядок изначальной нравственной жизни нашел противника в лице «человекоубийцы» диавола ([Ин.8:44](#)). Он искусительно показал прародителям вскоре по сотворении их другой путь к богоподобию – совершенно ложный. Вставшим на него необходимо было возмнить себя самобытными богами ([Быт.3:5](#)) и перестать считать себя несамосущей тварью. Самоутверждение собственной личности вместо утверждения ее в Боге и есть самолюбие. Здесь человек перестает повергать свою свободу и силы в волю Божию для своего благодатствования. Прельщенные диаволом, прародители восприняли всем существом своим диавольскую мысль о возможности жить им полнотой содержания любви вне Бога.

Согласием на противление Богу и разрыв с Ним они замкнули себя для богообщения и действия светоносной силы Божией. Своевольное вкушение плода от запретного райского дерева (Быт.3:6) вслед за тем обнажило их от благодатного осияния Бога. Так как благодать Божия есть огонь природной способности любить, то погашение его в существе грешников оказалось равносильным их смерти для истинной любви и обусловило постепенность их телесного тления.

Омраченные темной силой самолюбия, прародители сразу же обнаружили злобный характер своего нового настроения рабским страхом пред Богом и ложным чувством, что Бог якобы недоброжелательствует человеку и гневно враждует против него, не желая удовлетворить его бесконечных стремлений.

Решение самим себя устроить и грехопадение произвели разрыв Адама и Евы с Богом. Отпавши от Бога, они отвергли вместе и Божию благодать, или силу их духа властвовать над душой и телом. «Человеческий дух по природе своей отрешен. Характер его жизни есть самопожрание Богу. Самость прародителей не могла находить в нем пищи самоугодию и обратилась к душе и телу, движущимся из побуждений приятного и полезного... Чрез подпадение многообразнейшим требованиям души и тела» падшие прародители «восприняли в самости семя всех злых страстей» – злых «от потери меры потребностей и порядка их взаимного отношения».

б) Очевидно, первородный грех показывает самолюбие в свете злобно-горделивого возжелания богоравенства, низвергающего человека в корысть и смрадную и животную плотскую похоть. Со времени изначального грехопадения в основе преемственно наследуемого людьми праотеческого повреждения всегда лежат расположения к надмению, своекорыстию и сладострастию более, чем к самоотверженной любви. Восприятие первородного греха связывает всякого человека «нечувствительностью к желанию Небесного (у него) и неразмягченностью к тому, что относится к любви Божией». Напротив, он гораздо легче склоняется на внушения злобного самолюбия, жалеет и любит одного себя, готов всегда искать преимущественно личной призрачной славы, выгоды и

наслаждения. Теперь от рождения потомки Адама носят в себе внутреннюю силу грехолюбия и увлекаются страстью. «Первою ошибкою грех пользуется как контрактом... и правом... Он всегда увлекает на грешные дела сластью и тем, что не навсегда отвергается закон... Во всяком частном действии он непременно подстрянет, представляя, что в этом случае лучше сделать не по заповедям». А падает каждый из нас сам, соглашаясь на греховные предложения и следуя за ними.

«Когда услышишь о преступлении Адама и Евы, – говорит преподобный Марк Подвижник, – то веруй, что вначале это случилось собственно с ними, ныне же найдешь, что то же самое мысленно бывает со мною и с тобою. Ибо, возродившись Крещением и будучи водворены в раю Церкви, мы преступили заповедь Возродившего нас. Господь повелел нам любить всех единовверных и от всех чрез терпение вкушать приносимый ими нам плод, по сказанному в Писании: «от всякого дерева в саду ты будешь есть» (Быт.2:16). А мы, последовав внушению змия, одних возлюбили, как добрых, других же возненавидели, как злых; что и означает древо познания добра и зла. Вкусивши от него, мы умираем мысленно не потому, чтобы Бог сотворил смерть, но **человек навлек ее на себя**, возненавидев ближнего. Как первосозданные Адам и Ева, познав свою наготу, стыдились друг друга, так и мы, отвергши от мысленных очей наших незлобие и видя себя обнаженными, стыдимся друг друга в совести нашей. И вот сшиваем себе смоковничные листья, облакаясь внешним покровом слов, притворных поступков и самооправдываний. Господь же соделывает нам кожаную одежду и говорит: «терпением вашим спасайте души ваши» (Лк.21:19) и сообразно с этим советует: «Обретший душу свою в злопамятстве или в каком-нибудь ином грехе погубит ее. А кто погубит душу свою, то есть предаст себя на смерть, не соизволяя на грех и зло, сбережет ее (ср. Мф.10:39) в жизнь вечную».

Изложенные мысли о первородном грехе дают основание определять его как искажение изначальной самоотверженно-любвеобильной жизни природы человека и решительный перевес в ней над склонностью любить Бога и ближних

похотения или неумеренной горделивой любви к себе и чувственному миру.

Православная Церковь в своих богослужебных молитвах и песнопениях, сходных с раскрытыми выше мыслями, называет первородный грех «удалением от Бога» и «Божией славой», «неудержимым стремлением к злу», кражей блаженства руками сласти и «восприятием болезни».

От неудержимой силы первородного греха нет спасения ни в самом грешнике, ни в его напряжениях жить по началу самоотверженной любви. Спасение единственно – в содействии Божией силы, почерпаемой от Бога во Христе Спасителе действием веры. О сущности спасительного действия веры скажем ниже.

СПАСАЮЩАЯ ВЕРА

Вера как естественное состояние души и вера религиозная. – Усовершенствость созерцаний религиозной веры. – Возбуждение ими волевых расположений в духе самоотверженной любви. – Значение созерцаний веры для возгревания в верующих любви ко Христу Спасителю и к ближним. – Определение религиозной веры. – Тайна раскрытия человеческого существа верою для богоосияния. – Соединение с движениями веры благодатной силы Божией. – Учение о спасении верою. – Гибельное и спасительное настроения христианской личности. – Спасение ее чрез веру непосредственным действием Христовой благодати. – Два момента спасения. – Значение веры в покаянии людей и усвоении благодати Таинства Крещения. – Соотношение в процессе спасения веры и любви с христианскою надеждою. – Переход к учению о мученичестве в Церкви.

ВЕРУЮ... ВО ЕДИНАГО ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА, СЫНА БОЖИЯ... НАШЕГО РАДИ СПАСЕНИЯ СШЕДШАГО С НЕБЕС И ВОПЛОТИВШАГОСЯ. 2-й и 3-й члены Символа веры

Веру можно рассматривать как природную способность души и как религиозное переживание.

В смысле природного состояния души вера есть уверенность умом, чувством и убеждением в чем-либо невидимом, будет ли то невидимое из области вещей и явлений чувственного мира или из мира умопостигаемого. Внутреннее чувство и душевная простота человека, проясняемые его мышлением, суть орган его духовного зрения. Взору душевных очей бывает доступно в связи с мышлением уверенное созерцание невидимых и отвлеченно представляемых сущностей и предметов. Действие естественно выражаемой веры и заключается во внутреннем кратком или длительном созерцании невидимого с полной убежденностью в его правоте. Продолжениями созерцаний естественной веры служат разложения постигнутого верою посредством деятельности рассудка.

Вера религиозная есть также уверенность в невидимом, то есть в Боге, Его благодатном действии в мире и Церкви, будущих событиях космической и церковной жизни, в мировых проявлениях природосообразной Божественной любви и губительного самолюбия.

I) Созерцания религиозной веры могут усовершенствоваться, и II) одновременно может усиливаться восприимчивость верующего к благодати Святого Духа.

Раздел I

Ясновидения веры утончаются с очищением сердца покаянием и по мере развития самой веры. Принимаемая кем-либо мысль «Не поверить ли прочитанной или услышанной библейской истине?» на первых порах иногда вступает в борьбу

со всем человеческим духовным содержанием. Когда внутренние препятствия вере в человеке препобеждаются и он сердечно произносит: «Соглашаюсь с истиной и уверен в ее бесспорности», – тогда дело веры совершается. От непоколебимого умственного убеждения в воспринятых истинах религиозная вера со временем поднимается к сердечному сочувствию им, а потом делает их возбудителями воли к соответствующей деятельности. Настоящим созерцанием верою глубин учения Библии о невидимом и Божественном следует признавать именно то, которое бывает свойственно человеку, принимающему Слово Божие умом, сердцем и волею нераздельно. Сильная вера может первоначально содержать в убеждении всей души лишь общие черты всех Богооткровенных истин, но это усвоение дышит непрременной готовностью верующего руководиться в делах духом воспринятого учения. «Желание веры, согласие на нее, избрание ее – наше внутреннее творчество. Сама же вера живая есть дело благодати, плод всеосвящающего Духа». Экумений пишет: «Первая вера – некое сокрушение и готовность души перестать от греха и приступить к добродетели. Вера же, деланием добродетелей возвращаемая, есть убеждение, вкушение истины чувством... Та же вера, которая чрез них восходит к совершенству, есть блаженное упокоение от трудов».

Наиболее важен в вере тот момент, при котором созерцание истины очами пленяет волю в послушание духовной истине. Тогда все человеческие способности, объединяясь в созерцании свободно и горячо, предают себя вседействию благодати Божией и загораются огнем Божественной любви.

Развитие веры до оживления добрыми расположениями воли есть заветная цель человеческих духовных достижений. Устои, присущие **одинаково** и вере, и любви: «пост, милостыня, любовь к ближнему, прощение проступков, помышление о добром... – все это ступени, по которым душа восходит на горную высоту веры», «действующей любовью» (ср. [Гал.5:6](#)). При созерцании веры растут у человека чистота, смирение и милосердие, усиливается и общая любвеобильная деятельность его по вере. На высшей ступени человеческой

духовной зрелости в вере именно «любовь всему верит» (ср. 1Кор.13:7) и «опочивает у Господа» (ср. Прем.3:9).

«Вера и любовь, – говорят святые отцы и пастыри Церкви, – так сопряжены между собою, как душа с телом... теплота с огнем... Там вера, где любовь истинная оказывает себя». «Вера влечет... на высоту, а любовь служит путем, возводящим к Богу». «Вера – начало любви». «Любовь ширится на основании веры, множась, как цветы на хорошей почве», почему иногда и говорят, что «смиренная любовь есть вера». Любовь – жизнь веры. Отнимите от христианского сердца любовь, и вера его замрет, обескровится, станет деревом без плода.

«Вера, действующая любовью» (Гал.5:6), своими созерцаниями побуждает верующего принимать в сердечную и деятельную любовь: а) Бога и б) ближних.

а) Она – «начало нашего соединения с Богом». Потому «сподобившийся быть причастником искренней веры восходит в любви к Богу и ею делается совершенным в ведении Бога», как и говорит апостол от лица христиан: «Мы уверовали в любовь» (ср. 1Ин.4:16). Без веры невозможно знать Бога и возвыситься к любви Его. Лишь «вера делает явным... и расположение к Богу уверовавшего, и Божие человеколюбие». Прекрасно веровать в Бога с любовью, так как «все совершенство – в вере и любви, коих нет ничего выше». «Только подумайте (убежденно), что Господь вас любит, и, возлюбя Его, тотчас же почувствуете утешение в сердце вашем». «Верх совершенства веры есть бесстрастное погружение ума в Бога». «Кто держит Бога в богатстве любви, тот в то время бывает гораздо больше своей веры, как сущий весь в любви». «Сподобившийся уверовать так и обрести внутри себя маргарит любви к Богу не может не презреть всего, чтобы сохранить любовь к Богу твердою, полною и всецелою. Ибо когда он всему предпочитает любовь Божию, тогда и она день ото дня множится в душе его... И бывает он в исступлении под действием этого чуда, имея ум свой весь прилепленным к (Богу)». Вера есть основание следующих за нею надежды и любви, как «твердо устанавливающая истину... а любовь есть исполнение их, как все последнее желательное объемлющая». Вера убеждает боримый

помыслами ум прибегать к Богу и возбуждает его к дерзновению уверением в готовности для него всяких духовных содействий, а «любовь содействует его неудоботторжимым от сочетания с Божественным». «Стяжем веру (в Бога), чтобы прийти в любовь». Вера и надежда-причины, производящие любовь – здание, держащее крышу. «Вера, воодушевляясь надеждою, совершает все добродетели, питает ими и греет главу, то есть любовь, и делает то, что та возрастает посредством их. Опять и глава, чем более растет, тем более сообщает силы и прочему телу добродетелей».

Общая мысль в приведенных святоотеческих изречениях та, что вера своими созерцаниями Бога в молитве, чтении Писания и размышлении о Нем рождает и воспитывает любовь к Нему. Она учит верно ходить путем заповедей Божиих, путем любви. Из ее побуждения трудиться ради собственного спасения в итоге рождается у людей всепоглощающая любовь к Богу, придающая пламенность самой вере. Любовь – первый плод веры и источник оживления ее. После того как мы начинаем любить предмет веры и располагаемся к нему всей волей, эти сочувствия вливаются в самую веру, оживляют и одушевляют ее своей жизнотворностью. Применительно к этому действие веры в Бога похоже конечными целями на плодоношение дерева. Вера плодоносит любовь, а все предшествующие тому моменты ее развития имеют чисто временное, преходящее значение. Цель их осуществляется вслед за тем, как из их стропил и подмостков выступает величественное здание христианского настроения любви.

Говоря о вере как о вожде к любви, мы должны уточнить это положение разъяснением, что начало боголюбивой жизни верующих есть не просто вера в Бога, а именно вера в Божие Откровение во Христе. Благовестием о неминуемой гибели грешников без помощи свыше и о любви Божией во Христе к падшему человечеству вера будит спящую для добра человеческую волю. Она убеждает в доступности всякому прощения свыше грехов ради Христа. Созерцание верою Бога, милующего грешных по ходатайству Исккупителя, побуждает грешную волю отречься от прежней незаконной жизни и

безраздельно угождать Богу. До самой кончины всякий христианин верою во Христа окрыляет волю свою к борьбе с остатками страстей, ободряется, напоминая себе о неизменной Божией любви, и, наконец, возвышается до переживания личного спасения во Христе.

Подобное переживание вдохновило апостола Павла исповедать значение веры во Христе следующими незабвенными словами.

«Я живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал.2:20). «Общение веры деятельно в познании всякого добра во Христе Иисусе» (ср. Флм.1:6). И святой апостол Петр говорит: «Драгоценнее золота... вера в Иисуса Христа, Которого, не видевше, любите, достигая наконец верою спасения души» (ср. 1Пет.1:7–9).

Любовь христианина постоянно возгревается **доверием** Спасителю в том, что Он ждет нашего обращения к Нему со всеми нашими нуждами, позаботится о нас лучше, чем мы умеем, если только сами мы не заглушим мысли о Нем и сознания нравственной ответственности пред Ним. Безгранично **доверчивое** предание себя Господу Иисусу Христу освобождает богопреданных от греховной многозаботливости и последствий их настоящих жизненных обстоятельств. Любовь Христова вообще идет гораздо дальше человеческих ожиданий и дает несравненно больше того, чем смел бы кто надеяться. Христиане – предмет особых Христовых попечений, по свидетельству веры. Нет ни одного мгновения, в которое бы Спаситель не следил за ними любовно и не заботился бы о них. Окруженный пением Ангелов, Он прислушивается к малейшему их стону и воздыханию, видит их слезы и тяготы и каждого из них ведет ко спасению удобнейшим путем. Исходя из описанных убеждений, истинно вверяющиеся Христу заботятся о необходимом мирно и несуетливо. Из-за будущего своего они не волнуются, но каждое утро молитвою открывают Спасителю все свои нужды, печали и дела с просьбой помочь в них.

Это откровение и есть **доверие любви** их ко Христу. Вера в постоянное соприсутствие Христова человеку заставляет их не утрачивать осторожности при всех душевных движениях и не

оставлять на молитве и всюду в жизни ясновидения Его, Спасителя, чистым чувством любящего сердца. В творениях мужей апостольских, святых отцов и пастырей Церкви можно встретить массу глубоких замечаний о воспламенении верою сердечных чувств ко Христу Спасителю и самих образчиков созерцания Его светлой мыслью и теплым любящим сердцем.

«Вера и любовь к Иисусу Христу, – читаем мы у святых отцов, – суть начало и конец жизни. Вера – начало, а любовь – конец... Прочее, относящееся к добродетели, от них происходит». «Вера – плоть Господа и любовь – Кровь Иисуса Христа». Потому апостол назвал веру сочетанием с Владыкою Христом и браком. Верующий, «стремясь всеми помыслами к Владыке Христу, всегда жаждет общения с Ним и всегда зрит Его своими душевными очами». Единого Христа он имеет устроением сердца и Помощником, будучи убежден, что вне Христа «человек беден».

Вера познаёт «Иисуса Сладчайшего... уже не холодного и праведного, а доброго, милостивого, снисходительного, тихо сдувающего пыль с грешной, но ищущей Его души». Наставлением веры человек побуждается «сидеть сердцем пред ногами Дорогого, Доброго Учителя... и ставить сердце пред Ним». Спаситель же знает, «что значит эта истома маленького Его создания, взывающего к Нему, хотящего любить Его... Разве Он не поймет истому родства, дружбы, духовной любви?». Сочетание сердца с Господом верою есть внутреннее благодатное перенесение на наше ничтожество всей полноты Христовой и усвоение ее им. «Как дитя, любящее свою мать, обвивается около шеи матерней, так верующая душа, обвившись любовью с Господом, смотрит в очи Его, держащего ее над бездною и спасающего в Себе». Вера производит в спасающихся пламенное желание идти к Господу Иисусу Христу, найти Его, повергнуться к стопам Его, открыть Ему свои бедствия и умолять о помощи. По ощущении же спасающей силы Его они восхищаются Им безмерно. Для светлых очей веры Господь Иисус Христос «Пастырь несравненный, знающий Своих овец знанием частным, особенным... С хотящими принадлежать Ему Он соединяется узами любви и дружества...

в такую симпатию, какая бывает у искренних друзей, сообщающих друг другу секреты и утешающих друг друга... Он истинных овец зовет по имени (Ин.10:3) и говорит им по сердцу». «Душа чрез веру входит во Христа чувствами и движениями духовной жизни», «входит в личные отношения с Ним... крепкою любовью», «так сказать, прилипает к Нему всем существом». «Его любовь и благодеяния к миру (душа) себе присвоает, говоря: “Иисус, Сын Божий, – мой Искупитель, мой Спаситель, мой Помощник, мой Заступник, моя Жизнь”».

Из души святителя Димитрия Ростовского некогда излилось теплое исповедание личного спасения во Христе в следующих трогательных стихах:

Иисусе мой прелюбезный,
Сердцу сладосте,
Едина в скорбех утеха,
Моя радости.
Рцы души моей – твое есмь
Аз спасение,
Очищение грехов и
В рай вселение.
Мне же Тебе, Богу, благо
Прилеплятися.
От Тебя милосердия
Надеяться.
Никтоже мне в моих бедах,
Грешному, поможет,
Аще не Ты, о Всеблагий,
Иисусе Боже!
Хотение мне едино –
С Тобою быти:
Даждь ми Тебя, Христа, в сердце
Всегда имети.
Изволь во мне обитати,
Благ мне являйся.
Многогрешным, недостойным
Не возгнушайся!
Исчезе в болезни живот

Без Тебе, Бога:
Ты мне крепость и здравие,
Ты – слава многа.
Радуюся аз о Тебе
И веселюся,
И Тобою во вся веки
Боже, хвалюся.

Спасительно веровать во Христа – значит веровать в Его любовь и ею возводить на степень твердой веры робкие порывы души к Нему. В любовь же может уверовать лишь тот, кто научился любить произвольно. Иметь во Христе спасающую веру – значит развивать в себе любовь ко Христу. Такое-то личное христолубие отличало веру всех святых. У некоторых из них в предсмертные часы и в минуту разлучения души с телом вера возжигала неудержимое влечение скорее узреть любимого Христа и войти с Ним в ближайшее единение. Так, преподобный Макарий Египетский отошел душою в горний мир со словами: «Мой Господь Иисус, весьма любимый моей душой! Приими дух мой».

Так глубоко и властно созерцания веры могут побуждать христианина любить Спасителя и основывать подвиги спасения на том же начале любви.

б) Посредством убеждений веры, достигающих до глубины воли, христианин научается любить **не только Бога во Христе**, но и **своих ближних, любимых** Богом. Дела братолубия есть внешняя сторона жизни внутренней веры, как свидетельствует и апостол Павел в словах своих: «Не неправеден Бог, чтобы забыл ваш труд любви, которую вы оказали во **имя Его**, служа святым. Желаем, чтобы каждый из вас, для **совершенной уверенности** в надежде, оказывал такую же ревность до конца» (ср. Евр.6:10–11).

Живая вера движет христианина посвятить личную жизнь делу нравственного единения с верующими во Христе и подвигу милосердия во имя Христова ко всем. Она располагает христианские сердца деятельно сочувствовать и радующимся, и скорбящим, ревновать о благоворении и жить для других от начала до конца жизни. "Видишь ли, восклицает апостол Иаков,

что вера содействовала делам Авраама, и делами вера достигла совершенства?» (ср. Иак.2:22).

«Верующий только, а не пребывающий в любви и самой той веры, которую кажется имеющим, не имеет. Он верует с некоторою легкостью ума, не нося в себе действенного отвеса – преславной любви. Только «вера, любовью действующая» (ср. Гал.5:6), есть великая глава добродетелей». Она – «матерь доброго дела», «указывает добрые дела и приводит к получению сил на их делание». Все истинные христиане человеколюбивы от «вселения верою в их сердца Христа» (ср. Еф.3:17). Они и людей любят Христовою любовью, созерцая в них действием своей веры Христов образ. Для них в лице нищих «Христос разделяет трапезу» с благотворящим, Христос «помнит его хлеб и соль», иногда же «томится голодом... как бесприютный странник, ходит и просит крова». Убеждение веры говорит христианам, что и за гробом их доброта будет им помянута Самим Спасителем. Там Христос каждого милостивца «примет с веселым лицом, радостным приветствием и благосклонной откровенностью. Заключит его в Свои объятия, облобызает, будет ласкать, как милого сына, после долговременной разлуки возвратившегося с чужой стороны».

Подытоживая и сводя к единству все сказанное выше о характерных чертах религиозной веры, мы можем сделать следующее определение ее:

Религиозная вера есть живое созерцание невидимого и Божественного умом, сердцем и волею, завершающееся в процессе своего развития деятельною любовью верующего к Богу и ближним. Возбуждая любовь, вера, в свою очередь, любовью оживляется и питается. Вере присуща сила, на что намекает значение корня слова «вера» («санскр». *var* или *vir* – «сила»). Этою силою веры и является любовь благодатная.

Раздел II

Спасаящая вера и сама может привлекать благодать Святого Духа. При этом (1) человек раскрывает себя для благодати, а (2) соединение с нею движений веры совершается по воле Божией.

1

Благодатный «свет приходит к нам посредством веры... и постоянно обитает у представивших ему чистую жизнь» не иначе, как если человек предварительно сам раскроет себя для усвоения богоосияния. Душевную отверстость создают напряжения к сердечной молитве, противление страстям, благотворение и понуждение на все дела, противоположные греху. Напряженное сердечное созерцание Бога, подкрепляемое добрыми делами, и есть образуемый верою мысленный канал в душе для протоков сюда воды благодати. Чем ярче человеческое убеждение в том, что Бог готов изливать Свою благодать верующим, и чем больше кто повергает себя в силу Божию теплейшим покаянием, тем шире раскрытость верою для облагодатствования.

2

Для понимания благодатной действенности спасающей веры необходимо прежде сказать вкратце о человеческих устройствах духа: (а) в состоянии греховной гибели и (б) при спасении во Христе. Тогда станет очевидным и то, (в) как вера спасает грешника по благодати Христа Спасителя.

а) Существо гибели человека обнимается словами: «согрешение самолюбием с утратой способности самоотверженно любить Бога и ближних». Развитие самолюбия сопровождается утратой центра духовной жизни, внутренним смятением, омрачением, духовным бессилием и нерасположением ко всему духовному и Божественному.

б) Спасением от такого ужасного состояния души следует признать восстановление в спасающемся духовно-телесного единства жизни в Боге и настроения мирной, светлой, благодатно-мощной и ревнующей по Боге любви.

Оба этих момента в общем течении личного человеческого спасения отмечаются во многих местах Библии, где, например, читаем слова:

"Он (Иисус) **спасает** людей Своих от грехов их» (Мф.1:21). «И ты, младенец (разумеется святой Иоанн Предтеча), предъидешь пред лицом Господа – чтобы дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов» (ср. Лк.1:76–77).

"Спасайтесь от рода сего развращенного» (Деян.2:40). «Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим. Ибо любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. Посему... ныне, будучи оправданы Кровию Его (Христа), **спасемся** Им от гнева» (Рим.5:1–2, 5, 9). «И у Осии говорит Бог: не Мой народ назову Моим народом, и не возлюбленную – возлюбленную. А Исаия провозглашает об Израиле:... только остаток **спасется**" (ср. Рим.9:25, 27). «Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом, и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то **спасешься**" (Рим.10:9).

Соответственно приведенным библейским изречениям первый момент спасения – уничтожение греха, понимаемого в смысле самолюбия, а второй – воцарение на месте самолюбия духа самоотверженной любви.

«Выгони эгоизм со страстями вон, и будешь спасенный. Насколько умалились в тебе самолюбие и страсти, настолько подвинулось и твое дело спасения... Несклонение на внушения страстей – знак, что лицо, так настроенное, вступило на путь спасения и идет по нему... Решительной неуступчивостью во внутренней брани сначала начинают умаляться влечения, а потом и совсем кончаются. За ними греховные сочувствия умалются и совсем прекращаются. А когда в сердце начнет появляться мерзение и гнев против самых помыслов страстных, то это знак, что руда расплавилась и все, чуждое ей, выбросила».

Совершители человеческого спасения суть веропокаянное подвижничество всякого грешника и благодатное действие Самого Господа Иисуса Христа по Богоотческому изволению в Духе Отчем. Покаяние составляет именно то проявление веры, путем которого грешник оживает любовь. Осуществлением евангельского призыва: «покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк.1:15) – служит сама любовь грешника к Богу и людям, оживившая и устремившая свои силы к добрым делам. Кающийся **уверен**, что он может делать добро и что возможно помилование. Прощение ему грехов Христом есть заверение в

том, что его любовь, пробуждающаяся и потому еще робкая, признана, может жить и что она есть действительно любовь. «Не существует раскаяния для того... кто не верит, что на его слабую любовь Бог может отвечать любовью, то есть простить его. Без этой веры в Божественное милосердие мы никогда не можем быть твердыми в добре. Мы всегда грешим, всегда несовершенны, и робкая, немощная любовь наша всегда будет требовать себе поддержки совне, то есть признания, снисхождения, любви же... Трогательное уверение... что Бог принимает, прощает наше несовершенство... раз и навсегда дано было людям во Христе». А у самих кающихся уверенность в прощении вытекает из их любви к Богу и добру. «Любовь, будучи сама добром, **верит** в добро других, то есть в их любовь. Потому она **доверчиво** идет к Богу, зная, что на нее будет отвечено любовью же. Сам Иисус Христос сказал, что грехи прощаются только любви». На любовь кающегося с верою в милосердие Божие «можно отвечать только любовью. «А кому мало прощается, тот мало любит» (Лк.7:47). И апостол Петр говорит, что «любовь покрывает множество грехов» (1Пет.4:8)».

в) Вера спасает кающегося, обращая его внимание на крохи любви в нем самом и на бездну любви в Господе Иисусе Христе, Односущном Отцу и Духу Святому. Она побуждает его взыскать прощения грехов у Спасителя в Таинстве Крещения, сама здесь принимает благодать и приводит крещеного чрез Христа Спасителя в Бога. После того крещеный отвечает на ощущенную им Божию любовь личной любовью.

«Глубина сочетания Господа с сердцем крещеного – от силы веры, ее чистоты и сопряженной с нею решимости на соответствующие дела. Умалается чистота веры или соответственная ей жизнь – умалается и сближение с Господом и, по мере того, блаженство сердца... Отклонением от Господа взора веры расстраивается в (крещеных и) образ Его, и действительное воображение Его в них чрез жизнь». «Без веры в Господа Иисуса Христа и труды наши для спасения – ничто. Очистительную и живительную силу они получают единственно от веры» и благодати.

Спасение каждого верующего есть лично Сам Спаситель, почему Ему в церковно-богослужебных молитвах воссылаются такие мольбы:

«Христе! Озари меня светом спасения», «спаси меня Твоим сиянием», ибо «Ты – существенное спасение человека» и Звезда спасения. В Своем воплощении Ты наше «спасение, повиваемое в яслях». «Ты идешь подать благодать, спасти образ Свой (то есть человека) и уничтожить его разложение»¹⁸ осиянием. «Святые вследствие усыновления Духом (Твоим) всегда суть как плод чрева для Тебя, Христа, как и для Отца».

Изложенные нами мысли о спасении в Самом Христе и Его духовдвижном осиянии, порождающем огонь человеческой природной любви, подтверждаются на следующих изречениях Священного Писания: Христос – "Спасение" есть, "Свет для откровения народам" (ср. Лк.2:30, 32). «Да получают избранные спасение во Христе Иисусе со славою вечною» (ср. 2Тим.2:10). «Бог от начала избрал вас ко спасению, к которому и призвал для достижения славы Господа нашего Иисуса Христа» (ср. 2Сол.2:13–14). «Возлюбленные! Назидая себя на святейшей вере вашей... **сохраняйте себя в любви Божией**" (Иуд.1:20–21).

Исходя из этих библейских выдержек, спасение верою следует представлять себе «неразрывным сочлениением» христианина верою и любовью со Христом, а чрез Христа – с Троицей Богом. Вера отверзает сердце спасаемого к чувству благодати Божией, делающей его затем любвеобильным в духовнейшем смысле. В ходе спасения вере принадлежит наведение христианина на путь спасения, привлечение богоосияния к нему по воле Божией и побуждение его непрерывно творить дела любви с опорой не на них, а на милость Бога, благодатно спасающего во Христе. За такое невнимание к достоинству личных добрых дел и утверждение надежды на милость Божию верующий удостоивается помощи благодати не по правде Божией, а по изобилю Божественной милости. Вера для него становится косвенною виновницею возгорания огнем любви, а в этом возгорении и пламенении заключается самая сущность христианского спасения верою.

Изъяснение сочетания веры и любви в учении о спасающей вере было бы неполным, если упустить из виду наличие здесь также и надежды – этого сопредельного с верою состояния души. Христианская надежда, в отличие от веры, созерцающей невидимое настоящее, созерцает невидимое будущее. Уходя своими корнями в сердце, она сражается там с любовью, по слову апостола Павла: «любовь всего надеется» (ср. 1Кор.13:7). Так как по вере на земле даются от милости Благого Бога лишь залогов даров Божественной любви, то в наше настроение веры и любви необходимо привходит ожидание полноты благодатных дарований Божиих. Уверенность в осуществлении любимого и с любовью ожидаемого богообщения, особенно полного и непосредственного за гробом, необходимо вплетает надежду в переживаемые нами действия веры и любви.

Отсюда процесс спасения верою, для законченности своего изображения, требует учитывать то, что «мы спасены в надежде» (Рим.8:24), которая между верою и любовью имеет самостоятельное значение и вес.

Сама по себе христианская надежда близко примыкает к вере как уверенность в осуществлении невидимого будущего, но опирается на любовь, поскольку горячо ожидать в будущем можно только любимого. По словам святых отцов, «мы упокоеваемся в царских дворах любви под действием богатых сокровищ упования» и «упование родит любовь».

По отношению к вере и любви христианская надежда занимает срединное положение. Вера вводит спасающегося в созерцание Бога Спасителя и действий Божией силы, надежда передает его Божией благодати, а любовь творит самое богообщение в нем. Если бы он утратил веру, то вместе потерял бы предметы для надежды и побуждения к любви.

Вера убеждает в подвиге состоящую душу уповать, что она достигнет бесстрастия любви, и делает ее подобной свече. «Воск свечи – вера душевная, светильня – надежда, а огонь – любовь, которая соединяет вместе с верой и надежду». «Вера и надежда научают только презирать видимые блага, а любовь самую душу чрез добродетели сочетавает с Богом, умным

чувством постигая Невидимого». Из дел любви «вера все может творить... Надеждою ожидаем воздаяния любви, а любовь по качеству своему есть «уподобление Богу».

Если бы теперь очертить немногими словами важность веры, надежды и любви в личном спасении, то окажется, что всякого из «святых Своих Христос верою поострил, надеждою выковал, любовью разжег». Сравнительно с верою и надеждою, «любовь больше» (ср. 1Кор.13:13), по выражению святого апостола Павла.

Потому-то целью борьбы спасающихся со своими страстями служит главным образом развитие силы самоотверженной любви. Христианские борения за любовь опишем в следующем отделе.

ХРИСТИАНСКОЕ МУЧЕНИЧЕСТВО

Необходимость страдания для благодатного воссоздания всецелого настроения самоотречной любви. – Изглаждение страданием силы самолюбия. – Христианские муки борьбы за положительное раскрытие природных задатков к самоотверженной любви. – Две основные формы мученичества в Церкви. – Кровавое мученичество. – Напряжение святых мучеников иметь и хранить чистую, смиренную и милосердную любовь до начала кровавых страданий и во время претерпевания мук. – Увенчание их подвига невестственным светоозарением. – Ощущение огня Святого Духа богоосиянными мучениками именно как источника беспредельной любви к Богу и ближним. – Бескровное мученичество всех истинных чад Христовой Церкви. – Выдерживание ими тяготы самопринуждений к любви и невольных скорбей. – Завершение бескровного мученического подвига раскрытием в страдальцах полноты богоосияния любви. – Церковно-бытовые воплощения бескровного мученичества в христианской семейной жизни, в иночестве, юродстве Христа ради, столпничестве и пастырстве. – Заключение. – Переход к учению о христианских упражнениях и делах, обуславливающих развитие самоотречной любви.

ИСПОВЕДУЮ ЕДИНО КРЕЩЕНИЕ ВО ОСТАВЛЕНИЕ ГРЕХОВ. 10-й член Символа веры

Воссоздание спасительного настроения любви к Богу и ближним ни в одном христианине не проходит без страдальческого борения со страстями. Уже самый обет всех без исключения христиан в Таинстве Крещения – быть верными Господу своему – есть обречение ими себя на болезненное, целожизненное умирание многостороннему самолюбию. Дух каждого из них оживает в Крещении для жизни по закону самоотверженной любви, а «душа и тело еще живут греху. Надо и их сделать мертвыми ему» борьбою и препобеждением греховных представлений, самоугодия, услаждения телесных чувств и полчища страстей. «От борьбы с собою новая жизнь похожа на рабство и несение ига».

В этом смысле мученичество есть общий жребий всех спасающихся в Церкви во всякое время. Неизбежность и общеобязательность мученической формы жизни составляет основную тему нравственно-аскетического учения Библии, святых отцов, пастырей и учителей Церкви.

«Кто не берет креста своего, читаем в Библии, и следует за Мною (Христом), тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф.10:38–39). «Кто погубит душу свою, тот сбережет ее» (ср. Мк.8:35). «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян.14:22). «Мы погреблись с Ним (Христом) крещением в смерть, дабы... нам ходить в обновленной жизни. Ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним. Почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе» (Рим.6:4, 6, 8, 11).

Погублять свою душу, по завету Христову, – то же, что умерщвлять в себе самолюбие, раздвоившее нашу волю на боголюбивую и себялюбивую. Умиравший самолюбию не исполняет страстных похотений, отвергает греховные

сочувствия, не допускает плотских грехов, ненавидит чувственные улады и терпит горечь самоотречения. Такую силу самоотречения сообщает ему благодать Святого Крещения. После того он и во всю последующую жизнь обязан отсекал соблазнительные греховные предложения страстей. Все его достоинство выражается мерою готовности на безусловные и безжалостные к себе жертвы ради богоугождения. Страдание своей глубиной измеряет глубину подрыва в каждой христианской душе и теле корней самолюбия. Чем более кто стесняет в себе чувственные влечения, тем более отрешается от земных пристрастий и свободнее прибегает к Богу. Но отречение от греха в пользу добра и создает страдание и внутреннюю скорбь. Жертвоприношение личной свободы одному Богу по болезненности своей иногда равняется пролитию крови. Особенно тоскливо ощущают подвижники свою временную богооставленность и отрешение от привязанностей к любимым земным предметам.

«Теперь, – говорят отцы Церкви, – каждый должен возносить себя самого на крест любви и вместо гвоздей употребить пост, вместо терний – заповеди». «Развратившимся по нерадению Бог соделал жизнь претрудною, дабы удержать порывы своеволия... и легкое преклонение к злу... Ныне много труда нам делает недостаток силы». За претерпевание очистительного огня добровольных страданий каждого христианина-подвижника следует назвать поистине «другом мучеников не по нужде, но по любви». Обратной стороной христианских противлений самолюбию следует признать самопонуждение, имеющее целью укреплять навыки самоотверженной любви к Богу и ближним. В общем, борения христиан расчищают в христианской душе поле, на котором колосья любви всходят из разложившегося перегноя самолюбия. Зимние же холода страдания готовят спасающихся к весне успокоения от страстей. «Страдающий плотию, по апостолу, перестает грешить, чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией» (1Пет.4:1–2).

Священное Писание, святые отцы и пастыри Церкви, призывая верующих к мужественному терпению земных борений с самолюбием, в то же время предлагают им никогда не забывать того, что их страдальчество является именно мукой за торжество благодатной любви над самолюбием.

Священное Писание, призывая всегда держать в уме и сердце закон самоотвержения, располагает христиан к подвигу такими словами Господа и святых апостолов:

«Если кто приходит ко Мне (Христу) и не возненавидит... притом и самой жизни своей, тот не может быть **Моим** учеником" (Лк.14:26). «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч... все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь... не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе» (Рим.8:35, 37–39). «Мы, живые, непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей» (ср. 2Кор.4:11) и чтобы мы «уже не для себя жили, но для Умершего за нас и Воскресшего» (ср. 2Кор.5:15). «Достигайте любви» (1Кор.14:1). «Все у вас да будет с любовью» (1Кор.16:14).

Христианская устойчивость на пути любви к Богу и ближним немыслима без более самоотвержения. Она есть вместе способ подавления самолюбия.

По словам святых отцов, «кто прежде болезненным покаянием и усиленными подвигами не преобразит душевных своих сил, тот и души своей никогда не будет иметь пламенеющею любовью». «Начало любви к Богу – презрение вещей видимых и человеческих; середина – очищение ума и сердца... а конец – неудержимое возжелание сверхъестественных даров Божиих и естественное желание общения с Богом и упокоения в Нем». «Духом ходящие готовы и кровь свою пролить за любовь ко Господу». «Кто себя не любит по причине богатства любви Божией, тот только воистину и Бога любит... Душе боголюбивой, чувства Божия исполненной, свойственно искать единой славы Божией, относительно же себя – услаждаться смирением». В начале подвига ей

«необходимо пока насильственным принуждением заставлять себя совершать дела любви, чтобы таким образом достигнуть вкушения ее полным чувством». В совершенстве же стяжевают любовь те, кои дошли до мученичества и совершенного исповедания и у коих наперед «поглощено смертное жизнью» (ср. 2Кор.5:4). «Кто не отрешится... от всякого пристрастия к вещественному, тот не может настоящим образом любить ни Бога, ни ближнего... Надлежит всему видимому и даже самому телу предпочитать любовь ко всякому человеку, которая служит признаком и любви к Богу».

«Демоны борют на ненависть, чтобы нерадивейшие возненавидели благочестивых и тем преступили заповедь любви». Но святые подвижники благочестия, борясь с восстаниями в себе неприязненных чувств к ближним, и других учили такой же осторожности хранения заповеди любви, например, внушая им: «Расширяй себя в меру заповеди о любви – и достигнешь высоты смиренномудрия». «Внемли себе: не в тебе ли самом кроется зло, разлучающее тебя с братом, и поспеши примириться с ним, дабы не отпасть от заповеди любви». «Не неради о заповеди любви, ибо чрез нее будешь ты сыном Божиим, а преступая ее, окажешься сыном геенны». Наиболее «пекись о любви и воздержании, чтобы, сохраняя страстную часть безмятежною, иметь в душе непрестающий свет». «Раздражительную силу души обуздывай любовью, желательную умерщвляй воздержанием, мыслительную воскрыляй молитвою».

«Старайся сколько можешь любить всякого человека. Если же этого еще не можешь, то по крайней мере не ненавидь никого». «Такой-то похулил тебя: не ненавидь его... но покажи к нему дело любви и, если в чем можешь, помоги ему, да отвратишь его от зла». «Христос не хочет, чтобы ты имел на человека ненависть и досаду или гнев и злобу на кого, каким бы то ни было образом и за что бы то ни было временное. Это всякому проповедуют четыре Евангелия». «Любовь (подвижника) к Богу противоборствует похоти, ибо склоняет ум воздерживаться от услаждений чувственных; любовь же к ближнему противоборствует гневу, ибо заставляет презирать

славу и богатство». «Если хочешь избавиться от страстных помыслов, стяжи воздержание и любовь к ближнему». «Стремления похоти обуздывай воздержанием и стремления гнева – духовною любовью». «Подвизайся полюбить одинаково всякого человека, и за раз отгонишь все страсти». «Освобождение же от страстей рождает любовь к Богу (полную)». «Самая прекрасная жертва – иметь святое изволение (любви) и непорочную плоть. В этом отношении каждый для себя иерей».

Любовь к Богу требует от нас «презрения самой души, и умерщвления тела, и перенесения на Бога всей деятельности и желания, ничего не оставляя душе». То же следует сказать и о достижении любви к ближнему. «Когда мы отвергаемся себя, тогда бываем подобны Тому, Кто по любви Своей примирил нас с Собою. Быть по подобию Божию есть принадлежность одних из тех, которые по великой любви свободу свою поработили Богу». «Когда Божественная благодать живописует в ком богоподобие, (тогда) светлая черта любви, будучи приложена, показывает, что черты образа Божия всецело возведены в благолепие богоподобия». «В любви к Богу (и ближним) можно преуспевать при великом борении и труде... потому что противник не позволяет нашему уму удерживаться в Божественной любви памятованием о всем прекрасном, но обольщает чувство земными пожеланиями».

«Кто действительно последует за Крестом Христовым, тому должно, отрекшись от всего, даже от души своей, иметь ум пригвожденным к любви Христовой». «Если душа (борющегося со страстями) не положит следовать любви, то плотских страстей не преодолееет». Ради хранения любви к Богу и ближним надлежит «ни в каком деле, или слове, или помышлении не искать своей воли и покоя, но воли Божией, хотя бы подлежащий труд казался очень великим... (Это спасительнее) всех других советов человеческих». «Когда душа... отвергнет всякую свою волю, естественно отвратится и от всех дел века сего». Тогда она «мысли свои держит в должных пределах, бежит от всякого разногласия и противоречия... предаётся плачу, не помнит обид и властвует

над своими чувствами». «Тот враг Богу, кто следует собственной своей воле».

Ценность приведенных замечаний святых отцов та, что они авторитетно ставят концом подвижнических трудов и борений расцвет в христианах-подвижниках настроения любви к Богу и ближним.

Обилие, глубина и законченность суждений о цели христианского мученичества в цитированном ряде святоотеческих изречений делают излишним пояснять их еще словами пастырей Церкви на ту же тему. Здесь важно признание христианских борений с самолюбием борениями за всецелость самоотверженной любви. Нераздвоенная любовь к Богу и ближним есть плод многих подвигов, постов, бодрствований, молитв и иных упражнений духовных в самопротивлении и самопонижении. Она как бы извлекается Святым Духом из душ, целым потоком напряжений подвижных любить.

Характерна в святоотеческих изречениях особенно та мысль, что все страстное заглушается в падшем человеке расположениями самоотверженно-любвеобильными. К их оживлению сводится все христианское страдальчество, покупаемое ценою распятия самолюбия, беспристрастием к земным вещам и удалением от всяких разделений друг с другом. Укрепление в самоотверженно-любвеобильном настроении составляет главное содержание мученического подвига спасающихся в Церкви. Осуществляя названный подвиг, необходимо подавлять самолюбие неизменным и долготерпеливым восстановлением в себе слабеющих чувств и расположений богопреданных и братолюбивых. Земные страдания, вольные и невольные, развивают и закаляют во всяком христианине именно истинную любовь. Они возвышают ее по мере свободного самоотречения христианина и старания его любовью «быть всем для всех» (ср. [1Кор.9:22](#)).

Христианская любовь цветет среди тесноты и зноя страданий во все века бытия на земле Христовой Церкви. Мученичество за расцвет ее совершается в двух существенно единых формах: 1) в форме пролития крови за веру Христову и

положения жизни за ближних во имя Христово и II) в форме бескровного мученичества. Мученичество кровавое есть высшая в Церкви личная жертва всесожжения ради совершенного настроения любви. Бескровное мученичество – уже вторичная разновидность страдания за то же безраздельное послушание Божией воле, в котором сказывается истинная любовь. Бескровный мученик неумолимо отсекает от души и тела всякое страстное движение, всякое нечистое удовольствие и услаждение самим собою. «Умереть от гонителя есть очевидное мученичество. Но переносить поношения, любить ненавидящего (и выдерживать другие подобные самоограничения) есть сокровенное мученичество... И мы без железа можем быть мучениками, если в душе храним истинное терпение».

В обоих указанных случаях цель страдания и настроение, в котором страдание перетерпливается, сливают оба вида мученичества в нечто единое. И проливающие кровь, и бескровные христианские мученики одинаково страдают за развитие в себе любви к Богу и ближним до высших ступеней. Те и другие равно приходят к уничтожению личного самолюбия благодатию Божиею и раскрывают свою свободу для любви. К концу подвига многих из них благодать Божия отверзала такую совершенную действенность в них, что они под благодатным влиянием достигали необычайного переживания близости к себе Бога.

I. Кровавое мученичество

От предварительных замечаний о смысле и задаче христианского мученичества обратимся к ближайшему рассмотрению сначала его первой, высшей формы, или кровавого страдальческого подвига. Поверхностный взгляд на муки святых Христовых страстотерпцев не дает различить в них ничего, кроме ужасной видимости истязаний, пыток, телесного увечья и непоколебимого терпения. Но попытка войти в характер мученического настроения перед физическими муками, с наступлением их и до самой кончины страдавших захватывает исследователя созерцанием чудной картины. Перед ним открывается поразительное зрелище переливов мученического

настроения в постепенном охватывании страдальцев благодатным огнем Божественной любви.

Оказывается, что большинство христианских мучеников перед мучениями особенным образом и сознательно готовились к смерти за Христа. Им было присуще естественное напряжение сохранить верность и любовь ко Господу путем предварительного углубления в себе: чистоты, смирения и доброты. Во время страдания драгоценные жемчужины этих качеств явно украшали их души. С приближением кончины многие мученики внезапно начинали ощущать в себе такой огонь благодатной любви, что приходили в неизреченный духовный восторг.

В целях последовательного наблюдения за оттенками благодатных мученических переживаний остановим внимание отдельно: 1) на приготовлении мучеников к страданию, 2) на поведении их во время мучений и 3) на ощущении ими обильнейшего благодатного светоозарения перед кончиной.

Глава 1

Готовясь к пыткам и смерти, святые мученики, как мы сказали, более всего заботились о том, чтобы умереть за Христа в состоянии: а) чистоты, б) смирения и в) добросердечия.

а) Для своего очищения от страстей и заглаждения грехов в преддверии мук они ежедневно исповедовались и причащались Святых Таин. Выражаясь словами одного святого отца, они ежедневно «пили чашу Крови Христовой, дабы и сами могли пролить кровь за Христа». При этом они строго воздерживались решительно от всех удовольствий жизни, «плотских волнений» и земных пожеланий. Хранение постничества и «омовение слезами» покаяния быстро возвышали их над пристрастиями к телу и над плотскими обязанностями супружеской любви. Все земное, как то: знатность, «юношеское украшение», «невестнические чертоги» и тому подобное – теряло для них свое обаяние. Вместо того они возвышались ко Господу сердечным желанием и «желали единого Христа», будущей жизни и Божественной любви предпочтительно пред всем (чувственно) прекрасным.

б) Смиренно сознавая свою немощь пред лицом страданий, святые мученики горячо молились об укреплении их терпения при грядущих истязаниях, испрашивали себе у всех знакомых прощения и непрестанно сокрушались сердцем о грехах. «Смирненным расположением духа» и отложением ради Христа гордыни они уподоблялись Агнцу Христу, кроткому и незлобивому.

в) Сердца их в это время были исполнены величайшей доброты. Они «раздавали богатство нищим» и «хлеб голодным», посещали тюрьмы и служили там заключенным исповедникам Христовым «словом» и делом по мере возможности.

Можно с несомненностью полагать, что большинство будущих страстотерпцев проходило описанное предпочистительное горнило, подчиняясь требованиям Церкви и совсем не сознавая, что чистота, смирение и милосердие как навыки, естественно выражаемые, суть нужнейшие условия богоосияния любви. Святые, безусловно, имели в виду своей подготовкой к смерти достичь лишь развития личной способности к богообщению. Между тем их говение и усилие быть смиренными и милосердными были самоопределением к любви.

Так понимают мученическое настроение и святые отцы. По их словам, готовившиеся к страдальчеству «хранили согласие в любви», так как «не соблювший братской любви не может быть мучеником... Не восхотел кто быть единомышленным в Церкви, не имеет любви и Бога не имеет». Богоугодные мученики – «братья по сыноположению Духа, сочетавшиеся друг с другом в единомыслии любви». «Любовь есть печать, положенная на них Господом». Она предшествует мученичеству, поскольку мученики «любовь к себе приносят в жертву любви ко Господу».

Укрепившись благодатию Божиею в самоотвержении пред своим великим подвигом, «возжелавшие креститься в смерть Христову своею кровию» или сами приходили в языческие судилища для исповедания Христа истинным Богом, или насильно были приводимы туда стражей. После того наступал час их страданий.

Глава 2

За бесповоротный отказ отречься от Христа и поклониться идолам они [мученики] предавались многим изощренным телесным истязаниям. Первые часы мучений проходили для большинства из них чрезвычайно болезненно. Некоторых мучеников Господь испытывал тем, что подкреплял их сокровенно, а явно не являл им долгое время благодатной действенности.

Но они выказывали тогда полное напряжение всех расположений своего боголюбивого настроения.

а) **Чистота** духа позволяла им при нестерпимых болях физических по-прежнему «присвояться Христу», всецело добровольно ревновать о сораспятии Ему и «приносить Ему в дар непоколебимость любви». Страдая нестерпимо, они продолжали хранить в себе неослабную душевную крепость, твердость, мужество и непреклонность помысла. Потому-то и Церковь в богослужебных тропарях усвоила им наименование честных камней, основанных и «утвержденных на камне любви ко Христу».

б) **Кротко и смиренно настроенные**, святые мученики в часы истязаний «вседушно прилеплялись к любви Христовой» молитвой. Едва двигая устами от сильной телесной боли, они тайно молились Господу, а иногда вслух читали и пели псалмы. Сознание и чувство человеческой немощи вне Бога побуждало их молитвенно повергать себя в силу Божию и вседействие благодати.

в) В глубоком смирении пред Богом они от самоуничтожения переходили к **милосердованию** о самих мучителях. Смиренная любовь к Богу спасала их от злобы к врагам и побуждала «ненавидеть (самую) злобу». Вот почему они благословляли своих безжалостных убийц, молились о спасении их и «закалались за Христа, как незлобивые агнцы». Например, палестинский мученик святой Павел пред лицом истязателей до минуты усечения мечом вслух молился о приведении Богом к вере и спасению всех язычников, о прощении вины судьи, обрекшего святого на смерть, и палача, исполнявшего судебный приговор. Смирнский мученик Пионий из самого пламени костра

молился за всех язычников. Когда он заключил свою предсмертную молитву возгласом «Аминь», «пламя закрыло его и задушило в нем жизнь».

Глава 3

Отмеченные черты мученического настроения наглядно показывают, насколько горячо и твердо было обращение страдальцев к Богу в огне мук и единение с Ним. Предсмертное страдание окончательно уничтожило и выжгло в них остатки себялюбивой страстности. После того Сердцеведец Бог, пронизавший в глубь мученического существа всезрящим оком Своим, соизволял на высшее откровение в них действия дарований Святого Крещения и Миропомазания. И вот внезапно в их сердцах разверзлось ощутительно для их духовного зрения сияние Божества. Под влиянием такого Богоявления они «пленились сверхъестественным жаром любви, не чувствовали мук и насыщения не имели, предаваясь им и всегда находя, что страдания их далеко отстают от меры их пламенного желания страдать за Господа».

Так, святой мученик Евстратий среди мук не мог удержаться от исповедания своего богозрения и восклицал: «Теперь я познал, что храм Божий есмь и Дух Божий живет во мне». По этому поводу преподобный Симеон Новый Богослов говорит: «Видишь ли, как... святой (Евстратий), когда начал переносить терзания в борьбе своей, тогда стал видеть умными очами души своей, что Дух Божий ощутительно обитает в нем?». «Той силы, которою (христианские мученики были и бывают) смелы в дерзновении, пламенны в желании и могут, наконец, достигать того, чего возжелали, нельзя найти в природе человека... Причиной ее нужно почестъ благодать Крещения – огонь... любви к Богу». «Сам возлюбленный (мучениками Христос), Который творит, извергая их сердца плотяные... когда любовь, подобно огню, вдыхает в них от уст Своих. О, неизреченная сила Христова! И для естественного разума какую сообразность представляет то, чтобы раны и бесчестие рождали любовь?».

Мученическое горение огнем благодатной любви с точки зрения духовного разума можно назвать проникновением в Христову любовь и обретением Христа в сердце по дару

Таинств Крещения и Миропомазания. Некоторые мученики, ощутив в себе сияние Христово, определяли свое переживание следующими признаниями.

Под защитою руки Христовой «не боюсь мучений и даже не страдаю... Помогающая мне благодать Христа моего... облегчает мои страдания... Откуда мне, отверженному, столь великая благодать! Вот, я уже как бы на небе! Да прославится, Владыко Христе, имя Твое в теле моем!». «Я созерцаю сладость обещанного мне Христом покоя и не ощущаю мучений». «Чем больше строгая тело мое, тем больше насыщают душу... Мне помогает Христос. Я укрепляем Его благодатию».

Составители богослужения Православной Церкви тонко подметили описанное выше святыми отцами мученическое разжжение огнем Божественной любви. Согласно их выражениям, святые мученики венчались Троической силой в «прохлаждающем огне Божественного Духа». Этот огонь «наполнял страдальцев вечной славой» и Божественной светлостью. Воссиявая в сердцах мученических и расширяя их, он орошал святых любовью к Жениху. Во свете огня Духа «Христос приклонял в них главу» и чрез Духа Святого «воспламенял (их) углями Своей любви».

Потому-то о мученическом сословии справедливо всегда вместе с Церковью повторять хвалебные песни и молитвы, наподобие следующих:

«Пламенная любовь к Тебе, Христе, окрылила воинства мучеников». «Всеми хвалимые мученики! Вы, движимые преимущественно любовью к Богу, как бы в чужих телах» страдали, «забыв естество». «Господи! Твои мученики любовью к Твоему Кресту душевно соединились» друг с другом.

Огненная любовь к Богу во Христе, питая страстотерпцев, хранила их от злобы против мучителей. Она побуждала их забывать «о раненом теле и осуждении на смерть» и превращала для них «хождение по горячим углям» в шествие по росе. Ею уязвляемые, они терпели «язвы и болезни от огня», тягость лютых мучений. Иные из них «обесчувствовались к

(ощущению) телесных поранений и болезней» и чрез то сберегали в себе неокраденный дух и огненные крылья к небу.

Развернутая нами картина кровавого страдальчества в Церкви дает основание к такому общему выводу: «**Сила мучеников – любовь**» в ее известных нам качествах. Она-то и составляла собою источник обрадования, подкрепления и мужества для святых страстотерпцев.

II. Бескровное мученичество

Следующей за кровавым мученичеством, вторичной формой христианского страдальчества во имя торжества в Церкви закона любви является бескровное мученичество.

Конечная задача его – возвысить спасающихся до того же благодатного пламенения любовью к Богу и ближним, какое имеет место в мученичестве кровавом. Средство к тому – также страдание. Бескровные мученики принимают его на себя в одном из двух видов: или (А) в свободноличном устроении, или (Б) в устроении Божественно-промыслительном. Сознательно налагаемое на себя кем-либо страдание обычно возникает на почве отречения от самолюбия и борьбы за настроение: а) чистое, б) смиренное и в) братолюбивое.

А

а) Забота об очищении от страстей заставляет бескровного мученика прежде всего собирать ум ко всецелому исканию Господа и противоречить вражьиим помыслам. «Низложение (всякого) лукавого помысла в себе есть знак любви к Богу» и выявление склонности воли человеческой – куда она преклоняется. Труд немедленного отвержения греховных мыслей возможен только при условии самособранности. Он мучителен по причине назойливости приражений злых духов. Эти бесплотные враги человеческого спасения настойчиво покрывают ищущих благодатного очищения пеленой греховных внушений. Поэтому, чтобы молитвенно прозреть к Богу, необходимо напрячь все свое внимание и смиренным, сердечным плачем взыскать к тому помощи Божией.

Такое же напряжение всех душевных сил сопровождает подвижнические отказы от греховных сочувствий, влечений и пристрастий. Господствовать над собой, особенно на первых порах духовной борьбы, крайне трудно. От постоянного противления себе нервы страдальца превращаются в какой-то сжатый болючий комок, расшевеливаемый железным острием, и слезы льются из его глаз. Потому-то «непорочное служение» его Богу причисляется «к ежедневному мученичеству... и венец ему

плетется из лилий» благодатных дарований. Слезы – его «жертва Богу, как и кровь, которую мученики пролили за Христа». Умерщвляющий страсти при этом отрекается от чувственности, видимых земных опор, надежд, утешений и обращен к одному невидимому. Его самопожертвование простирается до отрицания многого приятного в мирском быту, например: «блуда, нечистоты, злой похоти и любостяжания» (ср. Кол.3:5).

б) Из всех сопротивлений бескровных мучеников страстям самое длительное и тяжелое есть подавление гордости с присущими ей мечтами, чувствами и влечениями. На почве разрыва с привычкой властвовать, хранить нарядную внешность, репутацию умного человека и чем-либо возвышаться над другими у всякого христианина вырастает масса болей и мук от самообезличивания и изглаждения в себе всего обычного людям. Гордость наиболее живуча в каждой падшей душе и очень неохотно мирится со своими утеснениями. Ей трудно уступать, прощать, снисходить к чужим немощам, не стоять на своем в неудачах, огорчениях и ежедневных неприятных случаях. Она с большим неудовольствием принимает личные беспокойства, не хочет дожидаться конца нудных бесед, первую начинать разговор при встрече с другими. Ей противно предупреждать других приветственными поклонами. Много есть и еще всевозможных мелочей, где гордости тяжело терпеть, молчать, извинять других и услуживать им с самоукорением. Оттого-то сознательное смирение христианской личности и опорожнение ее от самоцена во всех проявлениях есть страдание, насилие над собой и отвержение себя. Даже в малом смиряться прискорбно, так как гордость неповоротлива к самоуничтожению. И только после кровавого самопринуждения достигается искомое долготерпение, подобное крепкой стене, которая не дает трещин для выпада сквозь эти отверстия горделивых обид, своеволий и заносчивости всякого рода.

в) Болезненно мучительны, далее, изменения своей неподвижности к благотворению, несносности в обращении и замкнутости от всех – в навык быть всегда добрым и

самоотверженно услужливым. При подавлении порывов жестокости, вот-вот готовых обрушиться на кого-либо, спертые силы зла в борющихся с собою так и брызжут из их существа нервною, раздражительностью и возмущениями. Часто весь мир кажется им мрачным, люди – злыми, своя личность – никуда не годной или болючим нарывом, к которому нельзя и прикоснуться. Тогда хочется им заявлять громко всем окружающим о своем внутреннем раздвоении между долгом милосердия и нехотением побеждать зло добром, проклятия – благословениями, обиды – молитвою за обидчиков. Между тем заповеди Евангелия безусловно требуют от них, чтобы они снисходительно и часто терпели человеческую взыскательность и прихотливость, всем являли кроткое великодушие и преодолевали в себе отвращение, охлаждение и нерасположение к нелюбимым людям. Это – настоящее мученичество.

Б

Иногда бескровные мученики, сверх добровольных скорбей, несут еще невольные, промыслительно попускаемые Богом. Значение невольных страданий и скорбей то же, что и значение произвольных. Смирненно переносимые невольные бедствия, лишения и потери очищают души терпящих, возвышают их над земным и чувственным, смиряют попустительскими богооставлениями и унижениями и учат снисходить к окружающим со всей добротой милостивого сердца.

Вольные и невольные страдания постепенно умерщвляют человеческое самолюбие. Они чудно оживляют настроение любви у пострадавших и утончают их восприимчивость к благодати. «Претерпевый до конца, говорит Писание, той спасен будет» (ср. Мф.10:22). И еще: «по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше» (2Кор.1:5). Это спасение и утешение благодатию Божией преподобный Макарий Египетский описывает так. Бескровные мученики бывают, по его выражению, «препобеждены Небесным желанием... отдаются ему в плен... и отрешаются от всякой мирской любви... и всяких земных уз, чтобы возможно им было одно это желание иметь всегда в сердцах и не примешивать к

нему ничего иного». «Иногда такую радостью и любовью разжигается их Дух, что, если бы можно было, вместили бы всякого человека в сердце своем, не отличая злого от доброго».

Завершение страданий бескровных мучеников полнотой их облагодатствования имеет место во всех формах их подвижничества, каковы: христианская семейная жизнь, иночество, Христа ради юродство, столпничество и пастырство. Прекрасны по этому поводу слова преподобного Антония Великого, сказавшего, что четырехликое Серафимское существо, таинственно созерцавшееся святым пророком Иезекиилем, означает пути христианского спасения. «Первое лицо Серафимова – человеческое – означает верных, кои, живя в мире, исполняют заповеди, на них лежащие. Если кто из них выйдет в монашество, то он становится подобным лицу тельца, потому что несет тяжелые труды в исполнении монашеских правил. Кто, усовершенствовавшись в порядках общежития, исходит в уединение (юродственное Христа ради) и вступает в борьбу с невидимыми демонами, тот уподобляется лицу льва. Когда же победит кто (страсти), как столпники и истинные пастыри, тот уподобится лицу орла».

Придерживаясь данной последовательности восхождения к любви христианских бескровных мучеников, остановим внимание на своеобразных чертах их страдальчества в подвиге жизни: 1) **семейной**, 2) **иноческой**, 3) **Христа ради юродственной**, 4) **столпнической** и 5) **пастырской**.

1

О принадлежности подлинно христианской семейной жизни к разряду аскетических и, больше того, мученических устроений личного спасения говорит самый чин Таинства Брака, где поются слова церковной песни: «Святии мученицы, иже добре страдавшие и венчавшиеся, молитесь ко Господу **спастися** душам нашим». Приравнивание венцов брачующихся к венцам мучеников вызывается предстоящим им в супружестве трудом отречения от: а) гордости, б) брачного нецеломудрия и в) своекорыстия при воспитании детей.

а) Муж и жена – христиане призваны Церковью ко взаимной любви с условием умирания каждого из них для своеволия и

нахождения себя увеличенными и умноженными друг в друге, по слову Спасителя: «Если пшеничное зерно, падши на землю... умрет, то принесет много плода» (ср. Ин.12:24). Чтобы прийти к духовному единению любви, тот и другой супруг должен отречься от себя один в пользу другого, отдавать свою душу каждый друг другу и жить взаимной жизнью.

б) Половое брачное общение их должно совмещаться с их лично подвижническим настроением. Если муж и жена, зачиная дитя, предварительно ослабили свою страстность пребыванием в страхе Божиим, мире друг с другом и любовью, если также во время чревоношения женою младенца они отказываются вовсе от сладострастия, вместо же того часто молятся и не допускают вспышек взаимного раздражения и других страстей, то и дитя их рождается с большею склонностью к добру, чем ко злу, и с большею способностью противостоять греху. Но подобное супружеское самоограничение, безусловно, нелегко. Оно есть подвиг собственного и потомственного усовершенствования.

в) Вслед за рождением детей для обоих супругов наступает новая забота – об их воспитании. Здесь супружеской любви приходится невольно искать себе подкрепления в небе, у Бога, и весьма беспокоиться за чистую религиозность детей и приспособленность их к практической жизни. Родительская жизнь в детях вообще полна тревог и опасений, требует всецелой богопреданности и силы духа. Тут надлежит всем жертвовать и все терпеть для прославления Бога в дорогих семейных отношениях.

Концом земного супружеского подвига является приобретение той Божественной любви в личном настроении, о которой святой апостол Павел писал семейным христианам в словах: «Господь да управит сердца ваши в любовь Божию» (ср. 2Сол.3:5). «Любовь да будет непритворна» (Рим.12:9) у вас. «Цель увещания есть любовь от чистого сердца, и доброй совести, и нелицемерной веры» (ср. 1Тим.1:5).

2

Удаляющиеся от мира и семейной жизни христиане обычно несут мученический подвиг в монашеском звании. Монашество, в сущности, есть отречение – прямолинейное и бесповоротное –

от самолюбия и вытекающих из него трех основных страстей. Иноческие обеты девства и постничества даются к умерщвлению плотской похотливости – сладострастной и чревоугодливой. Обет нестяжания имеет в виду погашение корыстолюбия, а обет послушания обращен на подавление гордыни. Произнесение иноками при постриге своих обетов есть только выражение их решимости отречься от самолюбия. В последующей же за постригом жизни их наступает самая борьба.

Душа монаха временами влечется к семейной жизни, бывает полна нерастраченной жизненной силы. Избытком телесной энергии она подмывается к раздражительности, искушается сильнейшими позывами к чревоугодию, приступами скупости, злобы, гордыни и тщеславия. Враг человеческого рода всегда усиливается привязать монахов к воспоминаниям брачной жизни и лакомству, вопреки бегству от телесного сладострастия. Многих отрекающихся от мира уже после опыта семейных утешений в иночестве борет сознание сиротства и одиночества. Им приходит на память первая, мирская, жизнь, и сравнительно с нею пребывание в монастыре начинает казаться скучным, ненавистным и безутешным.

Ввиду этого им всегда приходится молиться, поститься, открываться старцу и не выходить из волевого напряжения, чтобы физическая сила организма не поглотила их духа и не приостановила высшей жизни его. Иноческое девство и постничество приближают к Богу отрешающихся от «пожеланий плоти» и «всего диаволова». По словам церковно-богослужебных молитв и песнопений, обуздание иноками плотских страстей болезненно. Оно есть «распятие миру», «мученичество в произволении», пролитие «тучи душевных слез» и «терпение зноя воздержания» с безмерными болезнями. «Изнуряющие свою плоть» алчбою, «бодрствованием, лежаниями на земле и иными томлениями» подлинно представляют себя Христу как жертву, поскольку «огорчают чувства болезнями воздержания». Они умерщвляют члены и «страдают, как бездушные камни», непреклонные при искушении своей воли. У всякого истинного монаха нет ничего

для плотоугодия. У него правило – «никогда не есть досыта», так как монашеская «сытость то же, что пресыщение у мирян».

При условии плотского воздержания «вся брань монаха против демонов состоит в том, чтобы отделить страсти от мыслей». «Помышление – простое воспоминание о чем-либо, страсть – бессловесная любовь или безрассудная ненависть к чему-либо. С такою-то страстью брань у монаха». «По отделении страсти от помышления посредством духовной любви и воздержания (у монаха) остается чистый помысл». Впрочем, «отрекшийся от мирских вещей, как то: жены, имущества и прочего – соделал монахом (лишь) человека внешнего, а еще не внутреннего. Отрешившийся же от страстных помыслов соделал таковым и внутреннего человека. Внешнего человека легко сделать монахом, если только захотеть. Но не мал подвиг сделать монахом внутреннего человека». «Всецело освободившийся от страстных помыслов и сподобившийся достигнуть чистой и от всего отрешенной молитвы есть внутренний монах».

Быть иноку мысленно чистым только и возможно чрез умерщвление пристрастия к телу.

Хранить душевную и телесную чистоту ему много помогает напряжение – **смиряться** при соблюдении обета послушания. Тщательное послушание монаха весьма мучительно на первых порах иноческого подвига. Приобретающий послушание должен вменить ни во что свой естественный разум и признать себя неспособным что-либо знать своими силами. Отрекаясь вместе и от всех естественных побуждений воли, хотений, привычек, сердечных ощущений и привязанностей, он должен волю, разум и сердце своего духовного руководителя принять в начало личной жизни, как отобразы Христова разума, сердца и воли.

Ему нельзя ничего делать в свое угождение, а все следует творить лишь с целью угодить Христу. Без описанного вменения ни во что личных совершенств и мудрований инок не может привиться ко Христу. Но самоуничижение это не обходится ему без мук. Тут совершается распятие всего иноческого существа при изгнании из ума – своемыслия, из сердца – своечувствия и из воли – своеволия и самочиния. Самолюбие отстаивает в

монахе свою позицию, право своей жизненности и умирает медленно с нанесением глубоких болей отвергающему его иноческому сердцу.

Страдания иночествующих во время умирания для своей гордости прекрасно описывает церковное богослужение, говоря о некоторых преподобных угодниках Божиих: «Терпением ты смирил гордую вражду изобретателя злобы», «до кончины подражал ты Христову добровольному послушанию» и «во все дни совершал мученический подвиг», терпя «томительное унижение», «досады, бесчестия и язвы». А за то «принял славу мучеников». «Преподобие! Ты возлюбил трудную жизнь: был всем послушным и служил всем от крайнего смирения, считая себя последнейшим из всех». «Худость одежды имел ты более всех, так как знал, что от того смиряется душа».

Подчинением собственной воли и разума руководителю иноки приучаются к деятельности по мановению единой Божией воли и старца. Переменив и мирское имя на новое в знак отсечения мирской гордыни, они с болезнью смиренной души все делают не по своему разумению и не по личной оценке вещей, как хорошо сказал блаженный авва Исаия в следующем внушении своим ученикам: «Эти немногие дни жизни вашей проводите во смирении и терпении, отсекая свои хотения любовь».

Труд самоуничтожения соединяется у монахов с подвигом нестяжания и милосердования об окружающих. Им малодоступна вещественная благотворительность, и нельзя от них **непременно** требовать непосредственной службы миру. Им всем свойственно молитвенно печаловать о людях, но лишь некоторые из них поставляются за послушание служить ближним в странноприимницах, приютах, школах, богадельнях, больницах и в миссионерском звании. На почве вхождения в мир им приходится выдерживать много скорбей. Быть в мире и не сливаться с ним ни в чем – новый повод к монашескому страдальчеству.

Борения иноков при соблюдении обетов девства, нестяжания, постничества и послушания Господь увенчивает даром благодатной любви. Совершенные монахи зрят в своем

сердце Божественное светоявление. Предел иноческого бесстрастия есть именно любовь. Она – «последний предел деятельной жизни» и «облечение ума в единого Бога». «Боготворная любовь – плод на древе монашества», «свет благой» и край монашеских исканий. Потому-то епископ Феофан Затворник в письме к одному иноку-подвижнику высказал именно в этом смысле благожелание, говоря: «Да воссияет над черничеством Вашим Божий свет; по свете же да снидет теплота Божия. Огонь Божий да возгорится в сердце Башем и всё да переплавит в естестве Вашем по новому образу».

В творениях святых отцов и писаниях всеми признанных в Церкви аскетов можно найти немало повестей касательно получения святыми иноками богоозарения любви. Для образчика приведем четыре подобных рассказа. Два из них передаются преподобным Симеоном Новым Богословом, один – блаженным Диадокхом, епископом Фотики, и один – русским подвижником Георгием (Машуриным), затворником Задонского монастыря.

а) «Один юный, – пишет преподобный Симеон, – рассказывал мне, что был он послушником у одного старца... Слыша, как старец говаривал, что на подвизающихся приходят свыше Божественные озарения, юный возымел желание и себе получить такое благо. В один день он, все грехи свои во мгновение ока приведши на мысль, облился весь слезами и, падши к ногам святого (старца), обнял их и сказал: “Молись о мне, святче Божий, да обрету милость по твоему ходатайству”. На это старец его показал такое соболезнование, что сам заплакал и сказал: “Имею веру, что Бог дарует тебе сугубую благодать, ради одной твоей веры, какую ты имеешь”.

“Отпуская меня (передавал после о себе его послушник), старец дал мне заповедь – прочитать на ночь лишь «Трисвятое» и лечь. Вошедши туда, где я имел обыкновение молиться, и начав: «Святый Боже», я вспомнил слова старца, вдруг заплакал и в такие пришел слезы, в такой пламень к Богу, что того не могу выразить. Падши затем лицом на землю, я увидел нечто дивное. Ибо вот воссиял мысленно во мне великий свет и взял к себе весь мой ум и всю душу. Изумился я такому чуду и

вопиял только: «Господи, помилуй». Не ведаю и того, как соединился я с тем светом, – в теле ли быв или вне тела. Все чувства ума и души моей прилеплены были тогда к радости того света. Но когда безмерный тот свет умалился и стал невидим, я много опечалился от разлучения того»».

б) Того же созерцания невещественного явления Бога во свете любви неоднократно удостаивался сам преподобный Симеон Новый Богослов. «Однажды, – пишет он о себе, – молился я пред образом Божией Матери, и, прежде чем встал, Ты (Господи) явился внутри бедного сердца моего, сделав его все светом. С того времени стал я любить Тебя от веры, что имею внутри себя Тебя – Ипостасную Любовь. Ибо истинная любовь – Ты, Бог. Когда таким образом насадилась надежда в вере, Ты, добрый Делатель, привил к единой надежде, как к древесному корешку какому, святую любовь Твою. И я, поскольку эта любовь растет день ото дня и беседует со мною, радуюсь и веселюсь... Умоляю Тебя, Господи, укрепи в душе моей любовь к Тебе, да любовь Твоя покрывает меня и я да сподоблюсь с нею воззреть к Тебе». «Неизреченная красота явившегося (света) поразила сердце мое и подвигла к беспредельной любви. Любовь же не дала уже мне обратиться опять долу... Для того пожелал я написать о всем сказанном, чтобы вы познали знак совершенной любви и увидели, как изменяются те, которые оставляют все по любви к Возлюбившему нас Богу».

в) Рассказ святителя Диадокха о видении неприступного света Божия, записанный им со слов некоего инок, более общего характера сравнительно с повестью о том же преподобного Симеона Нового Богослова. «Некто из тех, кои с какою-то ненасытимостью любят Бога, – так начинает свою речь блаженный Диадокх, – рассказал о приобретении этого дара следующее: “Захотелось мне, – говорил он, – в точности познать любовь Божию. И Благий открыл мне это весьма ощутительно. Я столько почувствовал таковое действо, что душа моя с неизъяснимою какою-то радостью и любовью стремилась тогда выйти из тела и отойти ко Господу и как бы не знать этой временной жизни”. Человек, опытно познавший такую

любовь, хотя бы тысячу раз от кого обижен был или потерпел утрату, не гневается на него, но бывает как бы прилеплен к душе обидевшего. Он воспламеняется гневом только на тех, которые или бедных утесняют, или живут беззаконно».

г) Случай боговидения под формою осияния Святого Духа, упоминаемый в письмах затворника Георгия (Машурина), относится к его собственному лицу. «В уединении (Задонского монастыря), где я провел, кажется, шесть лет, – пишет он о себе, – когда угодно было Господу привести мое сердце в совершенное сокрушение, тогда думал я, что уже пропал и гнев Божий пожжет мою душу, унылую и нерадеющую... Я впал в великое изнеможение и едва только мог дышать, но в сердце непрестанно повторял: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!”.

(Как-то в один день) вдруг вся немощь (моя) в одно мгновение отпала. И тогда-то огонь чистой любви коснулся моего сердца. Я весь исполнился силы, чувств, приятности и радости неизъяснимой. Все мне стало очень любезно. До такой степени я был восхищен, что уже желал, чтобы меня мучили, и терзали, и ругались бы надо мною. Для того желал мучения, чтобы удержать в себе этот сладкий огонь любви ко всем... Чем более нападений от людей, тем более сердце разгорается этою святою любовью».

Богоосияние Святого Духа любви, отмеченное в изложенных рассказах, есть раскрытие в совершенных иноках дарований Святых Таинств Крещения и Миропомазания. Поводом же к тому служит мученическое жертвоприношение иноками Богу всего своего существа.

Глава 3

Третья по нашему счету форма бескровного мученичества, возвышающаяся над монашеством исключительным самопреданием Богу, есть Христа ради **юродство**. Носители подвига юродства «мученически проводили всю свою жизнь», «во все дни земной жизни терпя злые муки».

Чтобы скорее очиститься от страстей, они, живя в мире, вовсе отвергались его утех, славы и достоинства, шествовали тесным и узким путем. Некоторые из них добровольно

предавали свое тело «на раны, воздержания, биения» и беспокойства, ограничивая себя при этом во всяком плотском желании.

Ради углубления в себе духа смирения юродивые притворно надевали на себя личину безумия и терпели из-за того массу смиряющих «скорбей, бед, поруганий, укоризн и досаждений». Страдание увеличивало их самопознание и внутренне размягчало до того, что они любили своих обидчиков и молились о них.

«Хриstopодобное милование» было их отличительным и постоянным свойством. В силу его они духовно помогали ближним и извлекали многих «из тины страстей». Болезнями же самоотречения все они привели себя к «любви Христовой», «пламенному желанию Бога» и озарению Божественным светом.

Глава 4

Необычайностью богоустремления подвиг Христа ради юродства тесно соприкасается со следующим за ним путем спасения чрез подвизание на столпах.

Святые столпники восходили на каменные или деревянные столпы с тем, чтобы освободиться при стоянии на них ото всех помех к единению с Богом. Так как все силы их души переживали Бога как Первоисточника любви, то они были созерцателями в самом высоком смысле этого слова. Сердце каждого из них «способно было обнять любовь всю вселенную... и изливать на всех добро».

К данной высоте любви столпники поднимались общехристианским путем самопожертвования и бескровного мученичества. Столпы были для них крестами, на которых они распинались, уподобляясь своему Владыке и делаясь сообщниками мучеников. «Деннонощные молитвы и бодрствование» вместе с постничеством очищали их от страстей. «Страданием от дождя, зноя», зимнего томления, гниения плоти и «множества искушений и скорбей» они мученически смирялись. Сострадая людям, они были молитвенниками за весь мир, а всех притекающих к ним назидали со своих столпов, как с кафедр, и вразумляли по их личным потребностям.

Чистое, смиренное и умиленное «возвышение над видимым» и представление себя Господу во всецелую жертву показывали столпников «неомраченными зеркалами» для отражения Божественного света. «Трисветлое осияние» беспрепятственно «сорастворялось с ними». В нем они «приобретали единого Христа» со Отцом и Духом и становились селениями Пресвятой Троицы.

Глава 5

Пятый род мученического подвига в Церкви, отмечаемый нами, есть православно-христианское пастырское делание.

Пастыри Церкви несут сугубое бремя мученических болезней личных и болезней в связи с духовным воспитанием своей паствы.

Лично они усовершенствуют настроение своей любви так же, как и миряне, – путем глубоких внутренних страданий.

Очищение от страстей достигается ими чрез обычные труды воздержания от плотоугодия, пристрастий к видимой чести и славе. Пастырское воздержание – тоже, что «распятие членов тела пощением», распятие души для мира и страдание за чистоту.

В себе и своих достоинствах пастырей разочаровывают прежде всего личная бесчувственность на молитве и при чтении слова Божия, их болезни и неудачи жизни, неудовольствия и огорчения во взаимоотношениях с пасомыми; заботы их о страждущих и о нравственном возвышении паствы полны муки. Не об этой ли необходимости их страдать за благо пасомых напоминает им на рукоположении пение тропаря: «Святити мученицы, иже добре страдавше и венчавшеся, молитесь ко Господу спастися душам нашим». Самое хранение светлости Православия и личный подход к каждому члену паствы очень многих пастырей обратили и обращают в «жертвы» (1Тим.4:6) закленья. Чтобы взвесить напряженность пастырских скорбей за дело возрождения пасомого словесного стада, достаточно привести на память слова о себе апостола Павла. Описывая свои переживания, он говорит: «Я был в трудах, безмерно в ранах, в темницах, многократно при смерти. Много раз был в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях

от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, пустыне, на море, между лжебратиями. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы и я не воспламенялся?» (ср. 2Кор.11:23, 26, 29).

Много подобных изречений о страданиях пастырей за спасение церковного общества можно, далее, встретить в богослужебных книгах Святой Церкви. Здесь читаем, например, такие выражения: «Всесвященные пастыри! Все болезни и многообразные напасти претерпели вы за Христово стадо». «Уподобляясь божественному Павлу, ты, святитель, терпеливо окончил жизнь в изгнаниях, нуждах и скорбях, непрестанно утесняемый». «За Христа Бога ты претерпел многие болезни... и окончил жизнь мученически». «Ученики Слова! Великими телесными болезнями вы отъяли от (церковной) среды болезненный грех» и за то «претерпели многовидные гонения и бедствия». «Блаженный! В твоих частых изгнаниях за Троицу» ты, «подвизаясь за благочестие, понес безмерные бедствия». «Как¹⁹ назовем тебя, святитель! Мучеником ли, ибо ради Христа ты подвизался до смерти?». «Сияющий светом Православия! Терпя гонения многие годы, ты был мучеником без крови». «Филиппе! Ты – сострадалец апостолов, единокровный страстотерпцам». «Мудрый! Ты сам себя принес (Христу) в благовонное заклание». «Отче! Ты был столпом и жертвою Христовой Церкви».

В пастырском страдании за развитие в себе чистого, смиренного и милосердного хождения пред Богом и паствою ясно выступают черты «любви, сраспинающейся» Христу и «с Ним срастворяющейся». Увенчанием пастырского мученичества является, по словам церковных песнопений, всецелое просвещение святых пастырей Божественными светоизлияниями или «огненным лучом Духа».

Рассмотрением пастырского страдальчества за Церковь мы заканчиваем весь отдел о мученичестве и можем в заключение сказать, что христиане поистине духовно "рождаются в Церкви на страдание, чтобы, как искры, устремляться вверх» (ср. Иов.5:7). Страдание, преисполняя их боголюбием, а вместе и «любовию друг ко другу и ко всем» (ср. 1Сол.3:12), само по

себе превращает земную жизнь их в сплошной крестный ход к небу. «Твердо верующие, – скажем словами преподобного Марка Подвижника, – всякий день умирают ради любви Христовой... и не помышляют ничего другого, кроме того, как бы достигнуть в совершенную любовь Христову. Этого ища более всего, святой Павел говорил: «стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус» (Флп.3:12), то есть да возлюблю так, как и возлюблен я был от Христа. И когда достиг апостол этой любви, более уже не хотел помышлять ни о чем – ни о скорбном для тела, ни о дивном в творении, но все оставил явно и говорит: «Кто нас разлучит от любви Христовой?» (ср. Рим.8:35)».

При выяснении смысла страдальчества христиан за торжество в себе самоотречной любви над самолюбием мы оттеняли преимущественно момент **болезненности** христианского подвига. Момент же практического осуществления подвига намеренно затемнялся нами с тем, чтобы подробно остановиться на нем в отдельном очерке, следующем ниже.

ДЕЯТЕЛЬНАЯ СТОРОНА ХРИСТИАНСКОГО ЛЮБВЕОБИЛИЯ

Библейские замечания о деятельном характере христианской любви к Богу и ближним. – Упражнения христианина в посте, молитве и благотворительности. – Мысли по этому вопросу святых отцов Церкви. – Христианская молитва как мать и воспитательница любви к Богу. – Три ступени молитвенного совершенства. – Изречения святых отцов и учителей Церкви об истекании силы христианской любви из благодати молитвы. – Отрождение молитвою трех свойств любви: чистоты, смирения и милосердия. – Милосердие как деятельный подвиг спасающихся в Церкви, по учению Библии. – Дела милости телесной и духовной. – Очищающее, смиряющее и размягчающее влияние благодати добрых дел на душу благотворителя чрез Христа Спасителя в Духе Отчем. – Содействия поста развитию у постящегося настроения самоотречной любви. – Общий взгляд на значение для христианина упражнений в посте, молитве и благотворении.

ИСПОВЕДУЮ ЕДИНО КРЕЩЕНИЕ ВО ОСТАВЛЕНИЕ ГРЕХОВ. 10-й член Символа веры

Христианская любовь во всей красе своих проявлений деятельна и развивается при условии соответствующей практики. О необходимости для любящих Бога соблюдать заповеди Господь Спаситель и святые апостолы оставили такие заветы:

«Если любите Меня (Христа), говорил Господь, соблюдайте Мои заповеди... Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Ин.14:15, 21). "Мы, читаем в посланиях апостолов, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять» (ср. Еф.2:10). «Кто соблюдает слово Иисуса Христа, в том истинно любовь Божия совершилась» (ср. 1Ин.2:5). «Каждый получит от Господа воздаяние по мере добра, которое он сделал» (Еф.6:8). «Станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1Ин.3:18).

Христианские деятельные упражнения в любви совмещаются преимущественно в **посте, молитве и благотворительности**. Ближайшим образом пост очищает от страстей, молитва выражает личное смирение наше пред Богом, благотворение же укрепляет милосердие души человеческой. Христианская любовь умножается в зависимости от широты и разнообразия богоугодных дел, обнимаемых понятиями «пост», «молитва» и «милостыня». Каждое отдельное доброе дело влияет на всю любвеобильную настроенность спасающихся и обращает их волю к свету благодати. А благодать Божия, идя по следам добрых дел, умерщвляет в душе добротворящих страсти. Для благодатных впечатлений телесный пост открывает прежде всего тело, молитва – ум и сердце, благотворительность-волю. Таким образом, постники, молитвенно настроенные и благотворящие другим, всегда повержены пред Духом благодати и разверсты пред действием благодати.

По этому поводу святые отцы говорили: «Раздражительную часть души обуздай любовью (милосердием), желательную воздержанием увядь, разумную молитвою окрыли – и свет ума (твоего) никогда не помрачится в тебе». И еще: «Подвизающийся соблюдать одно слово «возлюбиши» исправляет все заповеди... Мыслительной части души он доставляет чтение, духовные созерцания и молитву; раздражительной – духовную любовь, противоположную ненависти; желательной – целомудрие и воздержание».

С точки зрения направлений любви пост можно считать выражением истинной любви к себе, молитву – выражением боголюбия и милостыню – проявлением любви к ближним. Так как заповедь о любви к Богу первая и важнейшая, то прежде всего скажем об отношениях к любви (I) молитвы, а затем уже (II) милостыни и (III) поста.

Раздел I

Молитва возбуждает любовь к Богу тем, что в ней ум молящегося, взирая сквозь чувства сердца к Богу, мысленно соединяется с предзримым верою Богом. В ответ на человеческое устремление сердечно прочувствованной мыслью, Бог, со Своей стороны, благодатно приближается к человеку и дает ему ощущать Себя в его сердце, а не сущим где-то далеко на небе. Переживание Бога как Огонь и Источник умиления увлекает молящегося к любви Божией. Он чувствует себя тогда в Боге и Бога в себе как любвеобильнейшего Отца. Многие верующие, ощутив на молитве нежные узы Божией любви, падают ниц пред Ним, созерцаемым верою, и не могут с Ним прервать сладкой беседы долго-долго, не переставая открывать Ему с плачем муки сердца. Такое молитвенное состояние есть начальный залог любви к Богу.

Собственно Сам Святой Дух направляет корабль души христианина в пристань боголюбия для успокоения молитвою в Боге, как бы в неких отеческих объятиях. От свободного молитвенного «приложения ко Господу» (ср. Деян.11:24) сердечной мыслью до сроднения с Ним любовью можно различать **три ступени**.

а) На первой ступени молитвенного совершенства ревнующий о молитве учится изъяслять любовь к Богу преимущественно телесно. Он старается пред безвидно созерцаемым Богом творить благоговейные преклонения, истово крестится, напряженно держит телесные члены, медленно и с любовью выговаривает произносимые слова и усиленно напрягается их продумать и прочувствовать. Подобная душевно-телесная сосредоточенность на Боге отзывается в его душе некоторым смягчением и теплотою.

б) На следующей ступени возвышения к Богу молящийся под влиянием огромной сердечной работы и непрерывного, так сказать, любования Богом и устремления к Нему освобождается от вражиих пленений своей сердечной мысли и молится с теплейшей сердечностью. Он перестает ощущать мнимое

пространственное разделение свое с Богом, а чувствует Бога пребывающим в себе, стоит твердо в чувстве Его присутствия и дерзновенно обращается к Нему, как сын к Отцу.

в) Третья ступень молитвенной высоты связана с духодвижным парением к Богу. Здесь вдохновение Святого Духа обнимает молящегося со всею силою. Он горит чистым и сильным огнем боголюбия и уже никак, ни за какие земные блага, не хочет разлучиться с Богом. Всегда обнимаемый силою Божественной любви, совершенный молитвенник подобен высокой горе, вершиною упирающейся в водянистые облака. Таков был, например, преподобный авва Филимон, подвизавшийся в пещере близ Лавры Ромиевой. «Бог вложил в мою душу, – говорил он о себе, – такую любовь к молитвенному служению, что я не в силах вполне удовлетворить ее к тому стремления. Нemoшь же телесную побеждает (во мне) любовь к Богу и надежда будущих благ».

Ощутительным знаком совершенной молитвы является полное проникновение ее благодатию души. Что цель молитвенного подвига есть боголюбие, эту мысль высказывают весьма **многие святые отцы, пастыри и учителя Церкви**. По их словам, «ношением с собою всюду мысли о Боге, как неизгладимой печати, мы приобретаем (именно) любовь к Богу» в виде расположения и пламени от любви Духа. «Пребывающий постоянно в молитве... непрестанно возжигается любовью ко Благому». Иногда от наплыва умиления и сыновне-дерзновенной жажды теснейшего богообщения он не может удержаться от громких молитвенных вопий и восклицает к Богу: «Послушай меня, Господи, послушай меня **огнем** молитвенным, как некогда пророка Твоего (3Цар.18:36)». «Ум, обращаясь к Богу... богатством источающейся от Него благодати питает свою к Нему любовь... Когда ум, слово и дух (сердце) припадают к Богу – первый вниманием, второе призыванием, третий умилением, тогда весь внутренний человек службу совершает Богу, как заповедует и Господь: «возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего» (Лк.10:27) и проч. Ум молящегося, памятью (сознанием) любовно устремляясь пред Бога, в прилеплении горячего чувства озаряется Божественным

осиянием... Проходя мысленную молитву, сподобишься ты служить Богу в понятных одному тебе излияниях любви. Ибо сердечное вопияние, рождающееся из молитвы, источает любовь Божественную».

Даже истинное начало молитвы есть сердечная теплота, пополюющая страсти, отраду и радость вселюющая в сердца непоколебимым возлюбливанием. Так как «мир и любовь из молитвы рождаются и воссиявают, как неразлучные Божественные лучи», то «молитва есть любви к Богу родительница». «Кто непрестанно хвалит Бога в чистых помышлениях своих, возбуждаемых памятью о Боге, у того от памятования рождается любовь полная, как написано: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс.41:2)». «Призовем Господа. Он примет, согреет наше сердце совершенною любовью не только к Нему, но и к ближним. И от лица теплоты убежит хлад доброненавистника».

Цитированные святоотеческие рассуждения о цели молитвы показывают тайну ее в любви ко Господу. «Как невеста, возлюбившая жениха, не разлучается с ним памятью и чувством, так и душа, с Господом сочетававшаяся любовью, неотступно с Ним пребывает, теплые обращая к Нему беседы из сердца». «Суть (молитвенного) дела – сознательное стояние в присутствии Господа со страхом, верою и любовью» и «прилепление к Богу в чувстве любви с забвением всего тварного». Молитвою надо стараться достигнуть «того, чтоб сердце согрелось любовью к Богу и чувство к Богу не отходило». «Чувство, что душу тянет к Господу, есть сокровенная молитва, и оно одно может заменить молитвословия».

Всякое молитвословие на то и назначается, чтобы водрузить в сознании и сердце мысль и чувство к Богу. Если восстановить это в душе, то вы помолились как следует. Всякая молитва и всегда служит выражением отношения нашего к Богу. Когда молитва тепла, усердна и внимательна, тогда и отношение наше к Богу хорошо. «Высшее назначение (всегда произносимой) короткой молитовки есть углубление мысли и чувства к Богу» «связание ума мыслию об Едином, с помощью

чего ум развивает чувство к Богу». «Бог для того хочет от нас всегдашнего обращения к Нему в молитве, чтобы привлечь нас к Себе и заключить в объятия Своей любви». Молитвенное «дыхание души пред Богом» (1Цар.1:15) почерпает из Него силу и действие богосветлое», так что «из молитвы, как из источника, текут реки любви».

Молитва развивает любовь во всем ее тройственном «союзе совершенства» (ср. Кол.3:14).

Всенощные и вседневные возношения молитв к Богу образуют в молящихся прежде всего «чистое, как зеркало, око для принятия чистым помыслом духовно озаряющего Божественного явления». Те, кои непрестанно молятся, «огнем молитвы пополяют всю греховную вещественность». «Отстранив свою мысль от земного», они пребывают вне любви мирской и «чисто соединяются с единым Богом». Молитва превосходно научает усердных к ней лиц смиряться. Самый приступ к молитве заключается всегда в осуждении своей нечистоты, недостойнства и в сознании личной неспособности предстоять Всесвятому Божеству, когда мы сокрушенно говорим пред чтением молитв: «Боже! Милостив буди мне, грешному», «Боже! Очисти мя, грешного. Создавый мя, Господи, спаси мя. Без числа согреших, Господи, прости мя и спаси мя, грешного».

Градусами смирения пред Богом наших чувств измеряется сердечность всякой молитвы. Помолиться для грешника значит то же, что осудить себя пред Богом, явить пред Ним обещание исправления и благоговейно предать себя Божию милосердию. Связь молитвы с умножением у молящихся милосердующей о всех любви весьма часто отмечается и святоотеческими творениями, и писаниями пастырей Церкви.

Преславное имя Иисусово, читаем здесь, «чрез памятование о нем ума в теплом сердце порождает в нас навык любить благодетелью». «Чей ум непрестанно устремлен к Богу, того и воля превозрастает в желании Бога и **раздражительность вся превращается в Божественную любовь**». «Утренующий к Богу непрерывно бывает уязвлен любовью», «истекающей из молитвы, как из источника». «В какой мере любовь к Богу открывает красоту добродетели, в

такой мере связует она с собою и друг с другом любителей одного и того же». «Благоискусному надлежит быть и боголюбивым, и человеколюбивым» с помощью единой молитвы. «Чистая молитва... воспламенив любовь, располагает человека дерзнуть на положение души своей за друзей своих». «Начнем дело молитвы и, преуспевая постепенно, найдем, что (от него происходит) нелицемерная любовь, и незлопамятность... и все, что Бог обещавал дать верным». «Человек никогда не может быть истинно добрым, если (непрестанною молитвою не придет к тому, что) вселится в него Бог, ибо никто не благ, только один Бог».

Если нам молиться друг о друге, то наше взаимное расположение навсегда останется неизменно и твердо. Того непременно полюбишь, чье имя часто поминаешь в своих молитвах. Самые злейшие враги сделались бы друзьями, если бы они стали молиться друг о друге. И это понятно. Души наши какого понимают одна другую, и сердечные наши расположения сильно взаимно действуют. Вот почему ничто так не сближает людей на свете, как молитва. Только что вместе молившиеся в храме, а за несколько часов пред тем взаимно чужие, теперь стоят близкими и родными друг другу. Молитвенное настроение возгревает в сердце снисходительную любовь к людям. Больше того, «не заботясь о брате, который имеет нечто на тебя, даже и совершить молитвы нельзя. Не заботящийся о спокойствии духа брата не любит его и, будучи мертв духовно, как "не любяй" (1Ин.3:14), не может и дела молитвы совершить как должно. Нелюбовь к ближнему держит сердце заключенным и для Бога. Примирись с братом и положи в сердце твое искру чистой любви. Эта искра поможет, да исправится молитва твоя, как кадило пред Богом».

Приведенные святоотеческие и пастырские суждения проводят ту общую мысль, что молитва вызывает в людях симпатические чувства. Молящиеся ощущают любовь и милость Божию к себе и в этом ощущении получают сильное побуждение быть милостивыми и к другим. Мерою личной любви к Богу всегда определяется и характер любви к ближнему. От горящего в человеке огня любви к Богу естественно изливается теплота

человеколюбия. Всякий усердно молящийся от молитвенного подвига радостно и охотно переходит к подвигу **служения ближним** делами милосердия.

Раздел II

Милосердие укрепляется в человеческой личности добрыми делами, наклоняющими к ближнему волю. Они показывают в благотворящем искреннее расположение самоопределиться к братолюбию. Поэтому Священное Писание чаще всех других заповедей повторяет, после завета исключительной любви к Богу, заповедь о деятельной любви к ближним. «Будьте сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны» (ср. 1Пет.3:8), читаем мы между прочим в Писании. «Более всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов. Будьте страннoлюбивы друг ко другу без ропота» (ср. 1Пет.4:8–9). «Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью. Пекитесь о добром перед всеми человеками» (Рим.12:10, 17). «Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви» (Рим.13:8). «Никто не ищи своего, но каждый пользы другого» (1Кор.10:24). «Друг друга поощряйте к любви и добрым делам» (ср. Евр.10:24).

Святая Церковь насчитывает семь видов дел телесной милости и семь видов благотворения духовного. Они следуют в таком порядке:

- А. 1) наплатить алчущего,
- 2) напоить жаждущего,
- 3) одеть нагого,
- 4) посетить находящегося в темнице и послужить ему,
- 5) посетить больного и помочь ему,
- 6) принять странника,
- 7) погребсти умерших в убожестве.
- Б. 1) увещанием обратить грешника от греховной жизни,
- 2) неведущего научить истине и добру,
- 3) подать ближнему добрый и благовременный совет,
- 4) молиться за него Богу,
- 5) утешить печального,
- 6) не воздавать злом за зло,
- 7) от всего сердца прощать обиды.

а) Очищающее, б) смиряющее и в) размягчающее влияние на душу добрых дел легко можно проследить и наблюдать в жизни. О том же свидетельствует и учение Библии и Церкви.

а) Еще апостол Павел сказал: «Послушанием истине чрез Духа очистивши души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца» (ср. 1Пет.1:22). «Милосердие угашает страсти», и «добродетель есть мать чистоты и целомудрия» уже по тому одному, что благотворящий при каждом добром деле сознательно отрекается от самолюбия. Христианину заповедано Церковью благотворить духовно и телесно не по естественной только жалости к несчастным, а по сознанию воли Господа на благотворение. Это и выражается при благотворении словесно или мысленно христианским восклицанием: «Прими **Христа ради**». Добрые, щедрые и внимательные к другим всегда замечают, как милосердие охлаждает в них огонь плотской похоти, раздражительности и делает совершенно невозможной их обособленность ото всех. Для них все становятся близкими сердцу, и они готовы всякого нуждающегося облагодетельствовать чем могут. Материальные средства становятся им дороги единственно как способ помогать нуждающимся.

б) Истинная милосердность всегда смиренна, и одолжающий возможное другим совершает это так, как если бы сам получал одолжение. О потаенности истинного благотворения от людских взоров и похвал Спаситель сказал: «Когда творишь милостыню, не труби перед собою... чтобы милостыня твоя была втайне» (Мф.6:2,4). Повторяя эти Господни слова, один церковный песнопевец приводит их в Триоди Постной с некоторым видоизменением, говоря верующим: «Очистим себя милостынями и щедростью к убогим, не трубя и не выставляя нашего благотворения... чтобы тщеславие не растратило плода милостыни».

в) Чем больше оказывает христианин добра другим, тем сильнее становится внутреннее возбуждение посвятить себя и свое на чью-либо пользу ради Бога. Доброго обогащает благодать Сам Господь, по слову апостола: «Бог силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы, всегда и во всем имея

довольство, вы были богаты на всякое доброе дело» (ср. 2Кор.9:8). По закону Своей правды Господь умножает в благодеем его собственные мягкость, жалостливость и сердоболие и придает определенную решительность поворотам к Богу всей души его. Поскольку во всяком благодетельствованном человеке почивает Бог, вседержавный природное наше бытие, постольку милостыня первее сближает нас с Богом, а потом производит любовь. Как это совершается – трудно решить. Но то известно, что между подаваемою милостынею и Богом нет никакого, так сказать, расстояния. Подающий бедному подает Богу. Чувственное наше око по грубости своей этого не примечает, но Господь тогда водворяется в душу благотворителя и **объемлет сердце его силою любви Своей**. Спросите у своего сердца, что чувствовало оно, когда вы подавали милостыню из любви ко Христу и из сострадания к ближнему. Сердце ваше расширялось, и некое сладостное чувство умиления разливалось в душе вашей. Это «состояние мы обыкновенно приписываем добродетели, а оно происходит **от невидимого приближения к нам Бога**, услаждающего благодеещие сердца».

Несчастливого и «нищего Господь любит, пострадал за него и желает, чтобы он не отчаялся в своих страданиях, чтобы не умер преждевременно. Итак, если (кто), по заповеди Господней, любит нищего, то встречается и соединяется в любви с Господом... споспешествует Господу хранить и спасать (несчастливого) и нищего». За любовь к ближним Сам Господь непосредственно, тут же воздает благотворящему благодать. Вот в каком смысле «милосердие просвещает Божественную любовь» и «благотворительность, как рай, полна благословений» (Сир.40:17). "Когда ты, говорит святой пророк Исаия, напитаешь душу страдальца, тогда свет твой взойдет во тьме» (ср. Ис.58:9–10) и «слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда Господь скажет: Вот Я!» (ср. Ис.58:8–9).

В связи со сказанным обогащение милостивых благодатью братолюбия исходит не от благотворения, но от Самого Господа. И если «милость есть усиление любви», то

Усиливающим любовь должно считать Бога во Христе. Милосердый «чрез нищих угощает странствующего Христа» и взаимно бывает Им принимаем в Его неизреченную любовь как сын.

Чтобы полнее и чище ощутить благодать добротворения, так же как и благодатную действенность молитвы, любящему Бога и ближних необходима помощь добровольного телесного самообуздания постом.

Раздел III

Как ни странно на первый взгляд, но и цель христианского поста имеет близкое отношение к любви. Содействием поста настроение любви приобретает: 1) чистоту, крепость и 2) явно выраженную благодатность.

1

Мысль об умерщвлении постом телесных и душевных страстей человека высказывают, например, такие церковно-богослужебные изречения:

«Отмоем душевные скверны Божественною водою пощения». «Светло начнем всеми чтимое воздержание, сияя светлостью любви, блистанием молитвы, просветлением чистоты». «Будем поститься от всякой страсти, как и в яствах, наслаждаясь добродетелями Духа, чрез которые усовершенствуемся любовию». «Пост отсекает от сердца всю злобу». «Он есть отчуждение от **злых** (страстей и дел), воздержание языка, отложение ярости, разлучение с похотями, оговорами, ложью и клятвопреступлением», «восстание от злобы, влекущей к земле», и «наслаждение Божественною любовию». «Приняв пресветлую благодать постных дней, облистамся добродетелями, показывая тихие лица и тихие обычаи душевного устройства». «Верующие! Очистим тело пощением, дух воздержанием, душу слезами и Чистого встретим чисто». «Господи!.. Очистив меня постом, дай мне исполнить **Твои хотения**». «Верующие! Удержим страсти воздержанием, избрав пищей любовь». «Душа! Что ты безвременно радуешься, постясь и не очистившись от злобы и тлетворных сладостей?». «Постись от всякой злобы, и зависти, и сварливости, и усладительной исчезающей сладости». «Чистый пост есть удаление от греха, отчуждение от страстей, любовь к Богу, прилежание к молитве, слезы умиления».

Судя по содержанию этих церковно-богослужебных выдержек, христианский пост служит выражением истинной любви к себе постящегося. Он утончает его плотскую грубость и лишает страсти опоры в упитанном теле. Ему легче молиться,

легче избегать опьяняющих чар греха, так как пост извлекает из его плоти, так сказать, самое обоснование страстности.

2

Независимость от оков чувственности утончает его [постящегося] восприимлемость к тонким прикосновениям благодати. Потому справедливо сказано преподобным Никитой Стифатом, что «истинная другиня наша – воздержание – расширяет душу любовью к Богу и всю ее в веселии и девственности сочетавает со Христом». В древней христианской Церкви, когда жил святой Златоуст, не поститься святому Четыредесятницу значило то же, что не любить Иисуса Христа. Напротив, пощение христиан равносильно окрылению их расположениями христианской любви. Пост, рассеивая страстную мглу, позволяет осиянию благодати Божией беспрепятственно отражаться в человеческом существе и «приготавливает его хотя к начаткам благодатных ощущений».

Великопостные молитвы Православной Церкви превосходно описывают благодатную силу поста такими выражениями:

«Вот вход поста... примиришь, моя душа, с Благодетелем Богом». «Молись Ему на всякий день, и ночь, и час, да спасет тебя». «Чистым постом сроднимся с Присвоившим нам Себя чрез страдание». «Настроим себя постом к Божественным возвышениям, да видим Божию светлость». «Очистим сердце – и увидим Христа», благого и человеколюбивого. «Божественно веселясь, с любовью будем воспевать Христа во время светотворного поста». «Душа! Постись, возжигая в себе любовь ко Владыке». «Очистись пощением, чтобы приблизиться к человеколюбцу Богу» и присвоиться Ему.

От мысленного зренья Господа Иисуса Христа согретая Им душа постящегося начинает теплее Его любить. «Имея Святого Духа, богатого Гостителя», она насыщается Его дарований, делается в Нем «световидною от просвещения» и «пьет, как вино, умиление».

Выдержки из церковных молитв и песнопений Триоди Постной ясно оттеняют мысль, что богоосияние Святого Духа учит постящегося любить Бога в силу благодатного умиления.

Подобная же мысль «о стяжании умиленным сердцем любви Христовой» буквально повторяется также в тропаре преподобному Серафиму Саровскому. Мирное и кроткое умиление приближает постящихся к Богу и присвоает Ему. Покаянное настроение христиан в дни поста, их самоуничтожение и держание своих чувств спрятанными от людских взоров (Мф.6:18) прекрасно отображают смирение в постничестве. Так как «следует поститься не в тщеславии, а как Христос – в смиреномудрии», то с истинными постниками дух смирения всегда неразлучен и налагает на их лица печать тихой кротости и внутреннего мира.

Между прочим, прямой заповедью Господней постящиеся еще обязаны хранить в себе дух милосердия: «А ты, когда постишься, сказал Господь, помажь голову твою (милосердие) и умой лице твое (чистота), чтобы явиться постящимся не пред людьми» (смирение) (Мф.6:17–18). "Вот пост, говорит Господь чрез пророка, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо. Раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом. Когда увидишь нагого – одень его, и от единокровного твоего не укрывайся» (ср. Ис.58:6–7).

В развитие данных библейских мыслей церковное богослужение замечает: «Постный подвиг есть ходатай нам вечной жизни, если прострем руки на благотворение. Растворенная постом милостыня избавляет человека от смерти». «Напитаем нищих, воспринимая милость милостью, и отмоём душевные скверны Божественною водою пощения». «Постясь, принесем слезы умиления и милостыню», помажем главу души елеем милости и благотворения. «Постясь телесно, будем поститься и духовно; дадим голодным хлеба и введем в дома бескровных нищих». «Станем поститься от страстей гнева, насладимся неложной любовью», «расторгнем развращение и братьям простим долги». «Душа! Постись от злобы, наслаждаясь Божественною любовью».

При свете библейского и церковно-богослужебного учения пост выступает в образе своего рода матерней утробы, в которой развивается человеческое милосердие. «Пост, взяв в

помощники себе бдение, отгоняет ожесточение сердца и извлекает потоки слез сокрушения». Чем более у постящегося «сокрушается сердце от воздержания в сне, пище и телесном покое», тем более оно сострадает ближним.

Итак, пост ценен не сам по себе. Он лишь воспитатель в людях любви, и именно таков его внутренний смысл. Самообуздание воздержанием и постом для христиан не самоцель, но одно из важных вспомогательных средств закаливания воли в добре и самоотверженной любви.

Возвращаясь от учения о христианском посте к прежде изложенным суждениям о цели христианской молитвы и милостыни и охватывая мысленно все сказанное о деятельной стороне христианской любви, в итоге мы должны сказать словами праведного Товита, что «доброе дело – молитва с постом, милостынею и справедливостью» (ср. Тов.12:8). Пост очищает тело и душу от страстей, смирение научает всегда ходить в чувстве Божия присутствия, а милосердие передает сердцам ближних свою природную доброту.

Молитва, «любовь (в смысле милосердия) и воздержание суть... колесница, возносящая дух на небо». Заповеди о них «Господь дал нам по силам души». Именно «милостыня врачует раздражительную часть души, пост иссушает похоть, молитва очищает ум и уготовляет его к созерцанию Сущего». В зависимости от упражнений в посте, молитве и милостыне находится весь успех земного христианского подвига и все предание Богу человеческой свободы. Кратко сущность всего нашего добровольного устремления к Богу можно представить в такой сжатой схеме, предложенной аввой Исаией: «Все надежды свои должно возложить на Бога, к Нему прибегать всем сердцем и всеми силами и быть во всем милосердными. Грехи свои следует оплакивать и Божией испрашивать помощи и милосердия» во всяком великом и малом деле. Таким путем развивали в себе настроения святой любви все Божии угодники. Они соединялись с Богом молитвами, постом, бодрствованием и милостынею, имели «души милостивыми, помыслы чистыми, сердца бодрыми и любовь нелицемерною». Дух их был свободен и всегда внимателен к Богу вследствие неподчинения

страстям, души чисты от пощения, сердца от слез умиленны и милостивы, а тела «преданы Божией службе посредством молитв».

Таким образом, христианские упражнения молитвенные, благотворительные и самоограничительные движут все существо каждого спасающегося к единению с Богом и ближними. Предварительно эти упражнения расслабляют и умерщвляют в спасающемся самолюбие, а потом всецело ввергают его в благодатное действие Божией любви.

По всецелому единению с Божией благодатию христианин может достигнуть обожения или стать как бы богом, о чем и псалмопевец говорит в словах: «Бог стал в сонме богов» (Пс.81:1). Прийти в состояние обожения-то же, что в полноте и совершенстве осуществить задачи земной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИДЕЯ ЛЮБВИ В ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОМ БОГОСЛОВИИ

Заканчивая настоящий труд, суммируем те выводы, к которым мы пришли в результате богословского освещения идеи любви.

Христианская любовь, по мысли православных богословов, складывается не из пульсирований только человеческой естественной силы любить. В нее привходит высшее созидающее и вдохновляющее начало – сила Божия Существа, нисходящая на достойных в Духе Святом. «Плод же Духа есть любовь» (ср. Гал.5:22), замечает апостол Павел. Христиане, достигшие высот духовного совершенства, воспринимают благодатную силу ощутительно, в форме сверхматериального света, не похожего ни на какой чувственный свет. «Любящий брата своего, говорит апостол Иоанн Богослов, пребывает во свете» (ср. 1Ин.2:10). Сам по себе благодатный свет Божества есть сверхъестественное **пламя любви**, которое до разжженного состояния возвышает и нашу природную способность любить. Когда это пламя соединяется с естественною человеческою силою любви, тогда придает ей чистоту, святость, необъятность, неудержимость, всеобъемлемость и невыразимую потребность самоотверженно служить другим с готовностью «душу свою полагать» (ср. Ин.15:13) за них в случае нужды.

Живущий исключительно природной жизнью обычно находит описанные проявления любви по меньшей мере странными, необъяснимыми и даже ненормальными, хотя они – общеизвестный факт духовного опыта Церкви.

При анализе христианского настроения любви мы не можем не считаться с тремя природными силами человеческой души: умом, чувством и волею. В начальных стадиях развития любви ярче всего выступает действие воли и ума, а не сердца. Никто из нас не рождается с явно выраженной самоотверженной сердечной любовью. На первых порах духовной жизни «любить делом и истиною» (ср. 1Ин.3:18) приходится без чувства,

подневольно, из одного сознания христианского долга. Только после более или менее длительных напряжений любить деятельно сердце подвижника просыпается и оживляется чувствами любви. По мере дальнейших аскетических трудов эти чувства усиливаются постепенно до высокой мощи и горячности. Они сами становятся движущими к любви рычагами воли и интеллекта и побуждают их всецело участвовать в общей христианской симпатической деятельности. Выходит, что по оживлении души волевыми импульсами сердце выражает любовь всей своей силой, почему и сказано ветхозаветным мудрецом: "от сердца – исходы жизни" (ср. [Притч.4:23](#)). Воле тогда остается на долю жизненное воплощение чувств любви, или центральная исполнительная роль. Участие интеллекта в данном акте подобно действию светового аппарата в рабочей комнате нашего существа.

Собственно, мы живем так, как думаем. Думы, образ мыслей или теория определяют нашу практику. Следовательно, любящие христиански, чтобы быть «домами, основанными на камне» (ср. [Лк.6:48](#)), должны утверждать свое настроение на какой-то незыблемой догме. Так и практикуется в Церкви. Здесь православный Символ веры с отдельными догматическими истинами, или своими членами, основополагает характер и строй христианской любви. Он проповедует: а) о Боге – первообразе любви, б) о Церкви – школе любви, в) о Таинствах – средствах излияния на верующих силы любви, г) об отражении в телах воскресения или самоотверженной любви, или самолюбия, д) о жизни будущего века либо в радости любви, либо в муках без нее. Правда, в самый Символ веры идея любви заложена сокровенно – *implicite*, но ее наличие здесь подробно и широко открывают и освещают Библия, святые отцы и пастыри Церкви. По толкованию их, связь каждого догмата веры с идеей любви можно представить в следующих чертах.

а) Пред нами первую встает центральная догматическая истина о Троицизме Божества. Святой апостол Иоанн Богослов внутреннюю жизнь Пресвятой Троицы определяет понятием «любовь». «Бог – любовь есть» (ср. [1Ин.4:8](#)). Три

Божественных Лица в Существе Божиим от вечности бесконечно любят Друг Друга. На бедном человеческом языке это бесконечное единение вырази́мо лишь словами: «В Боге Три Лица – одно». «Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе» (Ин.17:21). «Я и Отец – одно» (Ин.10:30). Так у земных матерей, остановивших все свое внимание на течении жизни любимых детей, предмет самосознания из «я» переходит в «мы». «Я» детей становится у любящих матерей их личным «я». Потому они страдания детей чувствуют своими и, например, во дни голода радуются насыщению своих детей, забывая о своей нужде в пище.

Высочайший образец любви для нас дан в отношении Друг к Другу Трех Лиц Божества. Но содержание человеческой любви выясняют собственно действия в мире Трои́ной любви Божества, которые создают в людях угодное Богу настроение. В Существе Божиим любовь Пресвятой Троицы непостижима и неподражаема. Ее уместно назвать формой внутреннего бытия Божия. Но свойства ее мировых, промыслительных и спасающих проявлений несколько уловимы человеческим разумом, и, что характерно, они имеют целью воспламенить в разумном творении сознательную любовь. На основании библейских данных мы, созерцая действия в человечестве Святой Троицы, видим в Боге Отце Ревнителя нашей чистоты, изумляемся смирению до Креста Сына Божия и усматриваем в излиянии на людей благодати елей милующей силы Духа Святого. Здесь с поразительной неожиданностью открывается состав нашего личного настроения любви – именно в выражениях смирения, милосердия и ревнования о чистоте.

Представлять так любовь психологически естественно, стоит только вдуматься в упомянутые три свойства любящих. Милостивые действительно таят свои преданные любимым чувства и расположения в глубине смирения и широте чистоты от страстей самолюбия. В свою очередь, смирение и чистота имеют какой-то неподдающийся описанию элемент или оттенок любви. Смиранный, любя всех, взаимно любим всеми и свободно извлекает из других тоны любви, как из клавиатуры музыкального инструмента.

Чистота любящего так и светится из его очей, речей и обращения со всеми лучами ласки, теплого привета и небесного благородства. Она – лучезарность любви и безоблачный день бесстрастия.

Верность нашего вывода о тройственной природе человеческой любви доступна проверке и отрицательным путем, чрез доказательство от противного. Антипод любви – самолюбие – состоит из трех определяющих его проявлений: гордости, корысти и похотей чревной и половой. «Все, что есть в мире, по словам апостола Иоанна Богослова, – похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (ср. 1Ин.2:16). Умозаклячая к состоянию любви путем, обратным самолюбию, находим вместо гордости смирение, вместо корысти – самоотверженное бескорыстие или милосердие, вместо похоти плоти – чистоту.

б) Догмат о Боге Троице не только обосновывает троичный состав нашего настроения любви, но и показывает тайну его воссоздания в падшем человеческом роде. По зависти диавола в человеческую природу вошел грех. Он разорвал единство людей, затмил и потушил в их настроении любви благодатный огонь, а мировым законом выставил себялюбие, то есть субъективное разъединение, обособление и самоутверждение. Благодаря тому истинная любовь стала казаться всем каким-то насилием над природой.

в) Тогда, согласно Предвечному Совету Божию, на спасение разорвавших связь с Небесным Отцом исходит Единородный Сын Божий. Он, воплотившись, стал нашим Братом по плоти и крестной смертью и Воскресением снова открыл путь возгорению в нашей природе утраченного огня любви. Отныне действием Святого Духа названный благодатный огонь сообщается всем верующим не просто как сила и свет Божия Существа, а именно как сила сверхъестественной любви.

г) Изливаясь в Таинствах Святой Церкви, благодать Божия воссоздает все силы падшего человека: ум, чувство, волю и телесность его. На фоне этого частичного целения верующей личности нельзя не видеть, что Крещение возрождает настроение природной человеческой любви, Миропомазание – настроение любви благодатной. Покаяние и Елеосвящение

обновляют в нас действие благодати Крещения и Миропомазания, угашаемые грехом. Таинство Святого Причащения благодатно и физически единит нас с Господом Спасителем до «стелесности» и «скровности» Ему. Дарование благодати Таинств Священства и Брака освящает супружескую и пастырскую любовь.

В общем, целение и животворение естественной любви благодатию занимает в Таинствах главное место и по цели делает Таинства чем-то единым. Жизнь под осенением благодати Таинств в Церкви спасающиеся обучаются всецело любить Бога и любить людей единосущно, свято, соборно (смиренно) и апостольски-благодатно. Церковь расширяет молитвенный кругозор каждого до вмещения в сердце целого мира, волю движет смиренно подклоняться под иго канонической дисциплины, сердце вызывает на широкое поле братского деятельного милосердия. Личную скудость любви члены Церкви восполняют еще особым молитвенным предстательством Божией Матери, прославленных угодников Божиих и святых Ангелов хранителей.

д) По святоотеческому выражению, любовь к Богу и ближним в Церкви есть «луч от лица Христова на любящих». Умиравший с этой печатью без препятствий от темной силы проходит загробный путь в назначенные ему Богом места потустороннего обитания.

В час всеобщего воскресения мертвых любовь праведных к Богу будет крыльями к небу и восхитит их горé на сретение в Небесных сферах Судии Христа, грядущего на землю произвести решающий Суд над праведными и грешными ([блаженный] Николай Кавасила, архиепископ Солунский). На Страшном Суде огонь любви от лица Христова произведет внутренний суд над подсудимыми прежде словесного приговора Господа. Почивая на праведных в виде лучезарной красоты, благодатный огонь сосредоточит их на правой, «овчей», стороне. А мрачных грешников, «не принявших на земле истины любви ко спасению» (2Сол.2:10), отделит на левую сторону от Судии (святой Симеон Новый Богослов) и будет их мучительно жечь.

Эту замечательную мысль [о том], как благодать любви может быть причиной тягчайшей загробной муки, подробно развивает преподобный Исаак Сирин в выше упомянутых нами его словах: «Мучимые в геенне, – повторим эти слова, – поражаются бичом любви!.. Ощувившие, что погрешили они против любви, терпят мучение, напряженнее всякого приводящего в страх мучения. Печаль, поражающая сердце за грех против любви, страшнее всякого возможного наказания. Неуместна человеку такая мысль, что грешники в геенне лишаются любви Божией. Любовь есть порождение ведения истины, которое (с чем всякий согласен) дается всем вообще. Но любовь силою своею действует двояко: она мучит грешников, как и здесь случается другу терпеть от друга, и веселит собою соблюдавших долг свой. И вот, по моему рассуждению, таково гееннское мучение: оно есть раскаяние. Души же горних сынов любовь упоевает своими утехами».

Слова святого Исаака Сирина имеют такой смысл. Воспламенение любви от ведения Истины совершится в душах умерших людей, когда те станут пред ликом бесстрастной очевидности Бога и Божественного мира за гробом. Явное там созерцание Бога любви должно вызвать ответную любовь даже у натур, представших в тот мир холодными и равнодушными к Богу. Тогда-то и начинается мучение бичом любви. За гробом люди всецело бессильны каяться в грехах, поскольку у каждого преставившегося в горний мир одна душа, без плоти. Антиномичное понятие Исаака Сирина «нераскаянный и любящий Бога» вскрывает страшную загробную тайну. Видимо, за гробом душа вне плоти желает полноты любви и перевеса ее над страстями, но страсти стихийно увлекают ее под свою власть, жгут ее собою и подавляют в ней семя любви к Богу. Получается в итоге какое-то крайне гнетущее самораздирание души и преодоление в ней страстной инерцией тяготений любить Бога и ближних. Механически Бог не может²⁰ преображать направления неприкосновенной человеческой свободы, а сама она за гробом уже сформировала свое содержание. И вот невозможность покаяться рождает там иступленную жажду покаяния и мучительнейшее чувство

безысходности из власти страстей, или муку неудовлетворенной любви.

Последняя символическая догматическая истина – о жизни будущего века, как и все остальные истины, имеет теснейшее отношение к идее любви. Для каждого человека вечная жизнь и вечная смерть начинаются еще на земле. Время, говоря вообще, условно обозначает длительность земных текущих состояний. Но всякое духовное бытие, временное по началу, вечно своею бесконечностью. Сама вечность сверхвременно развивает процессы человеческой духовной жизни. Земное развитие каждого человека входит только некоторой малой частью в бесконечно длительный акт его потустороннего дальнейшего усовершенствования. Эта точка зрения приложима и к вопросу о последовательном раскрытии в людях настроения любви в условиях земной и загробной жизни.

Вечная жизнь любви, или Царство Божие, может подниматься в человеческих душах на земле от первичных стадий развития до ступеней изумительной высоты. Это сравнительное совершенство имеет место преимущественно у тех христиан, которым, ради их неусыпного молитвенного подвига и борьбы со страстями, Господь прививает навсегда благодатную силу Своей любви. Она озаряет их сердца, как воспламеняющий огонь. Тогда сердечно-волевое чувство любви становится в душе непрерывно журчащим ручейком. "Та вода, говорит Спаситель, которую Я дам, соделается в человеке источником воды, текущей в жизнь вечную» (ср. [Ин.4:14](#)). При описанном высоком уровне благодатной любви христианин внешне способен выполнять все свои земные обязанности, но глубина его души безмолвно погружена всецело в Бога. Она не возмутима уже ничем земным, как не возмутимы поверхностными волнениями нижние слои морской воды. Потусторонний мир условиями своей жизни дает преставившимся туда людям полную возможность развиваться любовью бесконечно и в этом черпать свое полное блаженство.

Установив связь христианских догматов и нравственной жизни людей верующих, мы при наблюдении связи отдельных психических отправления любящего человека далее вскрываем

поразительную картину. У любящего нравственные свойства, самостоятельные в видимых обнаружениях, все без исключения окрашены цветом настроения любви. Человеческая природа в себе проста, и ее скоординированные проявления неразрывно соединены в фокусе пламенного чувства любви. Любовь, как жизненная сила семени, как закваска в тесте, своей энергией проникает душевные явления и собою сливает их в простое единство психики. Поэтому в любящей душе вера остается верой, надежда – надеждой, смирение – смирением, милосердие – милосердием, чистота – чистотой и все разновидности добродетелей удерживают собственный облик. Но любовь все их сгармонизировывает, соподчиняет себе и вводит, как резкие частные штрихи, в картину своего сложного совершенства. "Любовь, замечает апостол Павел, есть союз (совокупность) совершенства» (ср. Кол.3:14).

Станем ли, например, исследовать природу веры – находим ее «действующей любовью» (ср. Гал.5:6). Пред взором наблюдателя надежда ожидает получения излюбленного, смирение самоопустошено для принятия и ношения благодати любви, милосердие размягчено жертвенным состраданием, чистота служит благодати Божией фоном для тонких благодатных впечатлений. Одним словом, аналитическое определение единства видов христианской добродетели в любви – бесспорный факт и выражение самого существа христианской морали. «Весь закон, утверждает апостол, в одном слове – любви» (ср. Гал.5:14).

Если от психологических наблюдений над переживаниями любви перейти к уяснению ее значения в христианском спасении верую, то оказывается, что вера зиждется на особом моменте покаяния человека. С наступлением его у кающегося робко просыпается любовь ко Господу Спасителю, и он пронизывается надеждой [на то], что Спаситель не отвергнет покаяния и простит обращающегося к Нему. Верую кающийся созерцает в Господе Спасителя, а любовь принакает к Нему, как младенец к матери. Ясное созерцание верую Искупителя и естественная теплота покаяния служат как бы удобной средой,

в которую изливается спасительная сила Божия и в себе соединяет кающегося с Богом любви.

Точно так же христианское мученичество в Церкви показательно своим заключительным актом, когда в христианине начало любви и самоотвержения решительно торжествует над самолюбием путем явного соединения с укрепляющей благодатию. В подвиге противления самолюбию постепенное размыкание христиан-мучеников для озарения истинною любовью похоже на сильное напряжение обвитого путами богатыря. Вот он со жгучей болью напряг все мышцы и чувствует, что не может их порвать. В сознании личного малосилия он пламенно молится Богу о помощи – и снова напрягается, как только может. Вдруг внезапно приходит к нему тонкое дуновение жизни – сила Святого Духа. Она поднимает в нем непобедимую энергию и как паутину разрывает путы его страстей.

Завершение страшных мученических болей, в страданиях ли за Христа, в борении ли со страстями, – одно. Это – воспламенение природной способности самоотверженно любить огнем любви, исходящим от Бога. Описанный синтез природы и благодати святые мученики переживают в неизъяснимо сладостном, небесном чувстве и влечении любви. К той же цели сводится и бескровное христианское мученичество, или вся аскеза жизни во Христе. Высказанное нами положение согласно иллюстрируют все жития святых и, в частности, жития страдальцев за исповедание имени Христова.

Подвижничество в Церкви состоит из ряда частных подвигов. Если весь христианский аскетизм имеет задачей достижение благодатной любви, то, очевидно, и наиболее свойственные христианам воплощения аскетизма молитвой, делами милосердия и постом ценны в том же отношении. Они суть акты любви и условия ее бесконечного развития. У истинных христиан они всегда просветлены этим сознанием.

Молиться, по учению Святой Церкви, – то же, что выражать свою любовь к Богу или, по крайней мере, совершать действия любви. На молитве всегда имеет место теплое и горячее устремление к Богу всей души. Душа здесь предается Богу, а

Бог принимает ее порыв и запечатлевает его благодатию. Истинно молящийся просыпается чувством и смягчается сердечно. Имея благодатный ответ Бога на свою преданность Ему, он соединяется с Ним любовью.

Дела милосердия составляют следующий за молитвою своеобразный путь человеческого единения с Богом. Господь почивает вседержительно в природе всех людей, особенно лиц добросердечных. Он любит всех людей, сожалеет о них и желает им счастья и совершенного благополучия. И когда кто-нибудь из них благодетельствует бедным и сострадает нуждающимся, тогда движения любви Бога и благодеющего несчастным встречаются и являют собой чистейший акт любви. Потому-то факты бескорыстного благодеяния **ради Христа** переживаются милостивцами в формах умиления, небесной радости, сердечной широты и глубочайшей светлости, то есть в признаках любвеобильнейшего настроения.

Что касается поста, то он подготавливает нашу природу к ношению благодати любви. Постящийся в духе Церкви воздерживается от движений самолюбия вроде жестокости, злобы, осуждения и других подобных. Всё это решительно стесняет проявление личной страстности, утончает чувствительность к светлым благодатным впечатлениям и расчищает в человеке простор порывам самоотверженной любви.

Таково значение любви в христианской этике и подвижничестве, выражаемом молитвою, благодеянием и постом.

Брошенный нами общий взгляд на положение идеи любви в православно-христианском богословии достаточно рельефно показывает ее средоточное значение здесь и глубочайшую важность. Идея любви в многосторонней системе богословского мышления – душа и жизнь богословия и основание его субъективно-практического приложения.

Любовь, понимаемая в богословском смысле, очевидно ничего общего не имеет с любовью, воспетой средневековыми трубадурами, миннезингерами, бардами, скальдами и нашими бандуристами. Это не любовь романов и философской

абстракции. Она – самоотверженное, богопреданное и братолюбивое сердечно-волевое настроение человека, просветленное благодатною силою Бога, покланяемого в Троице.

Примечания

¹ - Буквальная передача на русский язык еврейского текста Библии. Здесь и далее все неподписанные примечания принадлежат автору – епископу Вениамину (Милову).– Ред.

² - Под «семенем телесности в душе» мы разумеем не что-либо вещественное, но душевное начало, организующее человеческое тело.

³ - Все выделения полужирным шрифтом, в том числе в цитатах из Священного Писания, принадлежат владыке Вениамину (в машинописном оригинале выделено прописными буквами).– Ред.

⁴ - Слав.: «Богодельной».

⁵ - Слав.: «сотвори».

⁶ - Или «установлениям».

⁷ - Дословно: «Ни плоть, ниже кровь тебе, но Отец вдохну Христа богословити».– Ред.

⁸ - Евр. demut женского рода от dam – «подобие» или dama – «быть подобным».

⁹ - Слав.: «и нравов».

¹⁰ - Слав.: «весь спримесився».

¹¹ - Слав.: «ум».

¹² - Т. е. s'wiety. Ср. также сербскохорватское и болгарское слово «свети» – «святой».– Ред.

¹³ - Об этом говорит и Священное Писание в словах: «пусть будет у вас священное собрание: смиряйте тогда души ваши» (Чис.29:7).

¹⁴ - Слав.: «ктому».

¹⁵ - От евр. phesach – «прохождение».

¹⁶ - По греч. подлиннику: «епископ».

¹⁷ - Слав.: «яко быв худог».

¹⁸ - Слав.: «обезтлити».

¹⁹ - Слав.: «Что».

²⁰ - «Бог не может» надо понимать не в буквальном смысле, «ибо все возможно Богу» (Мк.10:27), а в том, что Бог этого не делает, потому что на это нет Его святой воли, – Ред.

¹ - *О любви к Богу и ближним.